ДБ
350
К 59
Козьмин Б.П.
Револ. подполь
в эпоху Белого
террора.
М., 1929г.

Б. П. КОЗЬМИН

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В ЭПОХУ „БЕЛОГО ТЕРРОРА“

ИЗД-ВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1929 г.
№ 1 (XLII).

МОСКВА

Открытый Фонд
Библиотеки Палиткаторжан
947р
К-59
ДБ
350
К 59

Б. П. КОЗЬМИН

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ В ЭПОХУ „БЕЛОГО ТЕРРОРА“

ПОГАШЕНО
ПРОВЕРЕНО
2663

1929

Главлит № А 26.776
Тираж 3000 экз.

Заказ № 2379

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

488027

Иван Иванович
БОЧКАРЕВ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

В истории русского революционного движения эпоха шестидесятых годов является наименее разработанной и изученной. Исследователь, работающий в этой области, встречает на каждом шагу такие затруднения, с какими ему не приходится иметь дело при изучении других периодов нашего революционного прошлого.

Достаточно указать хотя бы на то, что от революционеров-шестидесятников до нас почти совершенно не дошло мемуаров и воспоминаний. Если мы вспомним обильную мемуарную литературу декабристов или народников 70-х годов, то убедимся в том, насколько благоприятнее положение историка, разрабатывающего эти эпохи. Правда, воспоминания участников—материал во многих отношениях недостоверный и нуждающийся в кропотливой проверке, путем сопоставления их с историческими источниками иного рода. Однако, это не исключает того, что о многих событиях и фактах мы часто узнаем исключительно лишь из мемуаров современников, ибо ни в каких других источниках эти события и факты не зарегистрированы. Вот почему во многих случаях воспоминания современников открывают исследователям возможность восполнить такие пробелы, какие при отсутствии этих воспоминаний остались бы навсегда интригующей исследователя, но неразрешимой для него загадкой.

Мемуаров от шестидесятников почти не осталось. При таких условиях изучение архивных документов приобретает

особенно важное значение. Однако, и в этой области до сих пор сделано очень мало. Когда революция 1905 г. приоткрыла двери в недоступные до тех пор архивохранилища, исследователи, естественно, обратились в первую очередь к изучению наиболее крупных и важных политических процессов эпохи 60-х годов,—да и то не всех: научная разработка таких исключительных по своей важности для характеристики эпохи процессов, какими были процессы каракозовцев и нечаевцев, только-что начинается в наши дни. Мы хорошо изучили процессы Чернышевского, Михайлова, Писарева и некоторые другие; мы извлекли из архивов и пустили в научный оборот все (или вернее: почти все) документы, относящиеся к этим процессам. Но мы оставили совершенно вне нашего внимания десятки других, менее важных и эффектных дел, без изучения которых, однако, немыслимо представить более или менее точную и верную картину развития революционного движения 60-х годов. Что мы знаем, например, о революционной пропаганде в войсках, которая довольно интенсивно велась в 60-е годы, или о пропаганде среди рабочих, которая в эту эпоху началась в разных концах России?—Почти ничего! Только кое-какие разрозненные данные собраны и опубликованы по этим вопросам. Мы кое-что знаем о каракозовском деле и о революционной деятельности Нечаева и его товарищей в Петербурге зимой 1868—1869 г.г. А что происходило в подпольной России в промежутке между этими двумя революционными выступлениями? Да и происходило ли вообще что-нибудь в это время? Существовало ли в эти годы революционное подполье?

Если ознакомиться с работами по истории нашего революционного движения, то придется притти к выводу, что после разгрома ишутинцев, весной 1866 г., и до возникновения поздней осенью 1868 г. кружка Нечаева—в России вообще никакой революционной работы не велось и никаких революционных организаций не существовало. Да и как им было существовать в годы «белого террора», воцарившегося после выстрела Каракозова? Не до революционной работы было в атмосфере той удушливой общественной реакции и

в условиях тех жестоких правительственных репрессий, которыми отмечены 1866—1868 г.г.

Такова обычная и укоренившаяся точка зрения на эту эпоху.

«В 1866—1869 г.г.,—пишет в своих воспоминаниях современник, хорошо осведомленный в жизни петербургского радикального студенчества этих лет,—Россия переживала страшную реакцию, как последствие покушения Каракозова на Александра II. Царили всюду тишина, мертвечина, нигде не было никаких проявлений не только жизни политической, но даже общественной: ни в среде литературной, ни общественной, ни студенческой. Всякие культурные начинания были закрыты и строго преследовались полицией, которая царила везде и всюду. Среди студенчества не было ни касс взаимопомощи, ни своих библиотек, ни общих кухмистерских» *).

Так говорит авторитетный современник, и мы, казалось бы, не имеем оснований не верить ему. При таких условиях остается только развести руками от изумления перед той «нечеловеческой энергией», которая дала возможность Нечаеву создать среди этой мертвой пустыни революционную организацию и вызвать интенсивное движение среди петербургского студенчества в зиму 1868—1869 г.г.

Но так ли все это? Действительно ли после разгрома 1866 г. в России совершенно не осталось революционных организаций, если только не считать стоявшего особняком «рублевого общества» Ф. Волховского и Г. Лопатина, о котором мы кое-что знаем? Или такие организации существовали, но только мы ничего не знаем о них?

Пусть архивные материалы, до сих пор никем не тронутые, помогут нам разобраться в этих вопросах.

---

*) М. П. С а ж и н (А р м а н Р о с с). Воспоминания. М. 1925 г. стр. 19.

I.

Арест Ив. Пеньковского. Дело М. К. Элпидина. Дело бр. Пеньковских.

5 августа 1868 г. в Петербурге был задержан полицией бывший студент Казанского университета, не имеющий права в'езда в столицы и столичные губернии, Иван Дмитриевич Пеньковский.

Пеньковскому не впервые приходилось встречаться с жандармами. Еще за пять с лишним лет до этого он был арестован ими в Казани. Об обстоятельствах, вызваших этот первый арест Пеньковского, нам необходимо рассказать, так как они имеют некоторое отношение к последующему.

В апреле 1863 г. в уездном городе Казанской губернии Лаишеве, местный мещанин Кабанский передал другому мещанину Тимофею Круглову печатный листок. На вопрос Круглова, откуда он достал этот листок, Кабанский ответил, что получил его на базаре от лаишевского мещанина Степана Булгакова, который, передавая ему листок, сказал: «У тебя, Кабан, есть библия; прочитай этот листок дома». Прочитав листок, данный Кабанским, и увидав, что это—«возмутительное и противозаконное сочинение», Круглов поспешил об'явить об этом лаишевскому бургомистру, купцу Гребенщикову. Листок оказался прокламацией «Долго давили вас, братцы», получившей в 1863 г. довольно широкое распространение в приволжских губерниях *).

*) Прокламация эта напечатана М. К. Лемке в примечаниях к XV т. Собр. сочинений А. И. Герцена, стр. 546—548. Составление этой прокламации, как известно, приписывается дважды исключенному из Казанского университета за участие в студенческих волнениях (в 1857 и 1861 г.г.), студенту Ивану Умнову, скончавшемуся в июле 1863 г.

Начатое сперва лаишевскими, а затем казанскими властями расследование обнаружило, что Ст. Булгаков дал прокламацию не только Кабанскому, но и четырем крестьянам, приехавшим в Лаишев на базар. При допросе Булгаков показал, что раздавал эти прокламации «в виде шутки», не донес же о них властям «потому, вероятно, что грех до него дошел, на что есть воля божия». Далее выяснилось, что прокламации эти (6 экземпляров) Степан Булгаков получил от приезжавшего незадолго до того в Лаишев казанского студента Элпидина *), который, кроме Ст. Булгакова, раздавал такие же прокламации его брату Василию и крестьянке Лаишевского уезда Устинье Сычевой.

29 апреля 1863 г. Элпидин был арестован у себя на квартире в Казани. При обыске у него были обнаружены запрещенные издания и рукопись, излагающая учение Будды, в которой «выражено нагло богохуление и порицание правил веры, таинств и святых угодников». На вопрос о том, откуда он получил прокламации «Долго давили вас, братцы», Элпидин дал крайне неопределенные и явно выдуманные об'яснения.

Общее собрание Казанского уголовного суда и городового магистрата, рассматривавшее дело Элпидина и бр. Булгаковых, приговорило 27 января 1864 г. первого из них к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на 4 года. Казанская уголовная палата удлинила ему срок каторжных работ до 5 лет. Этот приговор был подтвержден Сенатом и Государственным Советом, а Александр II, на утверждение которого поступил приговор, положил резолюцию: «Быть по сему, но с тем, чтобы срок каторжных работ был сокращен на половину» **). Однако, прежде, чем судьба Элпидина была решена, ему удалось (6 июля

*) Михаил Константинович Элпидин, сын дьякона, уроженец Лаишевского уезда, был старый знакомый казанских жандармов. В апреле 1861 г. он был арестован в селе Бездна (Лаишевского уезда) во время происходивших там крестьянских волнений, но за недостатком улик освобожден. В октябре того же года он был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и выслан на родину.

**) Дело Элпидина излагается нами, как по литературным источникам, так и на основании производства I отдел. VI департ. Сената 1864 г. № 125. В словаре деятелей революционного движения, соста-

1865 г.) бежать из казанского тюремного замка и скрыться за границу.

При обыске, произведенном 29 апреля 1863 г. у Элпидина, подверглись также обыску жившие на одной квартире с ним три брата Пеньковские: коллежский регистратор Евграф, студент Иван и семинарист Михаил *). У Евграфа Пеньковского были найдены два письма его к брату Ивану, в одном из которых (от 6 июня 1862 г.) он сообщает «приятную новость» о побеге М. И. Михайлова из Сибири в Лондон, а в другом рассказывает о том, что в Петербурге возникло революционное сообщество «Молодая Россия», поставившее своею целью учреждение демократической федеративной республики, и добавляет: «Есть основание предполагать, что люди, составляющие это общество, умеют не говорить только, а и действовать».

У Ивана же Пеньковского, между прочим, были найдены:

а) нарисованная от руки картинка, изображающая мужика и какую-то личность в сюртуке, которая одною рукою держит мужика за волосы, а другую опустила ему в карман; на картинке этой имелась надпись: «Мужика бьют и грабят по указу царя»;

б) писанные Иваном Пеньковским заметки о декабристах и

в) писанная им же прокламация к народу, датированная 24 декабря 1861 г. и начинающаяся словами: «Бью челом народу православному».

В этой прокламации, написанной под впечатлением крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., Пеньковский, обращаясь к народу, выражал надежду: «Авось, он примет слово от души, от сердца, слово о теперешней народной воле». Указав, что царская воля не принесла радости народу, что везде он ее празднует розгами да кровью, Пеньковский говорил, что нечего ждать лучшей доли от «царя-немца»,

---

вленном А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой (2-й вып. I тома, стр. 481) о приговоре над Элпидиным даны весьма далекие от действительности сведения.

*) Иван Пеньковский был старым знакомым Элпидина. По его словам, они жили на одной квартире с Элпидиным еще в 1859 г., когда готовились к поступлению в Казанский университет.

который соблюдает лишь выгоды свои да помещиков, а нужно подумать своим умом; в народе—сила великая: 23 миллиона крепостных, немало государственных крестьян, да и другого недовольного народу много наберется; против такой силы не устоят царь с помещиками, лишь бы народу расшевелиться, наточить топоры да подняться подружнее и отомстить мучителям за обиды, пот и кровь. Далее Пеньковский говорил о том, что народ забыл старое время, когда Пугач вешал бар да брал города; но не удалось ему пройти по всей России, перерезать помещиков да добраться до царского величества; войска царские схватили Пугача, народ не устоял, не поборолся с войсками за правду и остался при своей горькой доле; теперь же пора снова подняться за правду, ждать Пугача, пристать к нему с топором, порешить чиновников да дворян и устроить выборное начало. Прокламация кончалась стихотворением, в котором, между прочим, говорилось:

«Пореши царя сапожника,
Пореши его семью,
Не щади его, безбожника,
Не клони главу свою».

Из других бумаг, отобранных у Ивана Пеньковского, надо отметить черновые речи студентов по поводу бывших в Казанском университете в октябре 1861 г. волнений и проект прошения студентов к царю об изменении университетских уставов. Наличность у Ив. Пеньковского этих документов, думается, может служить свидетельством того, что он, как и его друг Элпидин, принимал деятельное участие в волнениях 1861 г., хотя и не пострадал в связи с этим *).

Конечно, Евграф и Иван Пеньковские были арестованы. При допросе Евгр. Пеньковский показал, что относительно «Молодой России» он писал то, что слышал в Казани; кто давал ему читать эту прокламацию, не помнит. Что же

---

*) К сожалению, нам не удалось найти подлинных документов, отобранных у бр. Пеньковских, вследствие чего приходится довольствоваться изложением их в сенатской записке по делу Пеньковских.

касается Ивана Пеньковского, то, естественно, жандармы больше всего интересовались составленной им прокламацией. Сущность об'яснений, данных И. Пеньковским по этому вопросу, в передаче их сенатской запиской сводилась к следующему:

Прокламация писана им в 1861 г., под влиянием революционных идей, которые распространялись в то время подметной литературой («Великорусс», «К молодому поколению», «Что нужно народу»); идеи эти, увлекая молодежь, всегда жадно стремящуюся к новизне и запрещенному плоду, доводили многих до самой нелепой экзальтации, в ущерб и здравому смыслу, и всяким основам общественности. Его ли, Пеньковского, вина, что он не мог избежать этих влияний, что его ничто не укрыло от них? Его ли вина, что развитие человека, — и нравственное, и умственное, — идет у многих изгибами и проходит через известные трущобы, что сознание очищается, переходя через сомнение и отрицание? Он не мог противиться обаянию того, чем проникнута была окружавшая его среда. Под влиянием этой временной экзальтировки разрушительными идеями, была сделана им, Пеньковским, преступная попытка написать подобное воззвание без всякой определенной цели, из желания передать бумаге то, что на время раздражало его голову, но это не имело никаких последствий: воззвания своего он никогда никому не показывал, сам считал его давно уничтоженным и теперь смотрит на него, как на отрывок из истории своего развития, отрывок, принадлежащий тому прошлому, о котором не может вспоминать без глубокого сожаления и раскаяния; как гражданин, он видит в нем укоризну за свое прошлое и с полным раскаянием предает себя в руки правосудия *).

Сенат, рассматривая дело бр. Пеньковских, довольно мягко отнесся к Ивану Пеньковскому. Находя составленное им воз-

---

*) На дополнительном допросе Пеньковский показал, что стихотворение, приведенное им в прокламации, заимствовано из выходившего в то время в Казани рукописного журнала «Студенческий голос», с которым он познакомился в университетской читальне.

звание «в высшей степени предосудительным», он в то же время в своем приговоре указал, что это воззвание «не есть нечто самостоятельное», а «от начала до конца компиляция и перефразировка из различных прокламаций»; таким образом, оно «не есть плод собственных мыслей» Пеньковского, а «лишь выборка, компиляция из тех преступных сочинений, подметной литературы, которая современно тому распространяла революционные идеи и ложный патриотизм». Исходя из этого, Сенат приговорил Ивана Пеньковского, по лишении некоторых особенных прав и преимуществ, заключить в крепость на 1 год и 4 месяца, а затем отдать под надзор полиции и на 1 год *). Приговор этот 25 июня 1865 г. был утвержден царем, с воспрещением Пеньковскому пребывания в столицах и столичных губерниях **).

По выходе из тюрьмы, Ив. Пеньковский жил в Казани до марта 1868 г., когда он, по его словам, отправился в Малороссию, а оттуда в конце мая приехал в Петербург, где после долгих поисков работы поступил на службу в министерство внутренних дел.

5 августа того же года, как мы говорили выше, он был арестован. Среди найденных у него при этом бумаг жандармов заинтересовала одна записка с рядом выскобленных слов. Она гласила:

«Я получила письмо из Н... ***) по адресу на имя г... и очень рада видеть вас». Далее следовали выскобленная подпись и адрес с выскобленным номером квартиры.

Пеньковский об'яснил, что записка эта была получена им от незнакомой ему женщины, которую рекомендовал ему в письме, полученном по городской почте в начале июня 1868 г., какой-то неизвестный господин, подписавшийся Ф о л ь к. Рекомендация заключалась в том, что при посредстве этой женщины можно получить занятия.

---

*) Евграф Пеньковский был приговорен к аресту на 2 недели и полицейскому надзору на 1 год.

**) Дело бр. Пеньковских, совершенно не освещенное в литературе, изложено нами по производству I отдел. VI департ. Сената 1864 года № 587.

***) Буква «Н» разобрана чиновниками III отделения. Однако, возможно, что это было не «Н», а какая-нибудь иная буква.

Конечно, чиновники III отделения были не столь наивны, чтобы поверить об'яснениям Пеньковского. При наличности адреса, хотя и с выскобленным номером квартиры, установить личность автора найденной у Пеньковского записки не представляло большого труда. Им оказалась хорошо известная III отделению «нигилистка» Екатерина Александровна Солодовникова.

ПОЛУЧЕНО
335
8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
488027

II.

Ек. Ал. Солодовникова. Ее арест. Ее отношения с Ив. Пеньковским *).

Дочь коллежского асессора, Солодовникова родилась в 1846 г. в Петербурге. В Петербурге же прошла и дальнейшая ее жизнь. По окончании Мариинского института, она посвятила себя педагогической деятельности. Одновременно с этим она вращалась в литературных и радикальных кругах Петербурга, среди которых пользовалась известностью. Известный впоследствии критик А. М. Скабичевский, хорошо знавший Солодовникову в те годы, о которых у нас идет речь, так характеризует ее в своих воспоминаниях:

«В это время среди нас вращалась некая барышня Ек. Ал. Солодовникова. Барышня шустрая, весьма неглупая, хотя несколько легкомысленная, она пользовалась общим расположением всего кружка «Отечественных Записок». Принимая горячее участие в общественных вопросах и особенно в женском движении, она затеяла какое-то чтение, не помню, в чью-то пользу, и обратилась ко мне с просьбою принять участие в этом чтении и прочесть что-либо о Белинском»**).

Интерес Солодовниковой к женскому движению, о котором упоминает Скабичевский, проявлялся в разных направлениях.

---

*) При изложении Пеньковского, Солодовниковой, Кипиани и Бочкарева мы пользовались делами III отделения 3 эксп. 1868 г. № 181 и следственной комиссии 1868 г. № 427. Другие источники указаны ниже.

**) А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М. 1928 г., стр. 311.

Она была одной из учредительниц и распорядительниц «школы сельских учительниц», закрытой правительством в 1866 г. после выстрела Каракозова, вследствие подозрений, что в этой школе ведется революционная пропаганда. Она принимала деятельное участие в хлопотах о допущении женщин к высшему образованию.

В начале 1867 г., по инициативе известной писательницы и общественной деятельницы Евг. Ив. Конради, петербургскими женщинами было составлено прошение на имя министра народного просвещения о разрешении женщинам посещать университет. Под этим прошением набралось до 400 подписей. Для дальнейших хлопот и переговоров с министром подписавшие избрали депутаток, в число которых вошли, с одной стороны, представительницы либеральных дам (Н. В. Стасова, А. П. Философова, М. В. Трубникова и др.), с другой — «нигилистки»; в числе последних была и Е. А. Солодовникова, вместе с Соф. Никит. Ткачевой (сестрой известного революционера), возглавлявшая левое крыло депутаток.

Забегая несколько вперед, мы считаем нужным отметить, что арест Солодовниковой по делу Пеньковского отразился на ее работе в качестве делегатки. Некоторые из либеральных дам, боясь, что участие скомпрометированной в политическом отношении Солодовниковой в их деле может неблагоприятно отразиться на его исходе и повредить успеху их ходатайства у министра народного просвещения, стали говорить, что Солодовникову надо исключить из числа депутаток. Узнав об этом, последняя вспылила и поспешила сама сложить с себя полномочия. Либеральные дамы продолжали свои хлопоты, но получили от министра категорический отказ. Между тем, вскоре, к своему удивлению, они узнали, что Солодовниковой каким-то образом удалось получить разрешение на устройство женских курсов с программой мужских гимназий*). Курсы эти, известные под именем Алар-

*) Подробнее об этой истории см. В. В. Стасов. Надежда Васильевна Стасова. СПБ. 1899 г., стр. 243—247; Е. А. Штакеншнейдер. Из дневников 1861—1870 г.г. «Голос Минувшего», 1916 г. № 4, стр. 64—66; Сборник памяти А. П. Философовой, П. 1915 г. т. I, стр. 184—185.

чинских, открылись в 1869 г., просуществовали до 1875 г. и пользовались большим успехом, так как давали слушательницам хорошую подготовку *).

Обыск, произведенный у Солодовниковой, подтвердил догадку III отделения о том, что именно она являлась автором записки, найденной у Пеньковского: его письмо с просьбой о свидании нашлось среди бумаг Солодовниковой. Пеньковскому не оставалось ничего другого, как признать, что найденная у него записка писана Солодовниковой. Он сделал это и об'яснил, что не назвал ее фамилии в первых своих показаниях потому, что не считал себя обязанным делать это. Собственные имена в записке были им выскоблены из нежелания компрометировать Солодовникову в том случае, если бы письма были потеряны или попались на глаза постороннего читателя.

Что касается Солодовниковой, то, как и Пеньковский, она об'ясняла свою переписку с ним желанием найти для него какую-нибудь работу. До получения от Пеньковского в июле 1868 г. записки она с ним знакома не была; при свидании он просил ее найти для него какие-нибудь занятия; но в то время ничего подходящего она не имела в виду; вскоре из письма одного знакомого Солодовникова узнала, что работа имеется; в виду этого, она пригласила Пеньковского к себе.

«У г. Пеньковского, — показала Солодовникова в следственной комиссии,—я не была ни разу, а видела его всего раза два, кажется, у себя. Ничего, кроме только его работы, я с ним не говорила, потому что считала и считаю невозможным входить в какие бы то ни было разговоры с человеком, которого видишь всего во второй раз в жизни и не знаешь, что он и какие его задние цели относительно меня.

---

*) „Потребность в такой подготовке,—говорит одна из слушательниц этих курсов,—была так велика, преподавание в женских учебных заведениях велось так поверхностно, что в числе аларчинских слушательниц было много кончивших курс не только в гимназиях и институтах, но и на педагогических курсах". А. И. Корнилова-Мороз. Перовская и основание кружка чайковцев. „Каторга и Ссылка" 1926 г. № 1, стр. 7. В числе слушательниц аларчинских курсов было много видных участниц революционного движения 70-х годов: С. Л. Перовская, сестры Корниловы, О. А. Шлейснер (Натансон), А. П. Корба, С. А. Лешерн-фон-Герцфельд и др.

Тем более, что я и видела-то его всего не более от 7 до 15 минут».

Почему же Пеньковский обратился к Солодовниковой, не зная ее, за работой? — поинтересовалась следственная комиссия. Вероятно, потому, что к ней за работой обращались многие знакомые. Таков был ничего в сущности не раз'ясняющий, уклончивый ответ Солодовниковой. Еще более уклончивым был ее ответ на вопрос о смысле записки, написанной ею Пеньковскому. Об'яснить значение слов: «Я получила письмо из Н... по адресу на имя г...», она отказалась. Одно только удалось выяснить следственной комиссии—это то, что на втором из выскобленных Пеньковским в этой записке мест стояла фамилия знакомого Солодовниковой Суфщинского, о котором нам придется говорить ниже.

Теперь же нам необходимо упомянуть о некоторых документах, найденных у Солодовниковой при обыске. Это даст нам возможность до некоторой степени установить круг ее знакомства и ее связи в революционных кругах.

Среди этих документов было письмо эмигранта Николая Александровича Вормса, довольно известного во вторую половину 60-х годов, поэта, сотрудника «Русского Слова», «Дела», «Женского Вестника» и других радикальных органов той эпохи *). Письмо это, отправленное 17 (29) октября 1867 г. из Ниццы, было адресовано на имя некоей Юлии Валентиновны. По содержанию своему оно не заинтересовало следственные власти, тем более, что они не могли определить личность адресата. Между тем, несомненно, что им была Ю. В. Бобарыкова, весьма заметная участница

---

*) В 1864 г. III отделение получило сведения о том, что Вормс собирает в Москве средства на помощь ссыльным полякам, участникам восстания 1863 г., вследствие чего за ним было учреждено негласное наблюдение (Дело III отд. 1 эксп. 1863 г. № 23, ч. 611). В 1866 г. Вормс подвергся аресту в связи с каракозовским делом, а по освобождении осенью того же года эмигрировал за границу. Там он сперва в «Колоколе» Герцена, а затем отдельной брошюрой опубликовал свои воспоминания о каракозовском деле «Белый террор или выстрел 4 апреля 1866 г. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции». Поселившись в Женеве, Вормс сблизился с молодой русской эмиграцией. Человек болезненный, Вормс скончался в 1870 г. за границей.

конспираций той поры, арестованная в декабре 1869 г. и преданная суду по нечаевскому делу. Петербургская судебная палата оправдала ее, но — мы сказали бы — без достаточных оснований, ибо Бобарыкова призналась, что знала о существовании тайного общества, организованного Нечаевым, и, намереваясь незадолго до своего ареста ехать за границу, приняла шифрованное письмо для передачи Нечаеву в Женеве; из показаний же других участников процесса было известно, что на квартире Бобарыковой в Петербурге происходила вербовка членов тайного общества «Народная Расправа».

Другим письмом, найденным у Солодовниковой, было ее собственное письмо на имя Степана Венедиктовича Езерского, имя которого в то время еще ничего не говорило органам политического розыска. Студент петербургского университета Езерский выдвинулся позднее — зимой 1868-1869 г., во время студенческих волнений, в которых он принимал участие, являясь лидером умеренной партии студенчества, стремившейся удержать движение в рамках исключительно академических и боровшейся против Нечаева и его товарищей, пытавшихся повернуть студенческое движение на путь политической борьбы. За участие в студенческих волнениях Езерский в 1869 г. был выслан на родину, в Могилевскую губернию, впоследствии был видным земским деятелем и городским головою Могилева, а в 1878 г. подвергся ссылке за выражение сочувствия выстрелу Веры Засулич.

В этом письме Солодовниковой, оставшемся неотправленным, для нас представляет интерес одно место.

«Не знаете ли вы, — писала Солодовникова, — кто была урожденная теперешняя m-me или г. Фольк? Выясните ее родство, прежнее, не по мужу; мне бы очень хотелось, потому, если вспомните, напишите скорее. Она также не чужда возобновлять старые связи, но я бы была очень рада узнать ее происхождение, тем более, что Фольков, как Ивановых, много» *).

Затем у Солодовниковой нашли письмо студента петербургского университета Николая Дмитриевича Кипиани на

*) Полностью это письмо приведено ниже, в приложениях.

имя Черкезова. Кипиани, как и Езерский, принимал впоследствии деятельное участие в студенческом движении и в 1869 г. был арестован, исключен из университета и выслан на родину. Что же касается Черкезова, то это был хорошо известный III отделению князь Варлаам Джон Асланович Черкезов, привлекавшийся в 1866 г. по каракозовскому делу и приговоренный Верховным уголовным судом к восьми месяцам тюремного заключения *).

Солодовникова об'яснила, что письмо Кипиани попало к ней для того, чтобы она присоединила к нему от себя записку к Черкезову, но вследствие возвращения последнего в Петербург, письмо отправлено не было и осталось в ее бумагах.

В письме к Черкезову Кипиани жаловался на инертность студенчества и отсутствие в нем серьезных интересов и рассказывал о попытке петербургских студентов, уроженцев Кавказа, в целях об'единения молодежи, создать тайную кассу взаимопомощи **).

---

*) В декабре 1869 г. Черкезов был арестован по нечаевскому делу и за принадлежность к «Народной Расправе» приговорен к ссылке на житье в Томскую губ.; оттуда в 1876 г. он бежал за границу. Позднее Черкезов был видным деятелем русского и международного анархистского движения. Умер 18 августа 1925 г. в Лондоне.

**) Чтобы не отвлекаться от основной темы нашего рассказа, мы не будем останавливаться на этой кассе, история которой выяснилась довольно полно из документов, отобранных при обыске у Кипиани. Однако, в виду того, что о существовании ее до сих пор в литературе не было никаких сведений, мы считаем необходимым сказать о ней несколько слов. Касса эта возникла в конце 1867 г. и просуществовала до весны 1868 г., когда ее участники раз'ехались на летние вакации из Петербурга. Касса, учрежденная Кипиани и его товарищами, была одной из попыток возрождения той корпоративной организации студенчества, которая существовала в русских университетах в первые годы царствования Александра II и которая погибла после того, как правительство в 1861 г. запретило студенческие сходки, суды, библиотеки, кассы взаимопомощи и т. д. Организаторы кассы мечтали об об'единении не только петербургского, но и всего русского студенчества; в числе участников кассы, кроме студентов различных петербургских высших учебных заведений, были один студент Петровской академии в Москве и один — Харьковского университета. Личный состав кассы любопытен и в том отношении, что при организации ее сошлись «старики», участвовавшие в студенческих волнениях 1861 г. (Давид Абдушелли-Швили, Кирилл Лордкипанидзе и Авель Челокаев), с молодежью, которой в будущем предстояло принять участие в движении, охватившем петербургские высшие учебные заведения зимой 1868—1869 г. г. (помимо Кипиани, Виссарион Джапаридзе, Николай Орбелиани и Леонид Мгебров); что касается Черкезова, то он также

Кипиани был арестван и привлечен к делу *).

Гораздо больший интерес для следственных властей представляли другие документы, найденные у Солодовниковой. К ознакомлению с ними мы и перейдем.

принадлежал к числу членов кассы взаимопомощи, но, повидимому, пробыл в ней недолго. Никто из членов кассы, кроме Кипиани и допрошенного в качестве свидетеля Черкезова, к следствию привлечен не был; следственная комиссия не проявила особого интереса к открытой ею кассе взаимопомощи. Более подробно история кавказской кассы взаимопомощи выясняется из писем Н. Кипиани к В. Черкезову и отцу, которые мы приводим ниже, в приложениях.

*) Кипиани отделался пустяками: в виду его молодости (ему в то время шел 21-й год) и выраженного им «раскаяния», по высочайше утвержденному постановлению следственной комиссии ему было сделано строгое внушение о недозволении на будущее время никаких законопротивных поступков; помимо сего, за ним было учреждено негласное наблюдение.

III.

Письма к В. Ф. Суфщинскому из Женевы. „История начала и конца миссии Бочкарева".

Документами этими были два письма, присланные из Женевы на имя Василия Филипповича Суфщинского *).

Одно из них (с почтовым штемпелем на конверте «С.-Петербург. 25—VII—1868») гласило:

«Суббота.

«Какой вы, мой милый, безбожник, что не хотите уведомить меня до сих пор о здоровьи Катиньки **). На-днях проездом я встретился с княгинею Колончаловой, которая сообщила мне, что будто Катинька страшно больна—даже отчаянно. Правда ли это? Что же ничего не извещаете, заставляете меня трепетать, может быть, понапрасну? Хотя я и сам не совсем здоров, но тем не менее предпочел бы видеть ее. Ведь давно ей советовали с'ездить заграницу,—что же она медлила? Отвечайте, ради создателя, быстрее, не медля дня. Иначе, я понапрасну могу израсходоваться на дорогу, а вы знаете, что путь недешев. Пишите по тому же адресу, как три месяца назад.

В ожидании скорого ответа остаюсь ваш... ***).

«Я желал бы получить ответ, по крайней мере, отрицательный, лучше что-нибудь, чем ничего,—кстати, следовало бы ответить на одно письмо из генварских. Мне сдается, что

---

*) Суфщинский — сын священника, уроженец Киевской губ., род. около 1845 г. По окончании 2-й гимназии в Петербурге был вольнослушателем Петербургского университета.

) «Катинька» — повидимому, Е. А. Солодовникова. **Б. К.

***) Подпись неразборчива. **Б. К.**

раньше сентября вы не ответите. Месяца через полутора на вас будет лежать обязанность пристроить к месту одного из моих кузенов, который явится к вам. Между прочим, генеральша Бибикова *) мне обещалась помочь в этом родственном деле».

Другое письмо к Суфщинскому было следующего содержания:

---

*) Бибикова, Анна Ивановна, мать известного публициста 60-х годов П. А. Бибикова, в 50-х годах сотрудничала в журналах «Пантеон» и «Всемирная Иллюстрация», где напечатала под псевдонимом Евгения Лунского несколько беллетристических произведений. С. А. Венгеров в своем «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (т. III, стр. 245) дает такую оценку литературной деятельности Бибиковой: «Совсем отказать Лунскому-Бибиковой в известном беллетристическом если не таланте, то хоть умении, нельзя. Мимоходом попадаются страницы не без наблюдательности. Но, в общем, это чисто-женские писания, тягучие и расплывчатые, с героинями добрыми, как ангелы, прекрасными, как херувимы, и в конце концов выходящими, конечно, замуж за богатых, молодых и прекрасных вельмож». — Биографические данные, которыми мы располагаем относительно Бибиковой, крайне скудны. В. Зотов, знавший ее по «Всемирной Иллюстрации», сообщает о ней: «Жена крымского помещика, владевшего имением на Альме, она задолго до крымской кампании играла в Севастополе первенствующую роль и блистала в обществе моряков красотою и образованием. Но однажды, оскорбленная на балу словами лица, занимавшего важный пост в иерархии города, она в свою очередь нанесла ему публичное оскорбление действием, с помощью атласного башмака, снятого ею со своей ноги. Этот инцидент был причиной ее разрыва с мужем и переселения в Петербург с двумя дочерьми, в то время, когда ее сын, будущий публицист, остался с отцом. Здесь Бибикова сама занялась, как женщина умная, воспитанием дочерей... Анна Ивановна принуждена была оставить Петербург вследствие истории, происшедшей в одном из клубов, последствием которой было запрещение во всех собраниях, повидимому, самой невинной игры в лото. Она любила литературу и литераторов. Никогда не видав Аполлона Григорьева и узнав, что он посажен в долговую тюрьму, она заплатила его долги. Бибикова уехала за границу» (см. рецензию Зотова на «Словарь» Венгерова. «Историч. Вестник», 1893 г. № 3, стр. 899). За границей Бибикова поддерживала сношения с эмиграцией; нам еще встретится ниже ее имя, как одной из посетительниц Элпидина. Бывала она и у Герцена, в одном из писем которого к Огареву (от 8 января 1868 г.) мы находим следующие строки: «О Бибиковой ничего не знаю, кроме того, что у нее была хорошенькая дочь и сын написал книгу «Опыты», за которую был судим. Она о себе говорила: «Дочь адмирала, жена генерала», — вот и все» (Собр. сочин. Герцена, т. XX, стр. 131; в примечаниях к этому письму Лемке ошибочно сообщает, что Бибикову звали Марьей Николаевной). Упоминает о Бибиковой, как о женщине, известной всему Петербургу и представлявшей собою «курьезный тип тогдашней Sans-Géne», — П. Д. Боборыкин в своих воспоминаниях «За полвека» (см. «Голос Минувшего», 1913 г. № 3, стр. 197 и «Рус. Старина», 1913 г. № 1, стр. 26). Бибикова умерла за границей в самом конце 60-х годов.

«16 июля [1868].

«Не получал писем от вас со времени посылки, вероятно, потому, что письма затериваются, и мне кажется, что тут виноваты и вы лично. Почему бы не устроить вам несколько адресов так, чтобы и сами посредники, которые передавали бы письма, не подозревали точных автографов. Уверяю вас, нетрудно Ивану с Петром переписываться через Игнатья и Кузьму. Это показал мне опыт из жизни. В одном из последних моих писем я указал вам на провинциальных моих родственников, об которых спрашивали. Почему же до сих пор не сказали мне, что адреса получены? Разве это аккуратность? Я еще не знаю, получили ли вы это письмо. Так как вы намерены уехать на дачу, то едва ли будет практичным делом брать конторскую часть в банкирском доме каких-нибудь на 10 дней. Не лучше ли предоставить заняться специально на время нашей отлучки моему бывшему конторщику моего имения. Впрочем этот вопрос не так важен для нас с вами, чтоб долго препираться. Лишь бы счеты были сведены: вы ли сведете или мой бывший управляющий. Это покажет время недели через две.

«Вы сообщите мне об торговых делах Вос. и его К°, насколько он имеет к вам или вашим родственникам отношение. Это для меня важно; по рассказам Бочкарева, этого экскоммерсанта, он, т.-е. В., будто бы благоволит к нему. Еще страннее мне показалось, что будто некий Р. (спросите моего управляющего) благосклонно относится к компании В. Что-нибудь одно: или Р. относится благосклонно к компании торговой В. и скверно относится к самому Боч., или В. благоволит Боч., а Р.*) ни благоволит, ни мирволит. Это для меня ясно. Боч., возвратившись сюда, привез мне 40 р., будто бы переданных ему Ч—ов и В. для передачи мне. Насколько это верно, я не знаю. Словам не придаю никакого значения, ибо коммерческие люди пускаются обычно на всякие плутни, чтобы заполучить кредит на доверие и впоследствии обдуть в корень.

---

*) Нужно заметить, что теперь Боч. стал благоразумнее, даже не произнес мне полную фамилию Р., а только первую букву.

«Равно привез он рекомендацию от какого-то Пучатина или Печатова (что-то в этом роде) к одному из моих знакомых—У. Последний тоже не положился на его рекомендацию, не зная почерка упомянутого Печат. Кроме этого, он привез письмо от какого-то Антонова, вовсе мне неизвестного.

«Вы понимаете, что я, как человек, нисколько не заинтересованный в его коммерческих предприятиях, и как ведущий торговые мои дела с международными домами,—мне нет дела до его проделок, и он (даже на 100 градусов поумнее его) не обдует меня никаким товаром и не выманит доверия к какому-нибудь Гамбургскому дому. Я говорю только, что я однажды столкнулся с ним. А вот его история сотрясения, рассказанная мне одним книгопродавцем: (смот. приложенный листок отдельно для знакомой публики).

«Итак, пока до свидания

Ваш П. С... *).

«Хотя я сообщил вам адрес кузины моей Каролины и Фолька, но не адресуйте к ним, а вот настоящие адреса:

Gillome Telle, 1, an 1. et Madame Grange. Croix d'or, 14 в том же городе, где живет Caroline».

К этому письму имелось приложение, озаглавленное «История начала и конца миссии Боч[карева]», следующего содержания:

«Является он к Фольку с запиской (почерк которой Ф[ольк] сразу узнал) и со старой тетрадкой (перевод из Консидерана довольно плохого перевода), говоря, что ему такой-то и этакой поручили передать сию записку с тетрадкой. «Хорошо, рассмотрю после»,—от[ветил] Ф[ольк]. «Знаете ли почерк этой записки?» спросил Б[очкарев]—«Нет»,—отвечено. — «Чего вам нужно от меня?» — спр[осил] Ф[ольк].—«Ничего, но мне нужно видеть Утина: у меня есть к нему письмо». — «Отправляйтесь к нему»,—отв[ечено]. Далее общий разговор переходит к частностям, а эти частности: славянский вопрос и революция на Балкане.—«Что вы там хотите выиграть?» — спр[осил] Ф[ольк]. —

---

*) Подпись неразборчива. **Б. К.**

«Основать почву славянской свободы»—и пошел пороть дичь.—«Разве у вас дома мало дела?»—«Мы (неизвестно, с кем он?) хотим движение славян связать с нашим».—«И вы будете связывать славян, не зная ни одного из славянских наречий?»—«Мы понимаем друг друга: т а к, з н а е т е, п о д п у с к а е м д р у г д р у г у — э т а к а н т и м о н и и». (Это его поговорка).—«Не можете или не дадите мне адреса познакомиться с кем-нибудь из членов Европейского Революционного Комитета?» спр[осил] Б[очкарев] Ф[ольк]. Последний взаимно спросил того: знает ли он немецкий или французский языки. От[вет]: «Нет».—«Значит с Рев[олюционным] Комитетом хотите об'ясниться мимикой?» — Пауза.—«Да я думаю, что там кто-нибудь есть из русских или поляков?»—«Хотя бы и были, все же не добились бы никакого толку при всем вашем желании»,—отвечено. Разговор переходит к России. Б[очкарев] высказал, что все мы (т.-е. они, ему подобные) стремимся произвести госуд[арственный] переворот.—«Когда?»—«Хотя бы завтра, если бы был благоприятный случай». Фол[ьк] захохотал, заметив, что ватрушки делаются не прямо из зерна и молока, а что по известным кухонным и химическим законам. Словом, доказал ему, что революция без обширной организации и продолжительной пропаганды между народом (распространение книжек, брошюр, листовок, лубочных картин политич[еского] содержания и организации в самом народе, устройства почт между деревнями своих секретных) немыслима, и на меняние Петра на Сидора ныне никто не пойдет. Б[очкаре]в же доказывал (О! Ужас, как!!), что пропаганда пятьюстепенное дело. Далее начал он развивать план обанкротить правительство посредством известной системы, которая дает денег легко и много, на которые он (они) закупят американских мониторов, и т. д. Чем больше он говорил, тем более возбуждал к себе подозрение. Начал, наконец, вверты-вать косвенные допросы, в каких отношениях был Ф[ольк] с Х *). Ф[ольк] ответил, что совершенно не был знаком.—

---

*) Можно с уверенностью предположить, что Бочкарев назвал фамилию Худякова, ездившего в 1865 г. за границу и вступившего там в сношения с русской швейцарской эмиграцией. **Б. К.**

«Как же это так? а мне в П[етербурге] говорили, что вы были с ним знакомы и вас хвалил тот».—«Напрасно расточали ваши друзья комплименты незаслуженные».—Дня через три по приезде [Бочкарев] отправился к Утину расточать комплименты, что мы (т.-е. его комп[ания]) много наслышаны об вас и что не прочь сделать Утина в роде министра иностранных дел. Тот, по наивности своей, на-половину поверил ему, не сообразив, что вкралось немало противоречий. Расстались полудовольные собой, ожидая рекомендаций из России. Однажды, позвав Ф[олька] к себе пить чай, [Бочкарев] высказал довольно интимную вещь, в которой предлагал участвовать. В это время у Ф[олька] подозрение начало вздуваться в гору. Приняв его положительно за соглядатая, Ф[ольк] принял тактику Ловеласа и начал высказывать, что рус[ское] пр[авительство] непрактично, не послав хорошеньких женщин сюда, да с состоянием; какой, де, аскет ни был бы человек, а чувства к [хорошенькой] женщине возьмут свое. Как раз на третий же день у Б[очкарева] явилась на квартире якобы эмансипированная женщина и заявила готовность познакомиться с Ф[ольком]. У последнего уже не осталось никакого сомнения, что Б[очкарев] есть у ш и. Рекомендуя Ф[ольк]а этой бабе, Б[очкарев] не сказал меж[ду] пр[очим] фамилии той женщины. Ф[ольк] заметил, что между людьми поряд[очными] подобных выставок не допускают и что Ф[ольк] вовсе не желает популяризировать свою физиономию между людьми сомнительного свойства. А далее... Решено и подписано, что Б[очкарев] есть у ш и, а если так, то нужно его обыскать. Сделан домашний арест на квартире Ф[олька], где и пересмотрели все бумаги. Хотя полицейских бумаг никаких не нашлось, но много оказалось глупого, как, напр., списки каких-[то] знакомых, разделенных на группы. В этих группах я видел и очень почтенные фамилии. На вопрос, зачем он имеет под[обные] вещи?—«Так, для соображений»,—наговорил массу глупостей. После актов спроса он подписал два документа: 1. предложил рус[ской] эмигр[ации] сделать у него обыск; 2. акт, удостоверяющий, что, навлекши на себя много подозрений, предлагает фальсификацию некоторых бумаг и т. д., и т. д., и явно

давал намек, что он Б[очкарев] действует по распоряжению полицейских властей с тем, чтобы завлечь кого-нибудь из эмигрантов. Отобрав от него эти два акта, отобрали у него его фотографию, с тем, чтобы он доставил впродолжении 4 месяцев из России удостоверение, что он честный человек. Такое удостоверение он обязался доставить Ф[ольку] от его друзей (если он их пронюхает собств[енным] носом), кэтс-рых ему не сказано. Второе удостоверение должен он доста-вить от П[ечатки]на к Утину. Если же впродолжении 4 ме-сяцев он не доставит подоб[ных] удостоверений, то подпи-санные собственноручно документы публикуются на двух языках: русском и французском, с приложением фотогра-фии, на счет самого Б[очкарева], который оставил при документах три билета по 100 р. Вот скоро пройдет срок, удостоверений никаких нет. Отложится еще на месяц, а после сего полит[ическая] карьера Б[очкарева] кончена. Он живет здесь и все ждет удостоверений.

Конец душевного сотрясения».

Таковы были документы, найденные у Солодовниковой и весьма заинтересовавшие и III отделение, и следственную комиссию. Конечно, Солодовникова и Суфщинский были допрошены по поводу этих документов, но их уклончивые и далекие от искренности показания нисколько не осветили дела.

Солодовникова показала, что весной 1867 г. она полу-чила из-за границы от неизвестного ей лица непонятное для нее письмо, попавшее к ней, очевидно, по ошибке. Оно за-ключало в себе «известие, интересное для всякого образо-ванного русского»,—о предполагаемом издании сочинений Чернышевского.

«Я не удержалась,—рассказывала Солодовникова в след-ственной комиссии,—чтобы умолчать о моем мнении по этому вопросу и, воспользовавшись приложенным в письме адресом, написала приблизительно так: «Милостивый госу-дарь, не зная вас, я позволяю себе известить вас, что ко мне бог знает от кого пришло письмо без подписи, очевидно, попавшее по ошибке. Уезжая из Петербурга, я письмо это, как ко мне не относящееся, рву, а к вам, кто бы вы ни были:

русский или иностранец, обращаюсь с покорнейшею просьбою такого рода: примите вы на себя труд передать тому, от кого это зависит, что известие об издании сочинений Чернышевского за границей будет встречено всеми в России с самым прискорбным чувством недовольства. Помните, что вы находитесь вне законных условий и что, напротив, со всех сторон вы гарантированы безопасностью за такое самовольное распоряжение чужим трудом и чужою собственностью. Как я ни обдумывала, но ни одного аргумента, оправдывающего издателей, не нашла, и потому позволяю себе заявить вам, что честному человеку, где бы он ни находился, не следует пользоваться только тем, что он защищен чем бы то ни было от преследования закона. Такая ваша услуга будет для всех услугой медвежьей, роняющей ваше доброе имя, которым вы, вероятно, дорожите. Дайте же слово, что вы уговорите или, если имеете силу, запретите подобную спекуляцию. Если найдете нужным известить об исполнении моей просьбы, то напишите на имя г. Суфщинского...»

Адрес Суфщинского Солодовникова дала своему, якобы ей неизвестному, корреспонденту, по ее словам, вследствие того, что на лето уезжала из Петербурга и за своим от'ездом поручила Суфщинскому получать приходящие на ее имя письма. Вслед за этим на имя Суфщинского пришли три письма, из которых она ничего не поняла и даже не могла догадаться, кто преследует ее непонятной корреспонденцией. Ни Фолька, ни других лиц, упоминаемых в письмах, она не знает. Никаких об'яснений по содержанию этих писем дать не может, потому что они «туманны с первой строчки до последней». «Одно, что я несколько поняла,—говорила Солодовникова,—это рассказ о Бочкареве, но и то оставила без внимания, так как с Бочкаревым я не была знакома и его подвигами никогда не интересовалась».

Суфщинский показал приблизительно то же, что и Солодовникова. Кто писал адресованные ему письма из Женевы, он не знает. По просьбе Солодовниковой он согласился доставлять ей письма, которые будут приходить из Женевы на его имя. Всего таких писем было три. Солодовникова жало-

валась, что не понимает этих писем, не отвечала на них и отвечать не будет. Еще раньше она получила письмо из Женевы без подписи с запросом о том, что думают в Петербурге по поводу предпринимаемого за границей издания сочинений Чернышевского. Она ответила по прилагаемому адресу, что издавать не следует, потому что, во-первых, это может повредить семейству Чернышевского, и, во-вторых, тогда не разрешат издавать сочинений Чернышевского в России. Это писали в «С.-Петербургских Ведомостях» *).

Как видим, из показаний Солодовниковой и Суфщинского следственная комиссия могла извлечь весьма немного полезного для себя. Единственное, что представляло для нее ценность в этих показаниях, это—указание на то, что письма, полученные Солодовниковой из Женевы, исходят от лица, имеющего отношение к изданию сочинений Чернышевского. III отделение и следственная комиссия хорошо понимали, что издание это предпринято тем самым Элпидиным, о судьбе которого до момента бегства его за границу мы говорили выше. Было известно, что, поселившись в Женеве и обучившись типографскому делу, Элпидин открыл там рус-

---

*) Суфщинский имел в виду фельетон Незнакомца (псевдоним либерально настроенного в то время А. С. Суворина), помещенный в № 208 «С.-Пет. Вед.» за 1867 г. В этом фельетоне Суворин, узнавший о выходе в Женеве «Что делать?» Чернышевского, между прочим, писал следующее:

«Прежде всего представляется вопрос, кто дал право г. Михаилу Элпидину издавать сочинения Чернышевского. Ни автор, ни люди, принимающие участие в судьбе детей его, такого права Михаилу Элпидину дать не могли и не давали, конечно. Дети Чернышевского находятся в Петербурге, и сочинения отца—единственное их достояние, могущее дать им средства образоваться; правительство не накладывало запрещения на сочинения этого писателя, являвшиеся с позволения цензуры... Печатая за границей сочинения Чернышевского, он тем самым совершил, во-первых, литературную кражу или контрафакцию, во-вторых, может подорвать издание сочинений означенного писателя в России, в-третьих, ставит в чрезвычайно фальшивое положение и автора, и людей, на обязанности которых лежит попечение о детях Чернышевского... Г. Михаил Элпидин, совершая контрафакцию, думает вместе с тем бросить перчатку русскому правительству! Было бы только смешно, если бы сей неведомый миру эмигрант бросил свою собственную перчатку; но за неимением ее он бросает чужую, и эту последнюю не выпрашивает, а берет произвольно со стола в отсутствие хозяина и, бросив, скрывается в безопасное место».

скую типографию и с 1867 г. приступил к изданию сочинений Чернышевского *).

Сравнение писем, найденных у Солодовниковой, с имевшимся в III отделении автографом Элпидина **) с несомненностью убедило следственную комиссию в том, что эти письма, равно как и приложенная к второму из них история обыска, произведенного у Бочкарева, писаны рукою Элпидина.

Итак, для следственной комиссии выяснилось, что некто Бочкарев ездил из Петербурга в Женеву от имени какого-то революционного кружка, стремящегося произвести в России переворот («Вос. и его К°», — в письме Элпидина), и что поездка Бочкарева окончилась неудачей в виду того, что эми-

---

*) Справка III отделения, составленная в ноябре 1868 г. (дело след. комиссии № 427, л. 222), дает следующие сведения об Элпидине:

«Элпидин, проживая уже 3 года в Женеве, выучился там типографскому делу в типографии Пуки и Пфефер. Приобрев впоследствии русский шрифт, он открыл небольшую собственную типографию, в которой вместе с Мечниковым, Николадзе и Ивановским печатал всегда разные пасквили грязного содержания, брошюрки, а затем революционного направления листки «Подпольное слово» и «Современность». Эти последние издания не имели, однако-ж, успеха и мало расходились... Элпидин — ярый нигилист-коммунист; для него нет ничего святого. С Герценом, Огаревым и их компанией он не имеет ничего общего, и эти господа не хотят быть с ним знакомы».

**) Этим автографом было письмо, присланное Элпидиным в ноябре 1865 г. казанскому жандармскому полковнику Ларионову. Приведем этот характерный для Элпидина документ.

«Милостивый Государь, Григорий Сергеевич!

«У меня к вам маленькая просьба, которая, надеюсь, не обременит вашу государственную деятельность. Ваше поместье невдалеке от села Емельянова, где живет моя старушка родительница, которой нужно передать, что ее сын пользуется совершенной свободой и безопасностью от русских цепей.

«Не стоит рассказывать, каким образом случился мой от'езд, но скажу причину его. Вам известно, что в последнее время я получал на руки кормовые деньги 30 к., которых хотя было и мало, но все-таки можно было гнить медленно, по тюремному. По прочтении же приговора, смотритель замка Лебедев вошел с представлением к губернатору о том, что следует ли мне выдавать то же содержание, и получил отрицательный ответ. Лебедев сказал, что теперь, дескать, на общем основании, 4 к. в сутки. Помилуйте, что это такое за бессмыслица! Ведь мы были различных званий и состояний, а однако пользовались 30 коп. содержанием. Выслушав приговор каторжный, я нисколько не изменил своих потребностей и вкуса. Мне привелось голодать, отчего я и заболел. Слег в больницу, но там оказалось еще хуже. Начали кормить подлейшей овсянкой. Положительно не было сил выносить этой желудочной пытки. Вдруг мелькнула светленькая блеска свободы. Помните слова дикого варвара новейших времен На-

гранты, к которым он явился, заподозрили в нем шпиона III отделения. Следственная комиссия, конечно, знала, что это подозрение совершенно неосновательно.

Без особого труда следственная комиссия раскрыла и некоторые псевдонимы и инициалы, встречающиеся в письмах Элпидина. Так, для нее было несомненным, что Фольк — псевдоним все того же Элпидина*). Под У, к которому Бочкарев также обращался по приезде своем в Швейцарию, скрывался, конечно, видный деятель студенческого движения 1861 г. и «Земли и Воли» 1862—1863 г.г. Николай Исаакович Утин, в мае 1863 г. бежавший за границу, спасаясь от угрожающего ему ареста. «Пучатин или Печатов», от которого Бочкарев привез рекомендательное письмо к Утину, был несомненно Евгением Петровичем Печаткиным, также участником студенческого движения 1861 г., членом кружка, группировавшегося в то время вокруг Николая Утина, арестованным в июле 1862 г. по делу Баллода, приговоренным Сенатом за хранение и распространение прокламаций к аресту на 3 месяца, но освобожденным от ареста, открывшим в Петербурге книжный магазин, издававшим сочинения

полеона I, когда он навестил тюрьму Лафаэта: «Кому темница не ужасна, кому свобода не мила». Да, полковник, и вы также поступили бы. Ни на кого не сержусь я, я все забыл. Ваши действия совершенно оправдывают вашу точку зрения, только выходило у обоих как-то грубо и неизящно. Я смотрел на вас и удивлялся недальновидности. В самом деле, как не удивляться тому, что вы, т.-е. все совокупно, признаете и признавали нас всех своими врагами и врагами порядка. Помилуйте, ради бога, разве читание и говорение есть государственная измена? Вот вам маленький образчик свободы Швейцарии, свободы благоразумной. На днях вышла брошюра к рабочим самого радикального смысла. Что от этого произошло? Ничего. Увриеры, почитавши их в кафе за бутылкой вина, пошли к своим занятиям. Начни же федер[альное] правительство преследовать продавателей и читавших, составилась бы оппозиция.—Да, полковник, умение управлять страной есть похвально. Я навсегда оставил Россию и скоро оставлю Европу. Я еду в Америку. Потрудитесь передать матери, чтобы она извинила меня, если я очень редко буду к ней писать.

«Желаю вам всего хорошего, орденов, генеральского чина (а пора бы вам его давно получить).

«Бывший арестант, а теперь свободный гражданин Франции Мих. Элпидин».

*) Вспомним, что Пеньковский назвал Фольком автора письма, по рекомендации которого он обратился к Солодовниковой, а последняя запрашивала Езерского по поводу желания Фолька «возобновить старые связи».

Худякова и в 1866 г. вновь подвергшимся аресту в связи с каракозовским делом по обвинению в участии в тайной издательской артели.

На упоминавшихся Элпидиным «Вос.» и «Ч-ов» следственная комиссия почему-то не обратила внимания. В дальнейшем мы установим, кто были эти лица. Кто был названный Элпидиным Антонов, на которого ссылался Бочкарев, мы затрудняемся определить. Нам известен только один Антонов. Это—бывший студент Петербургского университета Николай Антонов, в 1867 г. являвшийся одним из организаторов кассы взаимопомощи студентов-кавказцев, о которой выше шла речь, но о нем ли упоминал Элпидин, неизвестно. Остается еще тот Р., в благосклонное отношение которого «к компании В.» и к Бочкареву Элпидин почему-то не хотел верить; следственной комиссии не удалось определить, кого Элпидин обозначил этой буквой; некоторые соображения по поводу этого лица мы дадим ниже.

IV.

Ив. Ив. Бочкарев. Его поездки за границу. Бочкарев на Омладинской скупщине в 1867 г.

Заинтересовавшись личностью Бочкарева, наделавшего такой переполох в среде русской эмиграции, следственная комиссия установила, что это был мещанин г. Осташкова Иван Иванович Бочкарев. Он родился в 1842 г., получил домашнее образование, до 20 лет прожил на родине в Осташкове, занимаясь торговым делом, доставшимся ему по наследству от покойного отца. В 1862 г. Бочкарев переехал в Москву, чтобы поступить там в университет, но почему-то не поступил. В мае 1863 года он вернулся в Осташков и устроил там типографию; в 1864 г. переехал в Петербург и перевез туда свою типографию. В Петербурге он поступил вольнослушателем в университет. В октябре 1866 г. Бочкарев продал типографию и уехал в Москву, где пробыл до конца этого года. Затем он заехал не надолго в Петербург и в начале 1867 г. отправился за границу. «По продаже типографии, — рассказывает сам Бочкарев, — первое время я не занимался ничем, а затем стал заниматься славянским вопросом. Средства к жизни имею от наследства отца и от продажи типографии».

12 октября 1868 г. по постановлению следственной комиссии Бочкарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

На допросах в следственной комиссии Бочкарев подробно рассказал о своих поездках за границу (в течение

1867—1868 г.г. он успел три раза побывать там), но сношения с эмиграцией категорически отрицал.

Свои поездки за границу Бочкарев об'яснял желанием ознакомиться со славянскими народами и их жизнью. «Первоначально мысль заниматься славянским вопросом, — говорил он, — пришла мне по поводу кандиотского восстания *); так как я предпочитал знакомиться с славянским вопросом на месте, то и рассчитывал отправиться на Восток. Цель, для которой я стал заниматься этим делом, есть сочувствие нашим угнетенным братьям. Занятия мои до сих пор заключаются в знакомстве с теми элементами, которым принадлежит будущность славянства».

Первый раз Бочкарев выехал из Петербурга в конце января 1867 г. Сперва он поехал в Париж, где пробыл до половины мая. Заехав потом на несколько дней в Женеву, он отправился в Марсель, Неаполь и Рим. В Риме в кафе он случайно познакомился с одним румынским майором и от него узнал, что в Венеции находится вдовствующая княгиня Черногории Даринька **). Тогда Бочкарев поехал в Венецию, посетил Дариньку и просил у нее рекомендаций в Сербию; Даринька обещала написать о Бочкареве сербскому митрополиту Михаилу. Из Венеции Бочкарев направился через Триест и Загреб в Белград. «В Белграде, — рассказывал Бочкарев, — как «брат рус», я скоро перезнакомился с интеллигенцией всех партий». Из Белграда Бочкарев с открытым рекомендательным письмом, полученным от митрополита Михаила, отправился путешествовать по Сербии, а через две недели вернулся в Белград и дождался открытия омладинской скупщины, «на которой принимал участие в прениях и намерен был сказать речь о «взаимности славянской», но по случаю внезапного закрытия скупщины сделать этого не мог». Затем Бочкарев проехал в Австро-Венгрию, посетил

---

*) Кандиоты — греческое население острова Крита. Бочкарев имеет в виду восстание кандиотов против Турции, вспыхнувшее в августе 1866 г. и отличавшееся большим упорством. Инсургенты, избравшие временное правительство, долго держались в горах Крита против турецких войск.

**) Даринька — вдова черногорского князя Данила (1851—1860), дочь сербского купца Квеквича, воспитавшего ее в сербском патриотическом духе.

г. Новый Сад, где виделся с известным деятелем сербского омладинского движения Владимиром Иовановичем *), а затем через Пешт и Вену в конце августа или в начале сентября 1867 г. вернулся в Петербург.

В конце января 1868 г. Бочкарев вновь отправился за границу, был в Вене, Мюнхене, Цюрихе и большую часть времени пробыл в Женеве. Не получая денег из Петербурга, Бочкарев через Италию и Вену в конце марта вернулся в Петербург. Пробыв там около месяца, он вновь выехал за границу, пробыл 15 дней в Праге, где присутствовал на юбилеях чешского музея и Палацкого. Затем через Вену и Цюрих проехал в Женеву, откуда рассчитывал с'ездить в Констанцу ко дню Иоанна Гуса, но захворал и не попал туда. По выздоровлении отправился в Берн, где присутствовал на заседаниях когресса Лиги мира и свободы, и затем через Прагу, Лейпциг, Дрезден и Берлин 30 сентября вернулся в Петербург. «Так как в Праге я был в интересах славянского дела, то само собою и там, как и в Сербии, говорилось больше о том же».

«Описать, с кем я встречался в славянских землях, — говорил Бочкарев, — нет никакой возможности, так как я старался встречаться там с каждым «добрым славянином»... Разговаривал же с ними о том, что им и нам близко к сердцу: об их освобождении из-под гнета иноземного и о братской взаимности между всеми славянскими племенами».

Перечисляя своих знакомых в славянских землях, Бочкарев назвал в Сербии митрополита Михаила, министра народного просвещения Дм. Мотича, профессоров Марковича и Стояна Бошковича, журналиста Поповича и др., а в Чехии — Палацкого, Колара, адвоката Браунера, Патера **) и др.

---

*) Иованович, Владимир — сербский общественный деятель и писатель радикальной партии. В 1860 г. Иованович был вынужден покинуть Сербию. С 1865 г. издавал в Женеве сербско-французскую газету «Слобода — La Liberté». В 70-х годах Иованович был министром финансов в сербском либеральном кабинете.

**) Палацкий, Франц, — знаменитый чешский историк и политический деятель. В 1848 г. Палацкий был председателем славянского с'езда в Праге. Колар, Иосиф-Юрий, — известный чешский беллетрист, драматург и переводчик. Браунер, Фран-Август — чешский политический деятель. Патера, Адольф — выдающийся чешский филолог, библиотекарь музея в Праге.

На вопрос следственной комиссии о сношениях с Элпидиным и Утиным Бочкарев ответил отрицательно: Элпидина никогда не видал, а Утина видел лишь на трибуне на конгрессе Лиги мира и свободы; с другими швейцарскими эмигрантами, Жемановым и Николадзе, также никогда не видался.

Рассказывая в своих показаниях о пребывании своем в Белграде, Бочкарев, как мы видели, упомянул о том, что он присутствовал на омладинской скупщине и принимал участие в прениях. Следственную комиссию этот эпизод нисколько не заинтересовал. Мы же считаем необходимым остановиться на нем подробно, пользуясь печатными и архивными источниками, которые нам удалось найти.

Со времени участия Бакунина в 1848 г. на славянском конгрессе в Праге выступление Бочкарева в 1867 г. на омладинской скупщине было первой попыткой русских революционеров установить связь с юго-славянскими демократическими и революционными элементами.

Прежде чем рассказать об участии Бочкарева на омладинской скупщине, мы должны посвятить несколько слов самой Омладине.

В истории Сербии 60-е годы прошлого столетия были эпохой интенсивного пробуждения национального самосознания. Оставшаяся по постановлениям Парижского конгресса 1856 г. под верховной властью Турции, Сербия, однако, получила независимое от Турции управление. В течение последующих годов власть Турции все более и более ослабевала. Преобразование в 1864 г. сербской народной милиции в регулярное войско и передача турками в 1867 г. сербских пограничных крепостей в руки сербов были наиболее яркими признаками приближения окончательного освобождения Сербии из-под власти Турции. Вопрос заключался лишь в том, какими путями скорее всего можно достигнуть этой цели. Сербское правительство, возглавлявшееся, после падения в 1861 г. либерального министерства, консерватором Ильею Гарашаниным, все свои расчеты строило на дипломатической игре, надеясь, что вмешательство соседних государств и в частности Австрии (Гарашанин был австрофилом)

поможет осуществить полную независимость сербского княжества. Напротив, либеральные и демократические элементы сербского народа полагали, что дело народного освобождения должно быть делом самого народа, действующего в союзе с другими угнетенными народностями Балканского полуострова. Обосновывая такую точку зрения, орган либералов «Застава» в 1867 г. писал: «Нет серба, который бы не верил, что после 6 недель войны в союзе с черногорцами и греками, при помощи босняков и болгар, на всем Балканском полуострове восторжествуют христиане над мусульманами, свобода над рабством, цивилизация над варварством *)».

Признавая решающее значение в деле освобождения за самим народом, либералы в течение 60-х годов, с одной стороны, вели усиленную культурно-просветительную и политическую работу среди народных масс, с другой — усердно изучали эти массы, условия их жизни, их быт и нравы, творчество и т. д. Сербский демократизм 60-х годов в значительной степени был окрашен в народнические тона.

Омладина возникла на почве стремления сербской интеллигенции к сближению с народом. Она была основана в 1866 г. по инициативе сербского студенческого общества в Вене «Заря». По приглашению этого общества в августе того же года в г. Новом Саде, являвшемся культурным центром сербского населения Венгрии, собрались представители сербского студенчества и вообще молодежи из разных городов Сербии, Венгрии и Австрии. Это собрание было первой омладинской скупщиной. На нем было решено развернуть широкую работу на пользу народного просвещения, издавать для этой цели журнал и учебные книги и устраивать ежегодные с'езды (скупщины). Основная задача Омладины была формулирована в следующих выражениях: «будить народную жизнь во всех ее отраслях, указывать пути улучшения материального положения народа, изучать народ и популяризировать науку и искусство во всех слоях народа путем устройства воскресных школ, лекций и т. п.». При этом Новосадская скупщина постановила, что «членом Сербской Омладины считается каждый серб, молодой (не

*) Цитирую по газете «Москва» № 47 от 1 марта 1867 г.

летами) сердцем и душой, который стремится к народному прогрессу».

Имевшая первоначально характер культурно-просветительной организации, Омладина скоро получила политическую окраску. В ее рядах об'единились все либеральные и демократические элементы сербского народа.

Состав Омладины был неоднороден. Большинство в ней принадлежало либералам, стремления которых не шли далее утверждения сербской независимости и об'единения всего сербского народа. Левое меньшинство Омладины состояло из демократов, среди которых идеи социализма начинали приобретать себе прозелитов.

Растущее из года в год малоземелье и задолженность сербского крестьянства заставляли демократическую часть молодежи задумываться над несовершенствами существующего социального строя. Идеи социализма, проникшие в Сербию, главным образом, через молодежь, обучающуюся в иностранных университетах, указывали способ радикального разрешения аграрного вопроса.

Сербский крестьянин 60-х годов также страдал от малоземелья, как русский крестьянин, и так же, как и в России, обнищание деревни в Сербии быстро и неуклонно развивалось. Это сходство в экономическом положении сербского и русского крестьянства в значительной степени об'ясняет нам интерес, проявленный сербской молодежью 60-х годов к сочинениям русских социалистов. Имена Герцена и Чернышевского пользовались в то время в Сербии большой популярностью. То поколение сербской молодежи, из рядов которого вышли организаторы Омладины, еще на школьной скамье увлекалось сочинениями русских социалистов: их идеи оказали громадное влияние на развитие миросозерцания сербской молодежи.

В январе 1864 г. Дружество Сербской Словесности избрало своими почетными членами, наряду с Гарибальди, Маццини и Кобденом, Герцена и Чернышевского *). Видный сербский

---

*) Это послужило предлогом к закрытию этого общества правительством. Иован Скерлич. Омладина и ньена кньижевност. Београд, 1906 г., стр. 138.

социалист той эпохи Светозар Маркович, в одной из своих повестей переложивший «Что делать?» Чернышевского на сербские нравы, в 1871 г. дал такой отзыв об историческом значении Н. Г. Чернышевского:

«В XIX веке не было ни одного реформатора, который обдумал бы так глубоко и всесторонне общественный переворот и который обладал бы такими знаниями и уменьем излагать свои знания, как Чернышевский. Его реформа охватывала всего человека и все общество: семью, общину, государство, все основные понятия нравственности, религии, собственности, воспитания, политики, народности и т. д. Одним словом: он изложил систематически и научно основные начала для коренного преобразования общества в России» *).

При таком отношении сербов к идейному руководителю русской революционной молодежи было вполне естественным, что сербская молодежь стремилась наладить связи с молодежью русской.

На август 1867 г. назначена была вторая скупщина Омладины. Она должна была состояться в столице Сербии, Белграде. Еще в июле студенты белградской великой школы (университета), отвечая на приветствие, присланное им московскими студентами, послали москвичам приглашение принять участие в скупщине.

«Духовное единство между всеми славянскими ветвями, — писали белградские студенты, — так необходимо, что мы должны бы были создать его, если б оно не существовало...

«Славянские земли — это родные сестры одной и той же матери. Счастливы они, если протягивают одна другой руку, не терзают сердца матери. Мы почитаем Великороссию старшею сестрою Малороссии, Польши, Чехии, Сербии и Болгарии. Да и кому приличнее всего, как не счастливой России, стоять во главе славянского единства и освобождения своих младших сестер...

---

*) Цитирую по статье проф. А. А. Погодина «Современная сербская литература». «Новое Слово», 1913 г. № 10, стр. 23.

«Стремясь к скорейшему и действительнейшему распространению образования и свободы в нашем народе, сербская молодежь собиралась уже в прошлом году и намеревается собраться также и в нынешнем держать главное свое вече в Белграде. Если бы братья, русская молодежь, желали порадовать нас, выслав в это собрание несколько своих представителей, это было бы приятнее всего нам. Брат брата лучше всего понимает, когда друг другу руку пожимает, когда братски друг друга обнимает.» *).

Еще раньше этого обращения белградских студентов, весной 1867 г., сербские делегаты, приехавшие на славянскую выставку в Москву, передали русским приглашение на омладинскую скупщину.

И. И. Бочкарев был одним из тех немногих русских, которые воспользовались этим приглашением. Есть основание предполагать, что он еще до поездки за границу был связан с сербской учащейся молодежью в Петербурге. В 1867 г. в Петербурге сербскими студентами было организовано общество под названием «Община». Во главе этого общества стояли два сербских офицера, Дмитрий Джурич и Савва Груич, в 1863 г. сражавшиеся в рядах польских повстанцев, а значительно позже игравшие видную роль в сербской армии. Секретарем «Общины» был упоминавшийся нами выше Светозар Маркович, в то время студент Института путей сообщения в Петербурге. «Община» ставила своею задачею установление связи между сербскими студентами в Петербурге и прогрессивной молодежью, работавшей в Сербии. С этой целью «Община» вошла в состав Омладины. С другой стороны, «Община» стремилась наладить совместную работу сербского и русского студенчества на пользу прогресса**). Бочкарев, несомненно, поддерживал связь с этой сербской организацией. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что в числе бумаг, отобранных

---

*) Адрес белградских студентов московским напечатан в № 91 газеты «Москва» от 25 июля 1867 г. и в других русских газетах того времени.

**) В. Викторов-Топоров. Светозар Маркович. «Голос Минувшего», 1913 г., № 3, стр. 37.

у него при обыске в 1868 г., мы находим устав сербской «Общины» *).

Признавая чрезвычайно важным установление связи между русскими и южно-славянскими революционными элементами, Бочкарев решил отправиться в Белград на омладинскую скупщину.

Скупщина открылась 6 августа 1867 г. В виду многочисленности делегатов, собравшихся со всех сербских земель, заседание ее происходило под открытым небом, во дворе белградской великой школы, т. е. университета. Среди собравшихся были представители всех славянских народов, в том числе 5 русских. Еще до открытия скупщины в Белград приехали делегат московского студенчества Вас. Ив. Губин, сотрудник «Голоса», серб по происхождению Гавр. Серг. Веселитский-Божидарович **) и Ив. Ив. Бочкарев. В день открытия скупщины к ним присоединились сотрудник «Русского Инвалида» В. Андреев и второй делегат московского студенчества гр. Петр Кутузов ***), привезший с собою книги, пожертвованные московскими студентами для сербского музея.

Русские гости встретили самое приветливое отношение со стороны сербов. «На заседаниях Омладины, — писал корреспондент газеты И. С. Аксакова «Москва», — в отношении

---

*) Кроме того у него были найдены два экземпляра «Устава Петроградской (sic! **Б. К.**) славянской беседы». Приведем два первых параграфа этого устава.

«1) Славянская беседа есть собрание, в котором лица, сочувствующие умственному сближению и взаимности славян, сходятся и обмениваются мыслями и сведениями, касающимися славян.

«2) Для достижения этой цели беседа: 1) открывает для своих членов особое помещение, которое они могут посещать как для препровождения времени и разговоров, так и для чтения повременных изданий и книг; 2) устраивает в этом помещении семейные и музыкальные вечера, чтения и другие удовольствия, 3) устраивает стол и обеды для гостей».

**) Веселитский-Божидарович — публицист, сотрудник «Голоса» и «Московских Ведомостей». В начале 80-х годов Веселитский был агентом «Священной Дружины» и участвовал в издававшейся на ее средства в Женеве под редакцией Драгоманова газете «Вольное Слово». Позднее Веселитский был лондонским корреспондентом «Нового Времени» (под всевдонимом «Аргус»).

***) Возможно, что это был гр. Петр Аркадьевич Голенищев-Кутузов, позднее публицист правого направления.

русских гостей сербы высказывали любезность и предупредительность вполне братскую; других слов, как «брат» и «дорогой гость» для русских не было. При всех случаях, даже когда другие члены Омладины по необходимости стояли, сербы настаивали, чтобы русские гости сидели и притом постоянно впереди, у самой трибуны» *). При открытии скупщины русских приветствовали криками «добро пожаловать» и провели на трибуну, с которой они раскланивались членам скупщины **). С ответом на приветствия выступили Андреев и Губин. Андреев сообщил собравшимся, что русский народ и журналистика с интересом следят за действиями Омладины. Губин благодарил от имени московского студенчества за приглашение участвовать на скупщине ***).

Второе заседание скупщины состоялось через день, 8 августа. Ввиду различных притеснений и придирок со стороны сербского правительства, оно оказалось последним.

Поводом для недовольства правительства явилось то, что скупщина на первом заседании единогласно избрала своим председателем Ефрема Груича, лидера либеральной партии, незадолго до того вернувшегося в Белград из ссылки. В выборе Груича правительство, считавшее его своим личным врагом, усмотрело вызов со стороны скупщины. В официальной газете «Новины» появилось заявление, написанное, по слухам, самим министром внутренних дел Цукичем, о том, что правительство допустило омладинскую скупщину, полагая по программе Омладины, что это общество чисто ученое; но оно никоим образом не может допустить созыв в Белграде всесербского конгресса с программой политической. Другие сербские газеты, инспирированные правительством, писали, что скупщина поставила своею целью добиться смены консервативного кабинета либеральным. Это было неверно;

---

*) «Москва», 1867 г. № 123. Возможно, что автором этой корреспонденции был В. Андреев, так как одна из его корреспонденций подписана инициалами «В. А.».

**) Корреспонденция из Белграда в № 31 «Современной Летописи» за 1867 г.

***) Корреспонденция из Белграда в № 111 «Москвы», 1867 г.

таких задач скупщина себе не ставила *). Основной причиной враждебного отношения правительства к скупщине, помимо либерального направления, ею принятого, был страх сербского правительства перед Австро-Венгрией, недовольной тем, что австрийские и венгерские сербы принимают деятельное участие в Омладине. Гарашанин боялся потерять расположение венского кабинета и потому стал противодействовать развитию Омладины **).

Придирки и притеснения правительства начались с того, что два австрийских серба, приехавших на скупщину, были высланы из Белграда за их враждебные заявления по адресу сербского правительства. За этим последовало запрещение военным, чиновникам, духовенству, профессорам великой школы и студентам, под страхом наказания, принимать участие в заседаниях скупщины. Наконец, скупщина была лишена отведенного ей помещения в университете; второе ее заседание пришлось устроить в одном из белградских кафе.

При таких условиях скупщина сочла себя вынужденной прекратить свои занятия. Она выбрала комитет, которому поручила, когда обстоятельства того потребуют, созвать новую омладинскую скупщину.

Таким образом, та речь о необходимости всеславянского об'единения, которую Бочкарев намеревался произнести на скупщине, осталась непроизнесенной. Однако, мы все же можем судить о том, каково должно было быть ее содержание. Дело в том, что среди бумаг Бочкарева сохранились отрывки какой-то его речи на ту же тему. Возможно, что это — приготовленные им, но не использованные наброски предполагаемой его речи в Белграде. Мы считаем нужным привести некоторые из этих отрывков для того, чтобы нам

---

*) Один из участников скупщины, подписавшийся «О- -р» (не был ли им Бочкарев?), писал в № 252 «С.-Петербургских Ведомостей» от 12 сентября 1867 г.: «Хорошо зная весь ход занятий омладинской скупщины в Белграде, равно как и все обстоятельства ее, заявляем, что она и не касалась вовсе вопроса о смене министерства в Сербии, о чем говорилось в здешних газетах».

**) Славянский сборник, т. II, СПБ, 1877 г., отд. II, стр. 93.

были ясны взгляды Бочкарева на славянский вопрос и способы его разрешения.

«Славянское единство» в форме конфедерации всех славянских народов, совершенно независимых одно от другого в своем внутреннем развитии и, если возможно, с одним литературно-политическим славянским языком, — вот какого безобидного разрешения желательно этому страшному для «старой Европы» славянскому вопросу. Действительно, почтенное собрание, вопрос этот при той неопределенности, в которой он находится в настоящее время, страшен не для одной старой Европы, но и для людей, сочувственно к нему относящихся, ибо никто не знает, к чему приведет тот способ его разрешения, которого держатся в настоящее время, да и исполнимо ли это вообще. Где и когда славяне условились определенно в своем желании? Что они сделали для этого определения? Мне известно много предположений по этому делу, из которых невероятнейшее — это приписываемое желание одной великой державы овладеть всеми славянами, Константинополем и чуть не целым светом. Другое менее, но все-таки невероятное предложение — сделать две великие славянские монархии с одним русским языком. Это направление имеет тоже свой специальный орган... Третье предположение касается только сербов, предоставляя участь других славян решению времени, обстоятельствам. Я не думаю, г.г., чтобы эти и подобные тому разрешения вопроса могли удовлетворить славян, этот удивительный по своей натуре народ, который желает не только одному себе полной независимости; он желает ее всему миру. Вот поэтому-то и обидно слушать предположения, которые делаются как будто в интересе свободы, а в сущности только запутывающие или оттягивающие этот вопрос и во всяком случае поддерживают в старой Европе мнение, что мы не доросли до пользования тою свободою, какою они пользуются сами и которой, я полагаю, славяне не завидуют.

Все это...

I. Разрешения славянского вопроса возможно достигнуть только образованием федерации всех славянских народов, не зависящих в своем внутреннем развитии один от другого. Все другие способы разрешения этого вопроса еще более запутывают его.

II. Одним дипломатическим путем этого достигнуть нельзя; тут необходима правильно организованная общественная деятельность, на которую бы правительства, дружественно к славянскому делу относящиеся, могли опираться, как на действительную силу.

III. Правильно организованной общественной деятельности могли бы положить начало славянские комитеты, в каждой славянской земле по одному, с их отделениями внутри страны и с представителем в общем славянском комитете.

IV. Центральный славянский комитет должен быть средоточием славянского движения. Он пропагандирует дело славянского единства, изыскивает средства и употребляет их к осуществлению этого единства.

V. Необходимо также издание общего славянского журнала, как органа федеративного направления и как публичного представителя славянского дела перед Западною Европою.

V. Желательно принятие одного политическо-литературного славянского языка, если только это желание не будет поводом к охлаждению дружественных отношений между славянами, которые в настоящее время важнее всего.

Как? — спросит старая Европа, — славяне хотят уничтожить политическое равновесие, они хотят свободы, свободы, которой они еще не в состоянии пользоваться, да, пожалуй, еще и такой, какой нет еще у меня самой? — На последнее обстоятельство отвечать легко. Свободы так много на белом свете, что ее достанет не только для славян, для самой Европы, и все-таки останется. Насчет же политического равновесия мы почтительнейше ответим, что то равновесие не есть равновесие, для которого на одной доске весов нужно

держать народы скованными в цепях, а на другой миллионы войска. На счет...

— Все это очень хорошо, — отвечают мне. — На что лучше разрешения, как конфедерация, но ведь это легко сказать, а как вы это достигнете?

— Очень просто, если только славяне хотят д е л а т ь, если они хотят стать на реальную почву, а не тешить себя тем, что к ним откуда-то...

Достигнуть дилпоматическим путем этого и думать нечего как потому, что никак нельзя согласить интересов, близко касающихся дела, так и потому, что трудно отстранить вмешательство тех, кого это, по нашему-то, вовсе не касается. Вот другое дело, если бы славянское общество составило правильную организацию, тогда правительства, дружественные славянскому делу, могли бы на нее опереться в своих действиях, а также, увидевши эту силу, и Европа бы переменила с нами тон.

Братья! Организуйтесь, устроим в каждой стране по местному комитету с отделениями, где нужно, внутри страны, потом пошлем от каждого комитета по одному отборнику (sic! *Б. К.*) в Центральный Славянский Комитет...
...который будет ведать цели по об'единению славян, будет изыскивать к тому средства и даже употреблять их, когда нужно; кроме того, он будет издавать общеславянский конфедеративный журнал. Вот тогда можно сказать, что дело наше не висит на воздухе.

Находите ли вы разрешение славянского вопроса в предложенной мною форме удовлетворительным? Согласны ли вы подчинить вашу деятельность этой цели? Находите ли вы нужным образование организации, о которой я говорил? Нужно ли издание конфедеративного органа? Хочет ли Омладина выбрать отборника по этому делу, которому поручит составить проект устава этой организации?..

...чтенных вам моих положений не показалось ли вам, что я поднимаю вопрос политический, а потому по существу

своему здесь неуместный? Вот чем я руководился в деле этого предложения: я мыслю, что в число целей, вами преследуемых, входит и вопрос об единстве славян; я даже думаю, что вопрос этот занимает не последнее место в ваших сердцах. Нам говорят об об'единении... но в какой форме? Что это за отвлеченная идея? Нельзя ли ее спустить на эту грешную землю и посмотреть поближе? Не порешив с формою, в которую хотят облечь это единство славян, трудно служить разумно этой цели, на каком бы поле ни было, хоть даже и на ученом. Итак, вот мое предложение, о котором вам сказал мой ученый друг...

Если Бочкареву не удалось произнести предположенную им речь, то все же один раз на заседании скупщины он выступил, — и это его выступление было весьма характерным для русского шестидесятника.

На втором заседании скупщины, 8 августа, был поставлен вопрос о том, кто может быть членом Омладины. Воспользовавшись этим, Бочкарев счел нужным выступить с речью в защиту права женщин. Он настаивал на том, чтобы женщинам был открыт свободный доступ в Омладину и чтобы они могли быть полноправными членами ее. Свое предложение Бочкарев мотивировал тем, что молодая Европа признала за женщинами равное с мужчинами право на участие в общественной жизни. Предложение Бочкарева возбудило продолжительные прения; наряду с защитниками его нашлись и противники. В конце концов скупщина приняла компромиссную резолюцию, предложенную Стояном Бошковичем: «женщины могут по своим силам и средствам оказывать содействие сербской Омладине в достижении ее целей» *).

---

*) См. корреспонденции из Белграда в № 116 «Москвы» и в № 32 «Современной Летописи» за 1867 г. Между прочим, в бумагах Бочкарева сохранился такой отрывок:

«В первых двух статьях собрание определяет народности, которые должны войти в сербскую Омладину. Везде вы говорили о сербах, хорватах и т. д. Важен вопрос, подразумеваются ли здесь одни мужчины, или Омладина может иметь членов без различия пола? Я мыслю, братья, что вы не станете отрицать права женщины на головную работу и на участие ее в делах общественных; а потому не следует пропускать случая никогда, где только может быть право это поддержано. Я предлагаю редакцию 3-й статьи такую:

Как мы видим, скупщина остановилась на формуле, не дающей прямого ответа на вопрос, могут ли женщины быть полноправными членами Омладины. Однако, при патриархальных нравах Сербии и при приниженном положении сербской женщины той эпохи, Бочкарев мог и такую неопределенную формулу рассматривать, как свою победу. Для него достаточно было хотя бы того, что Омладина этой формулой открыла сербской женщине возможность принимать участие в общественных делах. В этом отношении выступление Бочкарева несомненно имело для Сербии историческое значение. В подтверждение этого можно сослаться на мнение такого компетентного человека, каким является Светозар Маркович. В 1870 г. в статье «Политическое и экономическое положение рабочего класса в Сербии», напечатанной в № 3 русского эмигрантского журнала «Народное Дело», Св. Маркович между прочим писал о выступлении Бочкарева (не называя, однако, его фамилии) следующее:

«Сербская молодежь весьма восприимчива к новым идеям. В доказательство приведу только тот факт, что на главном собрании 1867 г. (по предложению одного русского, который приехал на собрание как гость) после коротких дебатов принято, что женщина в Омладине имеет одинаковые права с мужчиной. Вопрос женской эмансипации до тех пор не поднимался в сербской журналистике».

Трудно было бы предположить, чтобы присутствие русских подданных и их выступление на заседаниях скупщины не привлекли к себе бдительного внимания русского представительства в Белграде.

«Членами Омладины могут быть лица обоих полов и всех возрастов».

«Когда читалась статья о возрастах, я просил слова, когда то будет нужно, и хотел сказать, что граней полагать не следует, потому что ни 18, ни 36 лет не гарантируют способности быть полезным членом Омладины. Вы постановите норму 18 лет, а к вам является кандидат в 17½; что же — вы ему откажете в принятии [на том основании], что он не имеет еще 6 месяцев? Да кроме того, вот еще что: вчера, по окончании собрания, я обогнал трех мальчиков лет 14-ти; они говорили довольно горячо о выборе газеты, и один из них все твердил: «Застава наиболее брате». Мне на это возразят, что Омладина не есть детский сад! Это правда, но зачем же разрушать то, чему нужно радоваться? На что лучше, когда собрания Омладины могут быть и школою для будущего поколения».

Еще 1 августа русский консул, сообщая нашему послу в Константинополе об ожидающемся открытии скупщины, писал:

«В настоящее время уже проживает в Белграде г. Бочкарев, студент Петербургского университета, ожидающий открытия скупщины».

«Очень может быть, что славянская молодежь начнет рассуждать на скупщине о вопросах, до нее мало касающихся, и что «омладинска скупщина» примет, таким образом, оттенок собрания политического, но, насколько мне известно, сербское правительство не намерено выслушивать жаркие и праздные речи молодых патриотов и постарается предотвратить все то, что бы могло поставить его в неловкое положение по отношению к соседям и в особенности по отношению к Австрии, через которую провозятся теперь в Сербию пушки и американские ружья и с которой необходимо пока поддерживать добрые отношения».

На другой день по открытии скупщины русский консул доносил директору азиатского департамента:

«Зная направление здешней молодежи и опасаясь какого-либо неуместного заявления ею оппозиционных тенденций, я счел за лучшее, несмотря на сделанное мне приглашение, не присутствовать на открытии скупщины. Вместе с тем сегодня утром я еще раз напомнил моим соотечественникам необходимость наблюдать крайнюю осторожность в действиях, избегать сношений с противниками княжеского правительства и не заявлять своих политических мнений на предстоящих собраниях. Если мои советы не будут ими уважены, я сочту своею обязанностью пригласить их не посещать заседаний скупщины, а выехать из Белграда».

Наконец, 12 августа консул вновь доносил директору азиатского департамента:

«Находя, что участие русских в собрании, руководимом враждебною князю Михаилу партиею, не согласуется с видами императорского министерства и что оно может лишь ободрить врагов его светлости, я, с своей стороны, счел долгом об'яснить моим соотечественникам, прибывшим на скупщину, истинное значение случившегося и даже просить

их не посещать более заседаний скупщины, ставшей в разлад не только с правительством, но и с народом, который не может одобрить происки недоброжелателей Сербии и которому в этом случае русские не могут не сочувствовать.

«Господствовавшая на оной партия рассчитывала произвести еще одну демонстрацию. Под благовидным предлогом прощания с гостями, прибывшими из России, партия эта хотела дать банкет в честь русских и, как мне положительно известно, пригласить последних покинуть негостеприимную Сербию и ехать в свободную Австрию (что ваше превосходительство изволите усмотреть из записки, которая была получена мною от исправляющего должность председателя совета министров *) и которую в подлиннике долгом считаю представить при сем на ваше благосклонное воззрение **). Предупрежденные мною русские отказались от банкета и остались еще на несколько дней в Белграде» ***).

Из приведенных нами донесений русского консула видно, что он заранее предупреждал своих соотечественников, приехавших на скупщину, о необходимости соблюдать осторожность, что вслед за этим он «посоветовал» им прекратить посещения скупщины и что, наконец, он предложил им уклониться от обеда, который намеревались дать в честь их члены скупщины.

Русский консул умел не только советовать и предупреждать, но и грозить. Вот как В. Андреев описывал в «Москве» (№ 123, от 6 сентября 1867 г.) посещение русскими участниками скупщины своего консула:

«На другой день по распущении омладинской скупщины русские, которым до того положительно не было ни минуты времени, чтобы зайти за своими паспортами в русское консульство, отправились туда. Исправляющий должность консула г. Троянский, обходительный и любезный человек, встретил нас весьма приветливо, но в разговоре заявил, что, как официальное лицо, он должен предупредить нас, что

---

*) За отъездом Гарашанина из Белграда, его обязанности исполнял министр внутренних дел Цукич. **Б. К.**

) Записки этой нам не удалось найти. **Б. К.

***) Донесения миссии в Белграде за 1867 г. Архив Революции и Внешней политики в Москве.

Омладина стала в оппозиционные отношения к правительству, что посещение нами банкета ее не было бы в видах здешнего консульства, и мы могли бы подвергнуться ответственности. При этом было добавлено, что хотя подобные случаи были редки, но случалось, что русские консулы своею властью высылали из Белграда тех русских подданных, которые поступали вопреки их заявлениям. Хотя мы заявили г. исправляющему должность консула, что мы, как лица частные, не посланные никакими учреждениями, не находящиеся с официальным миром ни в каких прямых отношениях и, притом, как гости скупщины омладинской, не могли бы ничего и никого компрометировать, приняв дружеское приглашение скупщины отобедать с нею,— но так как он остался при своем мнении, то нам оставалось только заявить, что как ни неприятно нам отвечать отказом на комплимент, делаемый нам, как русским, не знающим сербских партий, но мы можем лишь повиноваться распоряжению представителя русского правительства в Белграде. Мы просили только, чтобы нам в случае приглашения можно было отвечать, что мы не можем быть на обеде по нежеланию нашего консульства. Это было разрешено. — Никакого парадного обеда с речами, как опасались, однако, не было. Все наделала телеграмма, присланная в тот же день утром из Нового Сада от тамошнего городского головы Милетича. Эта телеграмма гласила: «Что банкет? Что русские? Зовите их к нам» и т. д. Эта телеграмма, как видно, наделала бездну хлопот г.Цукичу и его товарищам по министерству. Никакого парадного обеда с речами, повторяю, в этот день не было, а просто человек 25 из принимавших участие в заседании Омладины (главных деятелей Омладины между ними и не было) хотели отобедать вместе с нами» *).

---

*) Полуреакционный, полуславянофильский журнал «Всемирный Труд» (1867 г. № 9, «Политические и общественные заметки», стр. 317—318) писал по поводу изложенного нами инцидента:

«Трудно оценить действия нашего консула в этом деле, но мы позволяем себе заметить, что консул мог бы основать подобное свое распоряжение только на официальном заявлении от сербского правительства, являться же угодником каких-нибудь местных партий было бы недостойно представителя русского правительства. Сербским министрам, может быть, простительно интриговать против славянского

Как мы знаем из изложенных выше показаний Бочкарева, он, в отличие от других своих соотечественников, последовал приглашению Милетича и из Белграда проехал в Новый Сад.

Знакомясь выше с показаниями, данными Бочкаревым в следственной комиссии, мы видели, что он подробно изложил маршруты своих заграничных поездок и не скрыл присутствия своего на омладинской скупщине. На вопрос же о сношениях своих с русской эмиграцией в Швейцарии он ответил категорическим отрицанием, несмотря на то, что в руках следственнной комиссии находился документ, исходящий от одного из представителей этой эмиграции и излагающий нёприятный инцидент, произошедший с Бочкаревым в Женеве. Раздумывая о том, как заставить Бочкарева сознаться в его женевских похождениях, следственная комиссия вспомнила, что в Петропавловской крепости сидит человек, в одно время с Бочкаревым бывший в Женеве и вращавшийся в кругу местной эмиграции. Решено было допросить этого человека. Результаты допроса оказались блестящими. Допрошенный не только встречал Бочкарева в Женеве, но и принимал непосредственное участие в неприятной для Бочкарева истории. Человеком этим был череповецкий мещанин Иван Глебович Розанов. Прежде, чем привести показания Розанова о Бочкареве, мы считаем необходимым познакомить читателей с делом самого Розанова и с его личностью. Дело Розанова почти не освещено в нашей литературе; личность же его представляет несомненный интерес; в некоторых отношениях она весьма характерна для своей эпохи.

движения, но русскому консулу смотреть на славянское стремление к России с их точки зрения положительно не следовало... Если бы наш белградский консул получил официальное заявление сербского правительства о том, чтобы русские не осмеливались являться в те рестораны, где обедают сербы, то он, конечно, мог бы сделать русским то заявление, которое он сделал, но настоящее действие консула, повидимому, не было вызвано ничем, кроме собственного его желания, может быть, удружить лично кому-либо из сербских министров, а подобная предупредительность положительно не должна бы была иметь место и не соответствовала достоинству и интересам русского правительства».

V.

Член I Интернационала череповецкий мещанин Ив. Гл. Розанов и его жизнь *).

29 апреля 1868 г. начальник новгородского губернского жандармского управления донес III отделению, что в г. Череповце получены два письма из Женевы с приглашением выписывать заграничное издание сочинений Чернышевского через находящегося за границей череповецкого мещанина И. Г. Розанова. III отделение поручило своему женевскому агенту следить за Розановым. 27 мая агент донес, что ему не удалось отыскать Розанова, но что он заметил в обществе Элпидина «какую-то невзрачную личность, русского, имя которого ему неловко было спросить». На этом дело пока и кончилось. Никаких иных сведений о Розанове от женевского агента не поступило.

22 июня того же года в Вержболове, при попытке разменять фальшивый кредитный билет, был задержан возвращающийся из-за границы человек, оказавшийся Розановым. Розанов был арестован и доставлен в Ковно. Ковенские власти не имели никаких сведений о связях Розанова с эмиграцией, но сам он был уверен, что, раз его арестовали, сношения его с эмиграцией не останутся тайной для властей. Поэтому немедленно по доставлении в Ковно, Розанов за-

---

*) Излагая жизнь Розанова, мы пользуемся документами, опубликованными Лемке в XX т. собрания сочинений Герцена, и неопубликованными материалами из дела III отделения, 3 экспедиции 1868 г. № 161 и из дела следственной комиссии 1868 г. № 424.

явил властям, что, находясь за границей, он узнал о составленном там заговоре на жизнь одного из членов императорской фамилии и поспешил в Россию для того, чтобы заявить об этом правительству и тем самым предупредить злоумышление. Сообщить более подробные сведения о заговоре он отказался, заявив, что может сделать это только перед высшими властями, а потому требует, чтобы его немедленно отправили в Петербург. «Всякая медленность в этом столь важном государственном деле,—добавил Розанов,—остается отныне на ответственности начальства, держащего в своих руках мою свободу. Прошу еще, до разрешения моего заявления, обращаться со мной по-человечески, так как обо всем я донесу высшему правительству».

Ковенские власти были настолько напуганы заявлением Розанова, что поспешили отправить его в тот же день в Петербург, чтобы сдать в III отделение.

Доставленный в III отделение, Розанов показал, что о заговоре ему известно со слов эмигранта Элпидина, с которым он познакомился в Женеве. Заговор имел своею ближайшею целью освобождение томящегося на каторге Чернышевского. Розанов так излагал слышанное им от Элпидина.

«Думали, говорил Элпидин, захватить какого-нибудь посла, странствующего вельможу, министра, но это не будет верно: они (правительство) откажутся от этих простых халуев, они Чернышевского дороже ценят. Нужно поймать птицу из царской крови, да и засадить в клетку. Разумеется, в случае погони, в случае неминучей, в живых оставлять птичку нельзя, нужно приколоть или пристрелить,—это уж само собою разумеется... А когда она (птица-то) будет в наших руках, в приличном месте, то можем требовать все, что захотим. Прежде всего, разумеется, свободу Чернышевского. А когда получим Чернышевского, то потребуем еще и еще, да потребуем таким образом, что уж вилять нельзя будет после. Если будет реформа какая, то она должна быть об'явлена всенародно торжественным царским указом, что она дается навсегда, на вечные времена... Забрать постараемся прежде всего, если можно, то, что всего ближе к царю, и потому дороже, а если трудно или слишком риско-

ванно, то можно и подальше... только непременно из царской крови».

Разговор между Элпидиным и Розановым о заговоре, по словам последнего, происходил дня за два до от'езда его из Женевы, т.-е. в начале июня 1868 г. При этом Элпидин утверждал, что заговор близок к осуществлению.

«Об'явив мне о составляющемся заговоре против свободы одной из особ царствующего дома,—рассказывал Розанов,—Элпидин говорил: 1) что люди, которые взялись за это дело—дельные, разумные (в его смысле), 2) что они есть и в Петербурге, и в Москве, и в Казани, и за границей, и в других местах России, 3) что теперь (в то время, когда он говорил) они действуют врассыпную, собирают сведения, сводят знакомства и узнают обо всем, что касается до выполнения задуманного дела, 4) что они действуют таким образом уже давно, но, благодаря осторожности и хорошему подбору людей, никто из них не попался в руки правительства, 5) что между ними есть главные деятели и второстепенные: первые заправляют делом, совещаются, разрешают в случае надобности выдачу денежных сумм и пр.; последние—только исполняют решения главных, подчиняясь их авторитету, и не допускаются на совещания из предосторожности, чтобы не выходил сор из избы, 6) что он, Элпидин, виделся с некоторыми из главных, посвящен во все их тайны, находится давно с ними в сношениях и ждет от них всего, так как они дельный народ, 7) что эти главные (которых он видел) предполагают приступить к исполнению преступного умысла немедленно, ибо теперь самое драгоценное время: весь царствующий дом раз'ехался по дачам, по водам, по охотам и пр., где захватить кого-либо гораздо удобнее, чем в другое время года, 8) что, по их расчетам, все необходимые сведения теперь должны быть уже собраны, и потому они решили немедленно собраться для рассмотрения в Петербурге, о чем уже дано знать остальным главным, и что все соберутся в Петербурге между 25 июня и 1 июля сего года, 9) что между этими числами в одном из увеселительных петербургских заведений (ради предосторожности) составится комитет из одних главных, которые рассмотрят

все сведения, собранные как ими самими, так и второстепенными, и решат единогласно: когда приступить к действию, кого избрать жертвой, кого — исполнителями, и вообще назначат для всех роли, 10) что после этого решения каждый из участников обязан уже сделать все, что ему будет приказано и назначено решением, которое будет сообщено всем, до кого что касается, 11) что в случае чьей-либо измены, предательства, помехи или просто бездействия, виновные будут казнены без всяких церемоний смертию, 12) главные лица все знакомы между собою лично, а второстепенным будут составлены списки с указанием адресов, примет, условных знаков и т. п., которые будут в руках у каждого из главных по экземпляру, 13) что [для] узнания друг друга общество предполагало ввести клеймение руки особым способом, так что только при согнутии руки выступают на коже кровавые буквы «Д» и «Ч», и клеймо (инструмент) находится в шкафу у Элпидина *); но он думает, что это отменят, как самую предательскую вещь, и потому для распознавания друг друга, кроме особых, специальных для каждого знаков, будет один общий—слово в о л я, произнесенное с особым ударением. Вот все, что мне известно от Элпидина о лицах, которые должны были составить преступный комитет с целью посредством похищения кого-либо из членов императорского дома освободить Чернышевского и вытребовать, если можно, другие реформы. Кто они (эти лица), как их зовут, где их постоянное жительство, а равно, какою программою или уставом они руководствуются, мне неизвестно».

Рассказав о заговоре, Элпидин предложил Розанову принять участие в его осуществлении. «Комитет, — говорил будто бы Элпидин Розанову,—соберется как раз в то время, когда вы еще намерены пробыть в Петербурге. Вы приедете туда 17 или 18 июня... Смотрите, сейчас же написать мне адрес ваш, где вас искать, и больше ничего. Если успею, передам в комитет; если не успею, то имя ваше будет в спи-

---

*) В другом своем показании Розанов об'яснил, что Д означает «деятель», а Ч — «Чернышевский». **Б. К.**

ске, и вас спросят там, где вы сказали *). Только вы непременно оставьте там записку или хорошенько накажите на словах час и место, где вас найти. Вас узнают по белому пальто, по диковинной шляпе и по карточке, которую я передам в комитет **). Да, может быть, вы встретитесь с кем-нибудь из знакомых, а если пошлют незнакомого, то лозунгом будет слово «воля», сказанное с особенным ударением... Для верности вы получите записку моей руки с моею печатью... вы знаете, и с надписью: «от тирана к нигилисту»... Когда вам предъявят доказательства, то уж забудьте, что вы человек, что у вас мозги и еще что-нибудь в голове и в теле,—действуйте, как безмолвная, немыслящая машина... Ни рассуждать, ни отступать тогда уже нельзя будет, и за каждую попытку изменить или навредить вас положат на месте. Но не бойтесь! Вас не пошлют за границу или в глубь России: я против вас выставил отметку: «для СПб. и Новгорода с окрестностями».

Рассказ Розанова о заговоре, сильно отдающий фантазией бульварного романа, конечно, не мог внушить доверия ни чиновникам III отделения, ни членам следственной комиссии. Они решили, что Розанов мистифицирует их, чтобы добиться скорейшего освобождения. Своего недоверия они не скрывали и от Розанова, открыто заявив ему, что рассказ о заговоре они считают от начала до конца его выдумкой.

Тем не менее, они сочли нужным допросить Розанова о том, зачем и почему он попал за границу, как познакомился с Элпидиным и другими русскими эмигрантами, и чем он заслужил такое доверие Элпидина, что тот нашел возможным посвятить его в тайну заговора и предложить принять в нем участие.

В ответ на эти вопросы Розанов рассказал следователям всю свою жизнь. И этот его рассказ был гораздо более искренним, чем его фантастическая повесть о заговоре. Недаром одно из своих заявлений в следственную комиссию Розанов озаглавил: «Моя исповедь».

---

*) Розанов оставил Элпидину два адреса, по которым его можно отыскать в Петербурге. **Б. К.**

) По словам Розанова, Элпидин украл у него фотографический портрет. **Б. К.

Розанов родился в Череповце в семье кантониста. В малолетстве он лишился отца и был отдан на воспитание матери, которая была обязана по достижении им 14-летнего возраста представить его в полк, в котором ранее служил его отец.

«Я родился нищим, но добрым существом,—рассказывает Розанов.—Мы жили в сырой и холодной избенке, питались кусками хлеба, перекупленного у настоящих нищих, носили тряпье на своих плечах; но пока я был в своей семье, у меня не было не зависти, ни злобы, и я за всех искренно молился. Когда, на девятом году, я стал ходить в уездное училище, я узнал и зависть, и злобу, потому что и учителя, и товарищи (особенно товарищи) обращались со мною с какою-то тупою ненавистью и презрением, называя меня словами, сделавшимися острее ножа: «кантонист! солдатенок!» Как будто я виноват был, что родился от солдата!»

Услышав от товарищей презрительное слово «кантонист», мальчик заинтересовался, что оно значит, и решил попросить раз'яснения у матери. Мать, простая, необразованная женщина, не могла об'яснить ему толком значения ужасного слова и ограничилась тем, что со слезами на глазах сказала: «худое это место; там бьют и мучат маленьких кантонистов чужие, злые солдаты».—«После этой сцены,—рассказывает Розанов,—у меня даже в груди почувствовалась какая-то гадость, точно прилегло что-то к легким. Дома злая нищета, в училище злые обиды,—все это рано озлобило меня и положило вечную, кровавую печать».

Преследования учителей и насмешки товарищей заставили Розанова искать уединения и способствовали развитию в нем страсти к чтению. У него был дед, охотник до чтения. Раз как-то, в отсутствии старика, мальчик успел прочитать книги, которые старик тщательно прятал. Это были произведения Дюма, Поль-де-Кока и других беллетристов. В две недели 11-летний кантонист под влиянием прочитанных романов преобразился; новые, неведомые мысли начали мучить его голову. Пристрастившись к чтению, мальчик разными способами доставал себе книги и свечи и по ночам предавался чтению.

Под влиянием книг и рассказов матери о страшной жизни кантонистов, мальчик решился бежать из родного дома и сделаться или атаманом разбойников, или рыцарем, или монахом. «И я сделался бы непременно бродягой, — добавляет Розанов,—если бы тогда не вышло (слава царю-освободителю!) освобождение кантонистов».

В 1856 г. институт кантонистов был уничтожен, и в силу этого Розанов был уволен из военного звания.

12 лет Розанов ушел из уездного училища, не научившись там, по его словам, ничему, кроме онанизма. Тогда же он был отдан матерью на службу в земский суд. Сначала он служил бесплатно, пользуясь лишь 3-копеечными доходами за рукоприкладство; затем ему положили жалование, которое постепенно повышалось: сперва он получал 1 рубль в месяц, потом 1½, 3 и, наконец, 7 руб. На эти деньги он был вынужден не только содержать самого себя, но и оказывать помощь матери и сестрам.

«Когда, по назначению матери,—рассказывает Розанов,—я попал в мир мелких чиновников земского суда, здесь мне стало еще хуже: меня стали укорять то кантонистишком, то мещанинишком, и опять я должен был злобствовать и уединяться. Я ударился в религиозность и, прочтя несколько томов Четьи-Минеи, решился навсегда удалиться от мира и поступить в монахи, но грубый прием моего деда, иеромонаха Филиппо-Ирапского монастыря, и то, что я увидел между послушниками этого монастыря, заставили меня изменить это намерение. Я остался в мире чиновников. Высшим идеалом моего благополучия представлялась тогда для нас с матерью возможность поступить мне на коронную гражданскую службу и сделаться впоследствии столоначальником. Долго я лелеял эту мечту и, поддерживаемый словами секретаря и исправника, считавших меня способнейшим из всех других писцов, я подал на высочайшее имя просьбу о даровании мне права поступления на гражданскую службу, согласно моему призванию и способностям. Просьба, разумеется, осталась без последствий, подвергнув меня только новым насмешкам знакомых чиновников. Таким образом, не слыхав никогда слова п р и в и л е г и я, я уже, по опыту,

стал считать ее несправедливостью, и все-таки сам постоянно добивался ее. Когда началось польское восстание и я увидел возможность быстро получить офицерский чин или славу мученика-героя, убитого за свое отечество,—я немедленно решился поступить на военную службу, но строгое, упорное сопротивление матери, видевшей во мне единственного кормильца, не дало исполниться и этому намерению».

К этому времени Розанов уже перевелся из Череповца в Устюжну, где поступил письмоводителем к судебному следователю и получал 15 руб. в месяц. В Устюжне не знали о происхождении Розанова и не корили им, однако, когда ему случайно приходилось слышать слова «кантонист» или «мещанин», он всегда краснел, точно преступник. Он сознавал глупость этого стыда своего, но не находил в себе сил побороть его. Но помогали и убеждения учителя Ляпунова, с которым он познакомился в Устюжне и который, происходя из мещан, отзывался об этом с гордостью.

«Хотя я втайне все-таки страдал, — рассказывает Розанов,—но наружно веселился: кутил с чиновниками, ходил по вечеринкам, любезничал и часто совсем забывался. Сравнительно то время было самым веселым в моей жизни».

Но вот, под влиянием прочитанной им книги Жувансля «Начало мира», Розанова стали одолевать религиозные сомнения, и ему сделалось «невыносимо тяжело».

«Сначала я,—рассказывает Розанов,—ради моды вольнодумничал на учено-пьяных беседах у Ляпунова и хладнокровно говорил, по Жувансю, что мир устроился сам собой, но в душе оставался верующим; потом я стал все чаще и чаще задумываться о религиозном вопросе наедине, и мои сомнения стали все делаться искреннее и все беспокойнее, и, наконец, после последней исповеди, я пришел к тому глупому убеждению, что, отдавая священнику деньги за исповедь, я одним этим делаю грех и делаюсь недостойным св. причастия, и что поэтому лучше совсем не исповедываться. Но не так-то легко было мне оторваться от этого обряда, повторявшегося прежде ежегодно. Я чувствовал невыносимую тоску, страх и отчаяние за будущее, и с тех пор, чтобы забыться, я стал напиваться до беспамятства. Днем работал,

ночью пил. Вместе с этим я испытывал и разрушающее действие пьянства, и то, что я уподобляюсь какому-то бездушному животному; я хотел пытаться исправиться, но бесполезно. В бездне прочитанных романов я не мог найти никакой поддержки, кроме того, что я должен быть героем, действовать смело, открыто,—и потому я пьянствовал часто публично... Наконец, под наитием какой-то книжки *) я заговорил с Образцовым (один из его знакомых по Череповцу. Б. К.) о заедающей нас среде, о нашем опошлении, о великой будущности, которая должна ожидать нас, начитанных героев, и мало-по-малу оба мы дошли до той мысли, что мы сделаемся и великими, и богатыми, и честными, если бросим среду и отправимся на Кавказ, в золотое руно, г. Поти. Так мы и сделали; но прежде мы хотели напугать окружающую среду, показать себя в ее глазах безвозвратно погибшими и потом уже, через несколько лет, подавить ее своим величием и счастием. С этой целью несколько дней мы беспрерывно пьянствовали в Череповце, стараясь быть как можно замкнутее, кричали по улицам, являлись пьяными к знакомым и однажды в праздник, совершенно трезвые, мы пригласили к себе Проньку-дурачка и в его компании выпили несколько полуштофов водки на двух общественных гуляньях, при огромном стечении публики; потом гуляли по городу под ручку с дураком и еще с потерянным пьяницей, коллежским регистратором Николаем Петровым. Этим мы достигли первой цели: вооружили против себя все общественное мнение нашего городка и сделались в его глазах совершенно пропащими людьми. Затем, в одну прекрасную ночь (кажется, 4 июня 1865 г.), никому не сказавшись, ни с кем не простившись, мы выехали из Череповца в маленькой лодочке. Вниз по Шексне доехали до Рыбинска; от Рыбинска по Волге—до Астрахани. Это было мученическое путешествие: мы ехали день и ночь под дождем и зноем, спали тут же в лодке по очереди и на прокормление обоих издерживали копеек по 8—10 в сутки, питаясь большей частью огурцами и хлебом».

---

*) Как мы увидим ниже, этой книжкой был журнал «Русское Слово» за 1865 г. со статьями Писарева. **Б. К.**

Из Астрахани Розанов с Образцовым на лодке добрались до Дербента. Там измученный тяжелой дорогой Образцов заявил, что не хочет продолжать путешествие. Розанов, хотя и укорял своего товарища в малодушии, внутренно был очень доволен таким оборотом дела. «Голодание под открытым небом,—говорит он,—отбило у меня всякий романтизм, а наши более чем скудные финансы говорили, что нужно скоро приниматься за работу, иначе придется плохо».

Не решаясь показаться в Череповец, куда он решил вернуться только «богатым и великим», Розанов отправился в Новгород, куда переселилась его мать. Часть пути из Дербента он проделал на пароходе, часть пешком.

«Я явился к моей матери,—продолжает свой рассказ Розанов,—в сентябре 1865 г., голодный, как волк, здоровый и глупый, как бык, и преступный, как попрыгунья стрекоза; но и там лачуга, куда я пришел, не была жилищем умного и трудолюбивого муравья: мать и сестра голодали; зять вдобавок еще пьянствовал и неистовствовал; жалованье у него было забрано вперед и прожито или пропито; вещи все перезаложены; в доме холодно, голодно; бедный, больной ребенок сестры ревет на весь дом; сестра и мать тоже плачут; зять, пьяный, ругается, оскорбляет, бьет мою сестру—вот картина, вот мирный семейный очаг, членом которого я вдруг сделался. Что я перечувствовал за это время, один бог знает! Я искал, я жаждал зимой тяжелой работы ради куска насущного хлеба и не находил; сознание моей беспечности, доведшей меня до такого положения, сводило меня теперь с ума, я не хотел есть, пока не будет работы, я часто стоял на волховском мосту с преступным намерением утопиться... Такие положения могут быть понятны только для тех, кто сам мог хотя приблизительно испытать то же самое. И так продолжалось целую неделю. На следующую неделю я нашел, наконец, работу в казенной палате... и как уж я работал! С 8 часов до 3, с 6—12 беспрерывно. В одну неделю я исправил целый стол, запущенный месяцами, так что под конец мой бухгалтер только посвистывал».

Вскоре Розанов перешел на службу в присутствие по крестьянским делам и стал получать 35 рублей в месяц. Это дало ему возможность расплатиться с долгами его родных.

«Но это немного успокоило меня,—продолжает он,—так как первое время в Новгороде показало мне лучше всякого зеркала положение пролетария. Из этого практического урока я вынес убеждение, что рабство, зависимость будут всегда неразлучными спутниками пролетария до тех пор, пока он останется в этом звании, и что истинная свобода заключается не в привилегиях, не в чинах, а в том, чтобы у человека был обеспечен черный день, верно, надежно обеспечен. Но я через край проникнулся этим убеждением и сделался скрягой до того, что не хотел купить необходимой одежды, не хотел переменить сырой квартиры, не хотел улучшить ни для себя, ни для матери пищи, которая была груба и недостаточна, не хотел пользоваться никакими развлечениями, не хотел иметь знакомых; в присутствии писал, а дома читал. Единственною целью моей сделалось приобретение денег, но честным путем, и я стремился к ней, не обращая внимания ни на что другое. Почти все ухо-
дило у меня на занятия в крестьянском присутствии; читал я, приходя домой, утомленный, но читал с жадностью и, в полном невежестве, неспособный отнестись критически к прочитанному, я подчинялся тому направлению, какое было в моих книгах, случайно попадавших. Прочитав Бокля «Историю цивилизации», я сделался окончательно скептиком, хоть не мог все-таки разлучиться с внутренней тоской и страхом, но смело болтал против религии. Прочитав все «Русское Слово» за 1865 г., я заговорил о несчастном мужике, о ненавистной эксплоатации его всеми остальными, о несправедливости привилегий, об обязанности всех граждан нести равные повинности к государству, о честности труда, о бесчестности тунеядства, взяток и т. п.».

В 1866 г. Розанов переехал в Петербург и поступил письмоводителем к мировому судье Баумгартену на жалованье в 60 руб. С этой минуты главной задачей Розанова, к разрешению которой он напрягал все свои силы, стало приобретение денег, долженствующих обеспечить ему черный день

и свободу. В Петербурге он жил тем же затворником, как и в Новгороде; работал, читал, учился стенографии, «предполагая сделать ее орудием приобретения», и в 1867 г. начал писать статейки в «Петербургском Листке» и «Петербургской Газете». И все копил деньги, усердно копил. «До какого благоразумия доходило мое скряжничество,—говорил он,— можно судить по тому, что часто я удовлетворялся купоросными щами на постоялом дворе за 3 коп. порция».

О том, что Розанов не преувеличивал овладевшую им страсть к приобретательству, свидетельствуют показания допрошенных следственной комиссией его петербургских знакомых. Так, например, бывший студент Попов, уволенный из университета за невзнос платы и существоваший на грошевый заработок, получаемый от сотрудничества в газетах «Голос» и «Гласный Суд», куда он давал отчеты о судебных процессах, рассказывал про Розанова: «Он был молчалив, чему, может быть, способствовало и природное его косноязычие, и разговаривать больше любил о том, как бы ему хотелось обзавестись капитальцем и после открыть небольшую торговлю». Другой приятель Розанова, Дедов, служивший делопроизводителем у одного присяжного поверенного, показывал о Розанове: «Он жил весьма скупо, много читал и писал для газет. Убеждения его были по преимуществу такого рода, что должно жить для того, чтобы составить себе, по возможности честно, состояние, что эстетика—вздор, и что только личный труд может и должен выдвигать человека вперед».

Благодаря лишениям, которым Розанов подвергал себя, у него развился туберкулез, начавший быстро прогрессировать. Осенью 1867 г. Розанов дошел до того, что сидя не мог уже заниматься, да и стоя писал с трудом. На его беду расположенный к нему мировой судья Баумгартен вышел в отставку. Скопленные великим трудом деньги стали уходить на лечение, и черный день приближался. В это время Розанов познакомился с некиим Прокопьевым, которого по слухам знал и раньше за человека умного, изучившего самоучкой несколько языков.

«В две-три встречи, — рассказывает Розанов, — мы сошлись с ним совершенно в убеждениях. Целью каждого человека, по нашему мнению, была прежде всего забота о самом себе—обеспечить для себя кусок хлеба на всякое время и не быть в тягость обществу; потом стараться о том же и для нашего ближнего; главное зло мы видели в преобладании капитала, в централизации этого капитала, в монополии, и приписывали это недостатку предпринимателей или незнакомству их с выгодными отраслями торговли и предполагали, что единственное верное средство против этого — ознакомление всех с этими отраслями посредством газетных статей и затем конкуренция капитальных предпринимателей; другое зло мы видели в неравномерном распределении платы за труд (от высшего чиновника до последнего рабочего), приписывая это, помимо других условий, не общих, неравномерному распределению образования, так как высшая плата остается за высшим образованием, а людей последней категории немного для конкуренции... Словом, мы ожидали возможного уравнения только от возможно большого распространения конкуренции, считая бесполезными все творения наших социалистов, думающих исправить общество посредством отрицаний, обличений, воззванием к филантропству и т. п. Оба мы тужили при этом о несуществовании у нас ни одного журнала, где можно было бы прямо высказывать это, не загораживая, не прикрываясь тенденциями самого журнала. Оба мы были против роскоши, против неблагоразумных трат, хотя признавали право каждого распоряжаться своею собственностью произвольно. По вопросу о развитии нашего фабричного производства и других, мы стояли за покровительственную систему против конкуренции с иностранцами, на том основании, что всякое производство развивается вследствие его выгодности, а при конкуренции с иностранцами эта выгодность для русских утрачивается и пр. и пр. Других вопросов мы не касались».

Узнав о болезни и о тяжелом положении Розанова, Прокопьев посоветовал ему на остаток сбережений отправиться за границу для лечения и обещал встретиться с ним в Гам-

бурге. Розанову этот совет очень понравился; его давно интересовали заграничные порядки и обычаи, и хотелось обучиться иностранным языкам. В конце сентября или в начале октября 1867 г. он выехал за границу.

Однако, Прокопьев обманул Розанова и в Гамбург не приехал. Не зная, что делать, Розанов решил отправиться в Париж, где в то время происходила всемирная выставка.

В Париже Розанов случайно, по его словам, познакомился с польским эмигрантом Иеронимом Ольшевским, участвовавшим в восстании 1863 г., тогда же арестованным, приговоренным судом к 3 годам арестантских рот, но по ходайтайству прусского посольства (Ольшевский был прусским подданным) высланным за границу. У Ольшевского в Париже собирались многие его соотечественники.

Сперва Париж с его шумом, великолепием и выставкой ослепил Розанова, но, прожив там с месяц, он начал задумываться над своим положением и нашел, что за это время здоровье его нисколько не поправилось, а знание французского языка нимало не продвинулось вперед. Тогда, по совету встреченного им у Ольшевского бывшего офицера русской армии поляка Жужницкого, оставившего службу во время восстания 1863 г. и эмигрировавшего во Францию, Розанов решился ехать в Женеву, где он надеялся найти «и учителей, и учебники, и девушек, и теплоту, и проч.». К тому же ему и раньше «хотелось поглядеть на Швейцарскую республику, славящуюся своими образцовыми порядками». Жужницкий дал Розанову рекомендательное письмо к Элпидину.

В Женеве Розанов прожил более полугода. С Элпидиным виделся очень часто, иногда ежедневно. Элпидин встретил его весьма любезно и радушно, оставил его ночевать у себя, накормил, помог найти квартиру, снабдил учебником французского языка и предложил Розанову приходить к нему в свободное время «для обучения по-французски и для препровождения времени». У Элпидина Розанов познакомился с другими русскими эмигрантами—Н. Утиным, Николадзе, Ивановским, Жемановым, жившим в Лозанне, Щербако-

вым *) жившим в Берне, а также с упоминавшейся выше генеральшей Бибиковой.

Элпидин расспрашивал Розанова об его прошлом и о знакомых его в России. Розанов рассказал ему вполне откровенно всю свою жизнь.

«В один вечер,—рассказывает Розанов,—Элпидин спрашивает меня, доволен ли я существующим у нас порядком.—«Недоволен»,—говорю.—«Что же делать?»—«Ждать и надеяться; содействовать по возможности общественному образованию»...—«Так вы и сто лет не дождетесь! Нужно революцию, нужно республику, да не такую, как в Швейцарии, а на новых началах, с уничтожением собственности, браков, церквей и т. д.». Я пробую возражать, что это и невозможно, и неумно. Он начинает горячиться, выходит из себя, целый час толкует мне о французах, о спартанцах, о разных социальных системах, Фурье, кажется, и проч., и кончает тем, что называет меня неучем, малограмотным, с чем я смиренно и соглашаюсь; но уходя от него, думаю: «Боже мой, какой вздор городит! И этот человек воображает такой программой устроить революцию». В другой раз спрашивает моего мнения о Чернышевском и о том, как я смотрю на издание его сочинений. Я отвечаю, что сочинения эти все цензурные и их бы выгодно было издавать в России. Это просто взбесило его. «Да вы бредите, что ли? — кричит он — разве это можно в России?... да отчего никто не издает их там?»—«Верно, мол, требований нет».—Трудно передать, как он взбесился этими простыми ответами и в особенности тогда, когда я сказал, что о Чернышевском не могу иметь полного понятия, не читая всех его творений, но по двум вещам его: «Что делать?» и ст. «Об общинном владении» не только не могу согласиться с Николадзе, называвшим его великим, умным, гениальным, но считаю просто то мелким,

---

*) Николадзе, Николай Яковлевич (1843—1928), участник студенческого движения 1861 г. в Петербурге; в 1864 г. выехал за границу, где сблизился с эмигрантами. Позднее публицист либерального направления. — Ивановский — эмигрант, работавший в типографии Элпидина — Жеманов, Семен Яковлевич (1836—1903), в 1863 г. участник дела о Казанском заговоре, в 1865 г. бежал за границу. — Щербаков, Алексей Яковлевич, в 1863 г. участник дела о Казанском заговоре, в 1866 г. бежал за границу.

то заблуждающимся... Начался спор. Элпидин опять говорил много вздору, прерывал меня, не выслушивая, и кончил тем, что назвал меня в насмешку нигилистом. По его словам, Чернышевский—великий человек, и издание его сочинений—великое дело для России. Но я, слушая Элпидина, сильно заподозрил, что он хвалит Чернышевского и издает только ради куска хлеба».

Если Розанов рассказал Элпидину всю свою жизнь, то и Элпидин поведал ему многое о своем прошлом.

«Я говорил с ним так много,—продолжает свой рассказ Розанов,—что всего и не переписать. Он рассказывал о себе, что происходит из духовного звания, был семинаристом, студентом и коллежским регистратором; что он по своим убеждениям истинный революционер и начал действовать к низвержению существующего порядка еще со студенчества; что он разносил по Казанской губернии воззвания к крестьянам, раздавая их лично тем лицам, которых считал надежными, или просто подбрасывая; что он в то время участвовал в двух обществах, из коих одно имело свою ручную типографию, и он, Элпидин, еще в то время упражнялся в набирании статей *); что все их проказы были, наконец, открыты правительством, и его, Элпидина, засадили в тюрьму, где он сидел два или три года, был приговорен к ссылке в каторгу, но бежал тотчас по об'явлении приговора с помощью с в о и х л ю д е й и успел пробраться за границу, в Швейцарию. Тут он работал сначала в типографии Герцена и ходил к последнему на революционные вечера, а потом разошелся с ним, добыл свою типографию; издал сначала «Подпольное Слово» **), а теперь издает Чернышевского, потому что считает этого писателя и его творения самыми

---

*) Имеются указания на то, что в 1861 г. Элпидин принадлежал к кружку, об'единяющему революционную молодежь ряда городов Восточной России. Другим обществом, к которому принадлежал Элпидин, было, повидимому, общество «Земля и Воля» (1862—1863 г. г.). Показания Розанова интересны в том отношении, что устанавливают причастность Элпидина к изданию прокламации «Долго давили вас, братцы», которую, как мы уже знаем, он распространял в 1863 г. в Казанской губ. **Б. К.**

) «Подпольное Слово» — журнальчик, издававшийся Элпидиным в 1866 г. в Женеве. Всего вышло 2 номера. **Б. К.

лучшими из всех русских в этом направлении. Все существующее в России Элпидин признает никуда негодным и надеется все это изменить посредством одной кровавой революции, посредством избиения высокопоставленных лиц, посредством уничтожения собственности, церквей, браков, войска и т. п. Только общую революцию, при поголовном восстании крестьян, Элпидин признавал хорошим средством к достижению его цели; но, кроме того, он говорил еще, что могут быть полезны и другие меры: цареубийство, убийство важных сановников, министров, губернаторов, полицеймейстеров, когда эти преступления делаются не единично, а заговором, и когда они продолжаются постоянно, систематически, впредь до получения того, чего преступники хотят добиться. Эти преступления Элпидин называл системою запугивания. О членах комиссии, судившей Элпидина в Казани, он не мог вспомнить без того, чтобы не разразиться страшными ругательствами, каких не услышишь даже на площади. О третьем отделении он также не мог говорить равнодушно и рассказывал такие вещи, которым не только верить, но даже подумать страшно. Он говорил еще, что всякий позор, всякий скандал, все, что может позорить русское правительство, весьма полезны для революционного дела, как побочные средства, и много, много он говорил в этом роде. Чернышевского он считает талантом, гением, который может разбудить, расшевелить заснувшую Россию. Об освобождении Чернышевского он говорил постоянно; это было давнишнею его мечтою; от этого он ожидает всего. Обо всем этом Элпидин твердил постоянно, так что мне даже было скучно слушать, и я привык к его речам, как к стуку маятника. Элпидин занимает две комнаты: в одной—спальня его и наборщика, в другой—типография, где оба они работают... Он обыкновенно беднился и постоянно говорил, что задолжал по уши всюду и забрал всюду, где только мог, что русское общество очень равнодушно к такому важному делу, как издание Чернышевского. Но за несколько дней перед об'явлением мне о заговоре, дела его совершенно изменились: он уплатил долги, стал хлопотать о получении женев-

ского гражданства *), повеселел, бросил работать, ездил куда-то, говоря, что на собрание революционеров; потом, после об'явления мне о заговоре, он возвратил мне мою расписку и 40 франков, занятые еще в начале моего приезда, и, кроме того, я видел еще у него в бумажнике стофранковые банковые билеты, так что все это невольно заставило меня поверить ему, и я до сих пор убежден, что если не заговор против свободы членов императорского дома (так как возможность этого начальством отрицается), то что-нибудь другое преступное затевалось Элпидиным при моем от'езде».

С другими эмигрантами Розанов был знаком меньше, чем с Элпидиным.

О Жеманове Розанов рассказал следственной комиссии следующее:

«Я с ним редко говорил и в полгода успел узнать только то, что он был подлекарем, студентом, сидел в остроге и бежал за границу; что он также революционер и желает изменения существующего порядка посредством таких обществ, какое завелось в Москве до каракозовского выстрела. Он бранил еще англичан и говорил, что английская конституция никуда не годится; по его мнению, в России и теперь не хуже, чем в Англии, и затем он хвалил русский народ, тосковал по России и говорил, что ему не вытерпеть тут и придется вернуться в Россию».

Еще меньше Розанов мог сообщить о Николадзе. «Это— достойный сотоварищ Элпидина, хотя в последнее время они и разошлись. Он превозносит Чернышевского выше всего и говорит, что он весь проникнут идеями Чернышевского, что никогда, никакая страна не производила такого человека, такого таланта, как Чернышевский».

---

*) В цитированной выше справке III отделения об Элпидине мы находим следующие сведения об его попытке стать женевским гражданином: «Недавно Элпидин пытался записаться в граждане г. Женевы; для этой цели он должен был представить 7 человек свидетелей. Он набрал все поляков, которые и явились с ним в ратушу, об'явив, что Элпидин поляк, но польский эмигрант Ченснович, постоянно враждующий с Элпидиным, явился к местному начальству с доносом, что он вовсе не поляк, а русский, и притом человек вредный, и это побудило местные власти приостановить приписку Элпидина в число граждан Женевы».

При посредстве Элпидина Розанов вступил в Международное общество рабочих. Следственная комиссия поинтересовалась, для чего Розанов записался туда членом.

На этот вопрос Розанов ответил следующее:

«Для того, чтобы иметь право входа в клуб этого общества, чтобы видеться там с моими знакомыми — прачкою Гранж и девицею Эмилией *), которые записались там в один день со мною, чтобы слушать речи ораторов и по ним учиться правильному произношению французских слов и чтобы, вообще, проводить время сколько-нибудь повеселее, так как видеть одного Элпидина и К° мне уж черезчур надоело. Но я был там всего раз пять по воскресеньям, когда там же были упомянутые Гранж и Эмилия и когда, кроме ораторов, там играла музыка и пелись песни. Потом я заболел и лежал в госпитале **), а по выходе из госпиталя зашел в клуб только один раз с Элпидиным, который также там записан и ходит туда постоянно, и по будням. Из других русских я никого там не видал. Один раз, правда, Элпидин, указывая в толпу народа, говорил: «Глядите, глядите... Серно-Соловьевич! Вишь, скотина, как обходит, чтобы на меня не нарваться» ***). Но я не видал, будучи в то время без очков; в тот же раз (именно по выходе моем из госпиталя) Элпидин показывал мне книжечку общества с надписью в середине: «Михайло (кажется, так) Бакунин», говоря, что Бакунин, знаменитый русский эмигрант, поступает в члены международного общества и что он сейчас придет; но я все-таки не видел Бакунина, потому что, чувствуя себя слабым, ушел из клуба гулять в английский сад» ****).

---

*) За этой Эмилией Розанов, по его словам, «волочился». **Б. К.**

) В Женеве Розанов заболел сифилисом. **Б. К.

***) Как известно, Ал. Ал. Серно-Соловьевич был деятельным участником I Интернационала. В другом показании Розанов рассказывает, что Элпидин называл Серно-Соловьевича «дрянью» и говорил, что он с ним в ссоре из-за какой-то брошюры. **Б. К.**

****) В другом показании Розанов так рассказывал о Бакунине: «Раз, когда мы были в клубе Международного общества, Элпидин сказал мне, что ожидает Бакунина, который недавно прибыл в Женеву, и сегодня произойдет избрание его в члены этого общества. «Это хоть и старик, — прибавил Элпидин, — но с ним можно вести дело. Подождите несколько минут, он придет; я вот уж и книжечку на его имя достал... Вы увидите в своем роде знаменитость». **Б. К.**

Наконец, Розанову наскучило пребывание в Женеве; его потянуло на родину. Он стал просить у Элпидина 40 фр., которые тот занял у него вскоре после приезда Розанова в Женеву. Элпидин отказался вернуть деньги. Это настолько поразило Розанова, что он изменил свое отношение к Элпидину.

«До этого,—говорит Розанов,—я считал его несчастным человеком, по своей ограниченности или лености не умевшим отыскать себе куска хлеба в России и потому впавшим в преступления, а за границей притворяющимся, что делает великое дело, и надувающим людей, еще более глупых; но тут я его принял за злого мошенника: я об'яснял ему мое положение, говорил, что без этих 40 фр. не могу воротиться в Россию; но он с какою-то наглостью отвечал, что у него нет ни сантима, хоть зарежь. На мое открытое об'явление, что я считаю его поступок подлостью, грабежом, он отвечал еще наглее, что не придает никакого значения моему мнению. Я принужден был остаться, ожидая денег из Петербурга, и с этих пор мое положение в Женеве сделалось просто отвратительным. До этого я оставался здесь добровольно, имея возможность каждый день выехать оттуда; тут я сделался как бы арестантом, обязанным жить и ждать денег непременно в Женеве. Я чувствовал непримиримую ненависть к Элпидину, я презирал его, как дурака, подлеца, вора; но я должен был высказывать ему наружное уважение, потому что без его протекции, без его рекомендации я не мог пользоваться кредитом в пансионе. В первый раз в жизни я выучился лицемерить».

Когда у Розанова не осталось вовсе денег, Элпидин начал выдавать ему по полфранка, по франку на неотложные расходы, и при этом ругал его за то, что он слишком много на себя издерживает. Розанову приходилось часами дожидаться на квартире у Элпидина, пока тот выдаст ему деньги.

«Я чуть с ума не сошел от всех его гадостей в совокупности,—говорит Розанов,—чуть не решился на преступление, именно, когда мы были с ним в лодочке на середине Женевского озера».

После долгого ожидания Розанов получил от мирового судьи Баумгартена 100 рублей, и это дало ему возможность покинуть ставшую для него ненавистной Женеву и отправиться на родину, где его ожидали новые злоключения из-за полученного им при размене денег в Берлине фальшивого кредитного билета.

Хотя чиновники III отделения и не поверили в реальность заговора, о котором поведал им Розанов, они все-таки заставили его написать Элпидину письмо с извещением о благополучном прибытии в Петербург *). Конечно, никакого ответа на это письмо получено не было.

Розанов же продолжал томиться в заключении в ожидании новых напастей и ударов, которые готовила ему судьба. В середине августа в одном из заявлений, поданных им в III отделение, он писал:

«Скоро два месяца, как я сижу, словно в клетке, безвыходно... Я не стану и описывать моих мучений, потому что все равно их никто не поймет, кто сам не испытал подобного (оттого-то судьи и следователи вообще так и равнодушны к страданиям арестованных, что они сами не могли убедиться на собственном опыте, как это тяжело); но я скажу только, что я согласился бы лучше перенести самое жестокое телесное наказание, чем просидеть это время в арестантской со всеми ее достоинствами».

Вместе с этим Розанов из'являл свою готовность быть полезным правительству и исполнить все, что только оно от него потребует.

«Если для моего освобождения необходимо, чтобы я сделал какую-нибудь услугу,—писал Розанов,—я готов; я готов победить свое отвращение и снова завести сношения с Элпидиным, чтобы выведать от него истину; я готов даже снова ехать в Женеву, тайком пересмотреть его бумаги, или, наконец, представить его самого в распоряжение правительства. Если все это не услуги, то прошу указать, научить, но освободить меня из-под стражи, потому что в этом я не вижу решительно никакой пользы, кроме одного мучения

---

*) Это письмо опубликовано Лемке в XX т. Собр. соч. Герцена, стр. 283—284.

для меня, которое, я не знаю, долго ли еще буду в силах переносить. Мне кажется, что у меня развивается чахотка... Обращаюсь, господа, к вашему благоразумию, совести, беспристрастию и христианской любви к ближнему, не будьте равнодушны к моим страданиям, возвратите мою свободу или убейте меня, если это признается более полезным».

Таких услуг, какие предлагал Розанов, правительство от него не потребовало, но одной его услугой оно все же воспользовалось. Этой услугой было разоблачение Бочкарева, о чем мы расскажем ниже.

В январе 1869 г. Розанов, по постановлению следственной комиссии, был выслан по этапу на родину. Однако, в скором времени его вновь арестовали.

В июле 1869 г. конторщик Талицкий в Череповце получил по почте прокламации Бакунина и Нечаева и передал их своему приятелю Макарьеву; Макарьев же приносил их и показывал Розанову, спрашивая у него раз'яснения на счет этих прокламаций. Об этом стало известно череповецким властям, и 21 июля Талицкий и Макарьев были арестованы. Через три дня после этого Розанов пишет в III отделение письмо, в котором извещает, что на-днях «по милости Элпидина» спокойствие его, «вместе с спокойствием целого города Череповца», было нарушено, и рассказывает о получении Талицким прокламаций. При этом в своем письме в III отделение Розанов поместил следующие строки: «Еще за границей, благодаря мерзости Элпидина и К°, мои воззрения изменились к лучшему, а после ареста я окончательно стушевался и отказался от всяких вредных мыслей (действий никогда не было)» *).

Если этим письмом Розанов надеялся предупредить свой арест, то он жестоко ошибся. Вместе с Талицким и Макарьевым он был пристегнут к нечаевскому делу, и в августе 1871 г. предстал перед Петербургской судебной палатой, которая, не найдя в действиях Розанова и его товарищей признаков какого-либо преступления, признала их по суду оправданными.

---

*) Дело III отделения, 3 эксп. 1869 г. № 110, ч. 11, л. л. 105—106.

После этого имя Розанова исчезает со страниц истории. Никаких сведений об его дальнейшей жизни мы не имеем.

Показания Розанова об его жизни и о пребывании за границей производят впечатление большой искренности. В частности, та характеристика, какую он дал Элпидину, является в значительной степени правильной и подтверждается другими данными, которые мы имеем относительно этого человека; известно, что серьезные революционеры, после того, как им удавалось познакомиться с Элпидиным ближе и раскусить его, начинали относиться к нему, как к человеку несерьезному, почти маниаку. Поэтому мы полагаем, что покойный Лемке был вполне прав, когда он писал о показаниях Розанова относительно Элпидина: «Элпидин нарисован, как живой; он именно так и вел свою «революционную работу» *).

Однако, в показаниях Розанова есть два пункта, которые, по нашему мнению, нуждаются в оговорке.

Розанов не отрицал своего радикального образа мыслей, но старался изобразить его как можно безвреднее. Он утверждал в следственной комиссии, что его «либеральная болтовня с близкими людьми» никогда не была серьезной и «не имела преступного характера». «Я болтал без всякой преступной идеи,—говорил он,—иногда просто от скуки, иногда с желанием уяснить себе темные вопросы... и потом не я один, все болтали—такая мода была; наконец, чем я виноват, что через мою голову прошли известные мысли?»

Мы полагаем, что радикальные взгляды Розанова имели гораздо более серьезный характер. Кое-какие доказательства этого имеются в его деле. Вот, например, письмо его друга Знаменского, в котором он предостерегает Розанова: «Веди себя прилично, трезво и благопристойно, как физически, так и морально, а не проповедуй своих сознательных убеждений—убеждений Каракозова; тогда только выйдешь [в люди] и будешь считаться хорошим человеком». Розанова очень беспокоило это письмо, и в своих показаниях он неоднократно возвращался к нему, стараясь представить его как шутку. «Никогда, ни шутя, ни серьезно, я не выска-

*) Собрание сочинений А. И. Герцена, т. XX, стр. 288.

зывал никому каракозовских убеждений,—говорил он,—всегда я был против всяких убийств вообще, не только против такого ужасного и вместе с тем такого дико бессмысленного, как цареубийство; я был даже против той смертной казни, которая исполнена над этим несчастным Каракозовым». Однако, еще большой вопрос—можно ли безусловно верить этим показаниям Розанова. Имеются и другие указания на крайность его убеждений. Его близкий друг, судебный репортер Анпилогов, так говорил о Розанове: «Что касается до его образа мыслей, то я не скрою всей болезненной крайности их. Он создал в своем воображении свою особую систему о положении человека в обществе и государстве, свои понятия о чести, так что поражал человека даже своею внешностью. Я смотрел на него, как на умного, но совершенно больного человека».

В частности внимание Розанова особенно привлекал к себе рабочий вопрос,—борьба труда с капиталом. Это видно и из его показаний, приведенных выше, и из письма его к приятелю, волостному писарю Ляпунову из Женевы, в котором Розанов выражает радость, что Ляпунов не совсем закис в деревне, что он обратил внимание на самый животрепещущий в настоящее время вопрос—на «борьбу капитала с трудом» *).

В связи с этим стоит и другая оговорка, в которой нуждаются показания Розанова. Данное им об'яснение причины, вызвавшей его поездку за границу, представляется нам маловероятным. В этом пункте показаниям Розанова не поверило и III отделение, шеф которого гр. Шувалов во всеподданнейшем докладе по делу Розанова писал: «Розанов говорит, что он поехал за границу лечиться, а между тем, он прежде всего начал следить за движениями рабочих в Женеве; он восторгается «победе труда над капиталом», сообщает по этому предмету подробные сведения и пишет Ляпунову, что он много интересного привезет».

---

*) Привлеченный к следствию Ляпунов показал, что письмо Розанова было ответом на его письмо, в котором он писал Розанову, что его очень интересуют стачки рабочих в Женеве, о которых он прочитал в «Петербургских Ведомостях».

Хорошо знавший Розанова, упоминавшийся выше мировой судья Баумгартен писал Розанову за границу: «Надеюсь, что ваша поездка отбила вам охоту уезжать ни с того, ни с сего in terras incognitas, для либеральничания».

Таким образом, можно думать, что целью заграничной поездки Розанова было вовсе не лечение. А раз так, то является предположение, что и отношения, в которые он вступил за границей с польской и русской эмиграцией, были не так случайны, как он это утверждал.

Выше мы упомянули о том, что считаем личность Розанова в некоторых отношениях характерной для его эпохи. Чтобы покончить с Розановым, нам надо остановиться на этом вопросе.

В июле 1869 г. начальник новгородского губернского жандармского управления дал такую характеристику Розанова: «Боек, находчив, начитан и с едким сарказмом отзывается о некоторых административных лицах, а по занятиям своим по части адвокатуры пользуется особенным значением в низшей общественной среде. Это лицо—плод того образования, к которому некоторые газеты и общественные крикуны изо всех сил стараются привлечь так называемых меньших братьев» *).

Мы полагаем, что в этих словах есть большая доля правды. Духовная личность Розанова, его взгляды, симпатии и антипатии сложились в значительной мере под влиянием нашей литературы 60-х годов,—и при том определенного направления этой литературы. Выше мы привели уже свидетельство самого Розанова о том, какое значение для развития его миросозерцания имело знакомство с журналом «Русское Слово» за 1865 г. Как раз в этом году происходила знаменитая полемика этого журнала с «Современником», расколовшая русскую радикальную интеллигенцию 60-х годов на два непримиримо враждебных лагеря **). В этой полемике наиболее передовых журналов той эпохи Розанов становится решительно на сторону «Русского Слова». Со-

---

*) То же дело, ч. III, л. л. 56-59

**) Об этой полемике и ее значении см. нашу статью „Раскол в нигилистах“ в № 2 журнала „Литература и Марксизм“ за 1928 г.

трудники этого журнала Писарев и Зайцев делаются для него учителями жизни. На их идеях складывается его миросозерцание.

«Я явился в Новгород круглым невеждой, — рассказывал Розанов в следственной комиссии,—до этого времени я читал только сказочные романы, а в уездном училище мог узнать очень немного. Единственная вещь, которую я начал тут читать, была книга Бокля «История цивилизации в Англии» и журнал «Русское Слово». Читая эти книги и обдумывая прочитанное, я незаметно для себя начал смотреть другими глазами. У меня явилась сильная любовь к трудящемуся мужику и ненависть ко всем, кто его обижает, эксплоатирует; я понял, что такое привилегии, и стал кричать против них, как против зла; я возненавидел взятки чиновников; я стал презирать всех, кто не трудится производительно и ест даром народный хлеб; я получил убеждение, что все должны быть равны, все должны платить равные подати и повинности».

Всю жизнь свою Розанов старался построить по тому рецепту «разумного эгоизма», который он вычитал в статьях Писарева.

Его друг Анпилогов говорил в следственной комиссии: «...Из жизни Розанова, о нравственных, религиозных и политических убеждениях известно следующее: он принадлежал к школе реалистов и был страстным поклонником Писарева, отвергал в жизни все, что не носило характера чисто утилитарного, отрицал всякую пользу музыки, живописи и всяких изящных искусств; женщине, по его понятиям, следовало бы делать все, что только позволительно мужчине, и он называл меня глупым эгоистом и даже безнравственным (т.-е. не могущим отрешиться от предрассудка) за то, что я бы не позволил жене бросаться на шею первому встречному. Родительской власти он давал значение только по той пользе, которую они принесли в жизни, и отрицал всякую возможность и смысл в любви к родителям, которые не могли быть ему полезны, а тем более дурны. О его религии сказать определенного не могу, знаю только, что он не придавал ей особенного значения, в церковь не ходил, святых не призна-

вал, в чудеса не веровал. Он особенно любил мысль (впрочем, не свою, а Бокля), что религия упадает по мере развития жизни государства. Он любил читать книги политического содержания, и многое принималось им на веру... Он увлекался учением об общественной свободе и признавал только выборное (конституционное) правление, он мечтал об общественной деятельности и увлекался героем одного романа Шпильгагена, напечатанного в журнале «Дело» или «Женский Вестник» за прошлый год под названием «Семейство лесничего», которому удалось произвести какое-то восстание. Я не обращал на это никакого внимания, потому что, хотя он бранил искусства и одобрял общественную деятельность, но сам спокойно лежал на диване и забавлялся игрой на скрипке».

Писарев верил в то, что разрешение вопроса о голодных и раздетых людях даст новая интеллигенция, о создании которой он мечтал,—«мыслящий пролетариат». Свои призывы он обращал к тем развитым, усвоившим себе данные науки людям, которые живут своим трудом, которые «сами себя кормят». «В ряды образованного общества, — писал он,—постоянно прибывают из низших слоев такие люди, которые, проводя свою молодость без сытости и без нормальных и законных эстетических наслаждений, встречают новые идеи с пылким, деятельным и совершенно сознательным сочувствием» *).

Прочтя эти строки, Розанов решил, что о нем и ему подобных писал Писарев. Эта уверенность подняла его бодрость и влила в него новые силы для той тяжелой борьбы за существование, которую он вел в течение всей своей жизни. Вот почему он так пылко уверовал в теорию разумного эгоизма, которую развивал Писарев, и стал проводить ее в жизнь. Вот почему его жизнь сложилась так, что она может служить иллюстрацией того, как могли преломляться в русской действительности того времени идеи Писарева. Вот почему эта жизнь обнаруживает перед нами воочию больное место теории Писарева, ее самую слабую сторону.

---

*) Сочинения, т. V, стр. 202.

Люди, подобные Розанову, неудачники от рождения, с самой колыбели поставленные в необходимость вести непосильную борьбу за право на жизнь, ежеминутно получающие тяжелые удары судьбы и в то же время на каждом шагу видящие, что рядом с ними живут другие люди, без труда и забот имеющие в своем распоряжении все, чего только они ни пожелают, — люди, подобные Розанову, должны были питать глубокую ненависть к сложившемуся порядку общественных отношений. Они судорожно искали средств, при помощи которых могли бы завоевать себе место за пиром жизни. Они ненавидели все окружающее их, но в то же время не были способны построить новую жизнь, потому что все их идеи, все их стремления и надежды не выходили за пределы старой жизни. Выходцы из маломощного мещанства и мелкого чиновничества, они не годились в творцы нового социального строя. Единственно, чего могли они добиться в случае удачи — это устроить свое собственное «мещанское счастье» и из стана эксплуатируемых перейти в стан эксплуататоров. Но и это удалось немногим из них.

Таким людям в их борьбе за «мещанское счастье» теория разумного эгоизма приходилась на руку. В ней они находили моральную санкцию заботам о собственном благополучии. Писарев был уверен, что «вполне расчетливый эгоизм совершенно совпадает с результатами самого сознательного человеколюбия» *). Пример Розанова и ему подобных показывает, на каком опасном пути стоял в данном случае Писарев. В разумном эгоизме Писарев надеялся найти средство для разрешения мучительного для него вопроса о голодных и раздетых; на деле же эта теория служила великолепным средством самозащиты для тех, кто выдвигал на первый план борьбу за пищу и одежду для себя одного. Вот почему Розановым и Прокопьевым теория Писарева пришлась по душе.

Из среды Розановых могли выходить и выходили активные участники революционной борьбы. Среди них попадались самоотверженные и мужественные борцы, готовые жертвовать всем ради осуществления поставленной себе

*) Сочинения, т. IV, стр. 64—65.

цели. Но таких было меньшинство. Большинство представляло собою элементы, крайне неустойчивые, готовые при первой же опасности и при первых лишениях сложить оружие, разочароваться, отказаться от воодушевляющих их идей, стать ренегатами и предателями.

К этому большинству должны мы отнести и Розанова. При первых же неприятностях, постигших его за границей, он начинает разочаровываться. Антипатичные черты характера Элпидина и его товарищей порождают в нем ненависть к политической эмиграции вообще, ко всей революционной среде и даже к самому революционному делу.

Перед от'ездом своим из Женевы, посылая благодарность Баумгартену за присланные им на возвращение в Россию деньги, Розанов в письме от 6/18 июня 1868 г. писал:

«Что касается до либеральничания, до идеалов, то в семь месяцев моего собачьего житья за границей я успел вытрясти из себя всю обольстительно-таинственную дурь, какая только бродила в моей голове при выезде из Петербурга, и это можно назвать единственною пользою, которую я вывезу отсюда. Я насмотрелся здесь, как погибают от тесноты людской люди умные и образованные, и их не спасает ни свобода, ни равенство, ни избирательное право, ни другая подобная чепуха, вызывающая слезы и разжигающая кровь у наших бедных юношей, знающих жизнь только по книгам. Я насмотрелся еще на многие другие вещи, о которых долго бы пришлось говорить, но которые разочаровали меня, потому что они нисколько не убили ни моей энергии, ни любви к труду, а только выяснили цель моей будущей жизни»...

У нас нет оснований подвергать сомнению искренность этого письма, как потому, что до нас дошли и другие письма Розанова (к Попову) из-за границы, полные сетований на «русскую подпольную демократию», так и потому, что мы знакомы уже с поведением Розанова после ареста, когда он спешил выболтать перед своими судьями все, что только знал.

Как видно, для разоблачения Бочкарева Розанов был человеком в высшей степени пригодным. Показание, данное им в следственную комиссию, вполне подтвердило это.

VI.

Рассказ Розанова о пребывании Бочкарева в Женеве.

16 октября 1868 г. Розанов был доставлен в следственную комиссию. Там ему пред'явили портрет Бочкарева. Розанов признал в нем человека, которого он впервые встретил в Женеве. По словам Розанова, Бочкарев первоначально познакомился с Элпидиным, а через него с Николадзе, Жемановым, наборщиком Элпидина (повидимому, Ивановским) и Розановым. Элпидин выдавал Бочкарева «за деятеля в пользу об'единения славян, обещающего быть полезным и чисто русскому народному делу».

«Наружно Элпидин был до крайности любезен с Бочкаревым; говорил, что он уважает его энергию и жалеет, что она употребляется не совсем благоразумно, так как следовало бы прежде русских устроить;заботливо предупреждал его избегать всяких сношений с Герценом, как с лицом, утратившим всякое значение; почти каждый день ходил к нему пить чай или в café пить мазагрен на его счет; но за глаза говорил нам, что он подозревает в Бочкареве шпиона и что затребовал о нем справки из Парижа и из Петербурга. Любезность свою Элпидин об'яснял тем, что сомнительных людей нужно мистифировать (sic! Б. К.) и эксплуатировать, в чем возможно. Чай пить ходили к Бочкареву, кроме Элпидина, Жеманов, наборщик и Николадзе, дававший сверх того Бочкареву уроки французского языка. Приглашали и меня, но я всегда отказывался, желая пореже видеть-

ся с этою компанией, а более потому, как я говорил и им: «Я—не нищий и не хочу угощаться на чужой счет». Моему примеру вскоре последовал и Жеманов, говоря: «Стоит ли одолжаться у какой-нибудь, может быть, сволочи?». Что говорилось и делалось за чаепитием, не знаю; за обедом же, а равно в кафе, никаких особенных разговоров не было. Вот несколько отрывков, сколько-нибудь замечательных. Раз Бочкарев разговорился о своей деятельности и об'яснил, что нужно сообразоваться с духом времени, что теперь господствует идея национальностей и потому он принялся хлопотать и содействовать об'единению и освобождению славянских племен и что имеет уже в разных местах Европы знакомых; а Николадзе возразил ему, что он глупо делает и что если у него есть охота, то устроил бы революцию в России... Бочкарев что-то промычал в ответ на это в роде: «Гм, гм!..», и разговор переменился. В другой раз, когда Николадзе составил компанию для выписки «Отечественных Записок» и стыдил меня за мой отказ в этом участвовать, говоря, что «О. З.» будут продолжением «Современника», т. е. такого журнала, который читать необходимо каждому порядочному человеку, как необходимо дышать, — Бочкарев возражал, что и «Современник» был не без грехов и что истинно-порядочный человек всегда смотрит и стоит дальше какого бы то ни было журнала... Наедине с Бочкаревым я был всего раза четыре: 1) в пансионе, где он просил меня свести его в гимнастическое общество *), и я обещал, но не исполнил слова, так как это запретил мне Элпидин, об'явивший, что Бочкарев подозревается в шпионстве и потому водить его в общество, где можно узнать русские фамилии, нельзя; 2) в кафе du Nord, где мы оба читали газеты; 3) на улице, при чем я указывал ему на некоторые б.....; 4) потом мы вместе ходили на лекцию Гаспарена **), но в тот вечер она не читалась, и мы разошлись. Дорогой говорили о женевских девицах. В квартире Элпидина я видел его раз в воскре-

---

*) Розанов был членом гимнастического общества в Женеве. **Б. К.**

) Гр. Агенор Гаспарен (1810—1871), французский политический деятель и писатель монархического направления, защитник свободы совести и освобождения негров. **Б. К.

сеньe, при чем разговор был, кажется, о моих неудачах с женским полом, а потом Элпидин ругал меня за то, что [я] об'явил в гимнастическом обществе местопребывание Николадзе, который там задолжал по уши, и за то, что я имею обыкновение говорить правду без разбора. «Самое главное, — прибавил он, — нужно скрывать фамилии». Я возражал, что узнать фамилию очень легко, если знают личность: можно проследить издалека человека, узнать, где он живет, и затем просто спросить квартирную хозяйку и т. д., с чем Бочкарев соглашался... Элпидин все более и более становился подозрительным и говорил, что из Петербурга известий нет, а из Парижа пришли вести, ничего не доказывающие. «Я, — прибавил он, — проодлжаю мистифировать его и вру разную чертовщину; да вы, братцы, помогайте... Не будет ли чего вам говорить, так передайте». Но Бочкарев мне ничего не говорил, кроме одного замечания, что я напрасно так скуплюсь и жалею двух франков на «От. Зап.». «Хотя вы, — говорит, — и не хотите сами пользоваться, но можно пожертвовать для них, для бедняков, которым книга кажется хлебом». — «Я считаю обидным для них, — отвечал я, — подавать милостыню и не хочу им подавать, так как есть много бедных, не имеющих даже ржаного хлеба».— Наконец, в одно из воскресений, идя в пансион завтракать, я встречаюсь с Элпидиным. — «Ну, что, — спрашивает он, поздоровавшись, — решительный вы человек?» — «Я не знаю, насчет чего», — отвечал я, замявшись. — «В политическом отношении. Не беспокойтесь, вас не заставят ни бить, ни резать. От вас попросят одной услуги, которая не будет даже компрометировать вас». — «Все-таки я не знаю, в чем дело.»—«Ну, приходите в café du Nord сегодня в 10 ч. утра, и там все об'яснится.» — «Хорошо, — ответил я, — я приду.» — Прихожу туда в 10 ч. и застаю за одним столом Элпидина, Жеманова, Николадзе, наборщика и Утина, которого я тут увидел в первый раз. Меня представили Утину и затем начали об'яснять, что подозрения против Бочкарева растут с каждым днем, что во всем его поведении проглядывает шпион, так как в интимных беседах с Элпидиным он выставляет себя самым ярым, красным революционером и

соглашается на все средства для достижения переворота, так как обо всем выспрашивает у всех, так как самая его наружность оказывается подлою, глуповато-хитрою, так как, узнав о слабости Элпидина к женскому полу, он на днях откуда-то выписал русскую женщину, познакомил с Элпидиным и хочет сосводничать, чтобы посредством этого выпытать все тайны Элпидина, а, может быть, умертвить самого Элпидина отравленною булавкою во время совокупления (Элпидину постоянно чудятся злейшие преследования русского правительства, и он приписывает последнему самые утонченные меры к его уничтожению), так как Бочкарев предлагал Элпидину прокатиться в Австрию, которая, будто бы, выдает русских политических преступников и т. д. По всему этому компания решила произвести самый тщательный обыск у Бочкарева и приглашает меня находиться при этом, в роде свидетеля, депутата, контроля, потому, одним словом, чтобы это не признали разбойническим нападением, но судом несчастных, принужденных защищаться. Затем Элпидин прибавил свои обыкновенные угрозы за предательство, за отступничество, и я счел благоразумным согласиться. Потом, по предложению Элпидина, все отправились в его типографию, так как оставаться всем в кафе было подозрительно. Элпидин до того был осторожен, что не пустил меня даже к обедне *), и до 12 часов я оставался с ним. Потом все пошли обедать и здесь, встретившись с Бочкаревым, сказали, что по случаю его предстоящего от'езда мы все идем к нему пить чай. Он поблагодарил за честь. После обеда меня отправили в его комнату приготовить самовар, чем я и занялся, сидя у камина. Прошло минуты две, как кто-то зазвонил в дверь. Я отворил и впустил мужчину огромного роста с рыжими бакенбардами и красноватым, здоровым лицом. Он спросил Бочкарева, и я предложил подождать. За мужчиною минуты через две вышла полная, здоровая, лет 35 женщина с темно-русыми волосами и, поздоровавшись с рыжим великаном, обратилась ко мне: «Я прямо с вами по-русски и буду говорить, потому что у Ивана Ивановича

---

*) Розанов ходил в протестантскую церковь для свиданий с некоей Луизой, в которую был влюблен. **Б. К.**

(кажется, так имя Бочкарева) рассчитываешь всегда встретить русского. Где он теперь? Скоро ли будет?» Я удовлетворил ее любопытству, и через минуту в комнату явились Бочкарев с остальными, исключая Утина, который хотел зайти после, во избежание подозрений. Присутствие великана с барыней страшно озадачило всех вошедших, но Николадзе нашелся, заговорил с барыней и увел ее и великана что-то показывать и нанимать комнату для них. Предварительно он пошептался с Элпидиным. Затем мы занялись чаем в ожидании Утина, но так как последний долго, до 2½ часов, не явился, то все решились уйти. Только-что мы вышли, как на лестнице встретили Утина с Николадзе, который говорил, что удалил надолго помешавших нам личностей. Все тотчас же вернулись к Бочкареву и сразу приступили к об'яснению. Первым начал Утин. Он об'явил основания подозрений и общее решение обыскать Бочкарева и его бумаги. Последний из'явил согласие, заметив только, что напрасно привели такую толпу. Так как боялись возвращения знакомых Бочкарева, то обыск решили сделать в типографии Элпидина, куда повели самого Бочкарева и взяли все его вещи. После тщательного обыска, по которому ничего подозрительного не оказалось, но ничем не устранились и ранее возникшие подозрения, решили отпустить Бочкарева, взяв с него подписку в том, что обыск сделан по его желанию, что он своим поведением вынудил на это и обязывается представить доказательства в том, что он не шпион, а до этого оставляет залог, состоящий из двух-трех билетов 2-го лотерейного займа. Обыск продолжался от 3 и до 9 часов, при чем была рассмотрена и об'яснена каждая бумажка, каждая цифра. Все это касалось или до типографии, прежде содержимой Бочкаревым, или до братьев-славян и не заключало ничего преступного ни против правительства, ни против эмиграции. Но тут возникло подозрение на рыжего мужчину и его спутницу, за которых Бочкарев не ручался, об'явив, что не знает их и познакомился на днях. Решили обыскать и тех и снова отправились на квартиру Бочкарева, близ которой на улице их встретили, но обыска не сделали, — полагаю, из трусости, так как вид у рыжего господина был очень внушительный,

а удовольствовались тем, что он и его спутница назвали свои фамилии (я забыл их, но Бочкарев должен помнить; у дамы фамилия кончается на —ская, а мужчины — какая-то странная: «Кривоногий», «Безногий» или что-то в этом роде). Мужчина назвал себя отставным офицером, а даму — его сестрою, женою какого-то станового пристава. Путешествовали ради какой-то метрической выписки. — Как этим лицам, так и Бочкареву Утин и Николадзе показывали револьверы, поясняя, что пустят их в дело в случае нужды. На другой день Бочкарев уехал, и доставил ли доказательство, не знаю, но Элпидин показывал мне после его письмо из Праги, где он просил выслать один билет и говорил, что послал доказательства; но Элпидин уверял, что ничего не получал и потому не отдаст денег, которые, по прошествии срока, решено было употребить на публикацию о Бочкареве с его изображением. Моя фамилия Бочкареву не была об'явлена, и полагаю, что неизвестна; его фамилию я узнал во время или перед обыском (до этого все скрывали); точно также фамилии Жеманова и Николадзе мне об'явлены были перед обыском... Женщина, бывшая у Бочкарева с рыжим мужчиною, есть та самая, с которою, по словам Элпидина, Бочкарев познакомил его и предлагал поволочиться за нею. Она говорила еще о себе, что желает открыть какое-то учебное заведение и с этою целью изучает за границею методы преподавания и управления воспитанниками».

5 ноября Розанов, по предложению следственной комиссии, дал дополнительное показание относительно мотивов, побудивших эмигрантов произвести обыск у Бочкарева.

«Причинами к обыску, сделанному над Бочкаревым русскими эмигрантами, — говорил Розанов, — были, по словам Элпидина и Утина: 1) Крайнее любопытство Бочкарева, желавшего знать все, касающееся до будущей русской революции, до эмиграции, до ее действий и до ее средств. «Все, все спрашивает (слова Элпидина о Бочкареве), а в особенности ему хочется знать, как мне удалось бежать из казанского острога сейчас после об'явления приговора... Это правительству неизвестно, а знать, без сомнения, хочется». 2) То, что Бочкарев при пробных вопросах Элпидина, выставляя себя

ярым революционером, соглашался на всякие средства и высказывал полную солидарность с афоризмом Элпидина: «Наша цель — социальная республика, средства — все, что только мы признаем возможным и действительным». 3) То, что Бочкарев выдавал себя за лицо, участвующее в нескольких революционных обществах и привез Элпидину от главы одного из них рекомендательную записку, которая, по строгом рассмотрений и сличении почерка, оказывается несколько сомнительною. 4) То, что Бочкарев привез ему для напечатания старую рукопись, которая, по всей вероятности, отобрана во время обысков и арестов 66 года у одного лица, почерк которого знаком Элпидину или Николадзе (хорошо не помню). Рукопись эту Элпидин давал мне читать. Это был перевод какого-то Берье или Фурье *) о том, что существующий на всем земном шаре строй никуда не годится и что для своего спасения человечество должно устроить всемирную республику с центральным правительством, которое занималось бы распределением труда, вознаграждения и наслаждений. Подробностей не помню, но помню, что все рассуждения в рукописи пересыпаны высокопарными и трагическими восклицаниями. Рукопись, действительно, была стара и пожелтевши и, по подозрению Элпидина, выдана Бочкареву из III отделения, как шпиону. Элпидин показывал мне и записку, привезенную Бочкаревым, но содержание ее совсем вышло у меня из головы. Почерк, ее писавший, был прямой, с небольшими росчерками, — семинарский. 5) То, наконец, что Бочкарев не только соглашался, но и сам предлагал разные преступные средства, именно подделку билетов 2-го внутреннего займа с выигрышами, с тем, чтобы все барыши от этого пошли на революционное дело. «Я, — об'яснялся по этому поводу Элпидин после, — я, разумеется, вполне сочувствую такому делу и я имею уже об этом сношения с поляками **), но толковать об этом с людьми сомнительными или

---

*) Нам уже известно, что это был перевод не из Фурье, а из Консидерана. **Б. К.**

) Во вторую половину 60-х годов и в начале 70-х польские эмигранты, повидимому, при ближайшем участии агентов русского правительства, не раз организовывали подделку русских кредитных билетов. См. брошюру «Фальшивомонетчики или агенты русского правительства» с предисл. П. Ткачева и Элпидина. Женева, 1874 г. **Б. К.

открывать истину кому доходя (sic! *Б. К.*) не стану и не одобряю, потому — это опасно во всех отношениях и может компрометировать нас даже перед швейцарцами». Все эти причины были высказаны Элпидиным или Утиным до, во время и после обыска и все или отчасти были занесены в подписку, заранее приготовленную и предложенную к подписи Бочкарева по окончании обыска. Бочкарев сидел, как убитый, и сознавался во всем вышеизложенном, говоря в оправдание, что все против него, но он все-таки не шпион, записку и рукопись достал от тех лиц, о которых уже говорил Элпидину(мне неизвестны эти лица), а революционных обществ никаких не знает. На строгий вопрос Утина: «Так вы лгали об этом, лгали?» — отвечал: «Да, лгал». Не помню, признавал ли он себя виновным в намерении подделывать выпущенные билеты или также говорил, что и об этом лгал, но мне совершенно памятно, что на несколько вопросов Утина он отвечал: «Да, мол, лгал», что он просил из числа взятых в залог трех билетов 2-го займа один, и Элпидин поддерживал эту просьбу, говоря шопотом Жеманову: «Отдадим ему один билет; мне хочется, чтобы он испытал... Чорт! Рискнем! Пусть его испытает!». Но и Утин, и Жеманов были против этого. «Нет, — говорил который-то из них или оба, — если мы выдадим теперь ему один билет, то этим самым покажем себя солидарными с ним, и тогда нет смысла в остальном залоге». Николадзе, относившийся к Бочкареву все время очень враждебно, настаивал, чтобы отобрать все три билета, а я, спрошенный Утиным о том, как я думаю, отвечал: «Если вы, господа, находите нужным брать залог, то, разумеется, нужно взять возможно больший; но мне кажется, что залог не имеет никакого смысла, потому что, будь он шпион, он представит вам какие угодно доказательства, да и потеря 300 р. для него не будет слишком тяжелою. По моему, мол, следовало бы просто все это опубликовать и отказаться от всякой с ним солидарности». Решили взять у Бочкарева все три билета, в чем Элпидин и выдал ему расписку, а опубликовать положено было после, если он не представит доказательств. Мне поручено было заняться беспристрастным описанием всего происшедшего, и я действи-

тельно все это описал под заглавием «Сомнительный человек», но куда девалась эта повесть во время моей болезни: потеряна ли, утащена ли Элпидиным, я не знаю и по выходе из госпиталя забыл о ней и о Бочкареве, о котором напомнил мне уже перед от'ездом Элпидин, показав письмо, требующее высылки билета в Прагу.

«Это все, что я припоминаю теперь о Бочкареве. Кроме этого, мне пришло теперь на память, что когда я ехал уже в Россию и заезжал в Лозань (sic! *Б. К.*) к Жеманову, то последний, между прочим, сказал мне: 1) что Элпидин поступает с Бочкаревым бессовестно, 2) что в то время прибыл в Швейцарию из Сибири какой-то немец и привез к кому-то из эмигрантов словесные инструкции и письмо от Чернышевского *) и что Жеманов на другой день едет по этому случаю в Женеву.

«Лично со мною Бочкарев ни о фальшивых билетах, ни о революционных обществах не говорил. Только однажды, узнав, что у меня есть пять билетов внутренних займов, он

---

*) 20 сентября Розанов дал следующее более подробное показание об этом письме:

«О письме Чернышевского, будто бы посланном из Сибири, я известился в Лозане, возвращаясь уже в Россию, от Жеманова в то время, когда, вернувшись из кафе, мы улеглись спать. Вот, что мне передал он по этому поводу. Несколько дней перед тем будто бы прибыл в Швейцарию один немец, находившийся в Сибири (в ссылке) и возвращенный оттуда по высочайшему манифесту о ссыльных иностранцах. Немец этот был в Берне, и Жеманов был там же у Щербакова. Не помню, лично ли Жеманову, или кому другому немец рассказывал, что Чернышевский живет в каторге хорошо, что обид ему там никаких не делается, что его даже не посылают на общие обязательные работы и что он даже пополнел и поздоровел там. Чернышевский будто бы поручил означенному немцу передать его поклоны и приветствия всем своим единомышленникам, с которыми пришлось бы немцу встретиться и, кроме того, письмо и несколько важных слов, которые немец должен был передать лично одному из эмигрантов. Вот подлинные слова об этом самого Жеманова: «Да, вот, все так и говорил (т.-е. немец-то). А потом говорит, что привез от самого-то (Чернышевского) письмо одному из наших и уполномочен сказать кое-что важное лично... Завтра, а, может быть, и сегодня будет(немец) в Женеве. Завтра, проводивши вас, я и сам туда поеду. Очень интересно, что-то узнаем мы от самого Николая Григорьевича или Гавриловича» (он назвал по отчеству Чернышевского). Это все, что я узнал от Жеманова и что у меня осталось в памяти. Он заговорил о немце еще в то время, когда мы играли в шашки в кафе, и, кажется, сказал имя лица, которому было прислано письмо, но я слушал рассеянно и не помню этого хорошо. Во всяком случае, Жеманов должен знать об этом. Сколько помнится, о возвращении из Сибири немца

заговорил: «А, так вы богаты, значит, на вас можно рассчитывать»... Но разговор был прерван, и в чем именно на меня он хотел рассчитывать, не договорил.

«В раз'яснение настоящего показания имею честь прибавить: 1) что под словом «будущей революции» следует понимать ту революцию, о совершении которой мечтают Элпидин и К°, 2) что, кроме рекомендательной записки к Элпидину и рукописи, Бочкарев привез также записку и к Утину, как высказывал последний во время обыска, но от кого и в чем заключалась эта записка, мне неизвестно».

мне говорил что-то и Элпидин перед моим от'ездом, но он и сам не знал, повидимому, никаких подробностей и не видал немца».

Ю. Стеклов, относящийся ко всем рассказам Розанова, как к выдумке, мистификации и болтовне, высказывает уверенность, что никакого письма эмигрантам Чернышевский не писал (см. его брошюру «Николай Гаврилович Чернышевский», М. 1928 г., стр. 29). Мы же считаем, что так решительно отмахиваться от показаний Розанова нельзя, что в них было, наряду с выдумкой, и много правды, и не видим оснований категорически отрицать возможность присылки Чернышевским письма эмигрантам. Конечно, в его письме не могло быть и речи о каких-либо революционных конспирациях, но один вопрос мог заставить Чернышевского взяться за перо. Издание его сочинений за границей Элпидиным слишком больно ударяло по материальному благосостоянию семьи Чернышевского и делало совершенно невозможными какие бы то ни было хлопоты с ее стороны о разрешении издания сочинений Чернышевского в России. Как внимательно относился Чернышевский к своей семье, мы хорошо знаем, и это могло заставить его решиться на такой рискованный шаг, как написать эмигрантам протест против предпринятого ими издания. Того, что Чернышевский имел фактическую возможность переслать письмо с каким-либо возвращающимся из Сибири ссыльным, не отрицал и запрошенный по этому поводу III отделением комендант Нерчинских заводов Кноблох (хотя и считал это малоправдоподобным), которому как из шкурных интересов, так и вследствие его мягкого отношения к политическим заключенным (об этом свидетельствует С. Г. Стахевич в своих воспоминаниях о Чернышевском — см. сборн. «Н. Г. Чернышевский», изд. Политкаторжан, М. 1928 г., стр. 47—50) выгоднее было бы отвечать на запрос III отделения категорическим отрицанием.

VII.

Запирательство и признание Бочкарева. Его встреча с Герценом, Утиным и Элпидиным. Обыск, произведенный у Бочкарева амигрантами.

18 октября следственная комиссия устроила очную ставку Розанова и Бочкарева. Первый из них повторил вкратце то, о чем рассказывал следственной комиссии 16 октября. Бочкарев продолжал отрицать свое знакомство с Элпидиным и эмигрантами.

«С череповецким мещанином Розановым, — говорил он, — я вижусь в первый раз, и из всей истории, им рассказанной, я ничего не знаю; ибо у меня не было в Женеве ничего даже подобного, в чем уличает меня г. Розанов».

22 октября следственная комиссия вызвала к допросу того самого «Пучатина или Печатова», который упоминается в письме Элпидина Суфщинскому, т. е. Евг. Печаткина. Печаткин показал, что познакомился с Бочкаревым в 1863—1864 г.г., а в 1867 г. вел дело Бочкарева по взысканию денег с некоего Куна, которому Бочкарев продал свою типографию.

«После первой своей поездки за границу в начале настоящего года, — говорил Печаткин, — Бочкарев рассказал случай, бывший с ним в Женеве, а именно: что его приняли там за шпиона русского правительства, грозили убить, но ограничились отобранием у него, как бы в залог, трех билетов внутреннего займа, какой-то подписки, и обязали его представить какое-либо благонадежное (как он выражался) руча-

тельство, что он не шпион; в противном случае, грозили ему, что напечатают о нем в газетах. Бочкарев об'яснил мне, что указал на меня, как на своего знакомого, и потому просил, чтобы я написал Николаю Утину письмо, где бы разуверил, что Бочкарев не шпион. Просьбу Бочкарева я исполнил, и при от'езде его за границу во второй раз я, действительно, дал ему письмо на имя Николая Утина, где писал ему, что Бочкарев личность совершенно невинная и достойная сожаления, а не какой-либо мести за свои необдуманные поступки. По возвращении Бочкарева из-за границы в последний раз, он, будучи у меня, рассказал, что ему удалось устроить свои дела в Женеве, т. е., кажется, его освободили от подписки и возвратили ему билеты, но что письмо мое помогло мало, так как Утин сомневался в моем почерке и подписи».

23 октября следственная комиссия познакомила Бочкарева с убийственными для него показаниями Печаткина, однако, Бочкарев продолжал стоять на своем. Он говорил:

«Вся эта история кажется мне в настоящее время такою же странною, какою казалась в начале следствия. Кроме того, я вовсе не понимаю, с какой стати Печаткин взводит на меня новую небылицу, будто бы я рассказывал ему о моих, небывалых, сношениях с эмигрантами и будто бы он дал мне письмо к г. Утину. Я не мог рассказывать ему того, чего не было на самом деле, и в письме к Утину не имею никакой надобности».

Не помогла и очная ставка, устроенная на следующий день Бочкареву с Печаткиным. «Ничего подобного, в чем уличает меня Печаткин, я ему не рассказывал и письма от него не получал», — заявил Бочкарев.

Однако, через неделю запирательство Бочкарева было сломлено. 30 октября он сделал в следственной комиссии следующее заявление:

«Убежденный увещаниями г.г. членов комиссии, я решился настоящим чистосердечным признанием исправить, если можно, данные мною прежде показания. В этом показании я буду говорить только о моих пребываниях в Женеве, ибо во всех прежних показаниях, не касающихся Женевы, я изложил сущую правду.

«Читая в Париже русские журналы, я прочел в «Колоколе» статью Герцена «На площади св. Марка», в которой Герцен на вопрос итальянца сказать ему откровенно: «За кого *они*?» — отвечает: «Конечно, за славян!» — «И против русского правительства?»—«Нет, оно с нами» *). — Из этого я вывел ошибочное, как оказалось впоследствии, заключение, что Герцен имеет положительные сведения о южных славянах, а так как я ехал туда без всяких указаний, то думал узнать от него о положении тамошних дел. Но Герцен мне ничего не мог сказать, кроме: «Что вы хотите там делать, это народ совершенно неразвитой, да и Европа не допустит их до серьезного восстания. Вернитесь лучше в Россию, там теперь дела пропасть, а вы едете вмешиваться в чужое дело, в котором ничего не знаете и которое требует теоретической подготовки. Впрочем, спросите у Утина, он должен это знать лучше, как филолог». — От Утина я тоже ничего не узнал, кроме того, что в Праге есть «Чешская беседа» **). Но он просил меня написать ему, что я там увижу.

---

*) Упомянутая Бочкаревым статья Герцена была напечатана в № 238 «Колокола» за 1867 г. (Полн. собр. соч., т. XIX, стр. 259—260). В этой статье Герцен, между прочим, рассказывает о разговоре своем с одним итальянцем в 1848 г. Итальянец спрашивал:

«Скажите мне, скажите откровенно, я вас прошу об этом, потому что сам нахожусь в тревожном сомнении, что вы со стороны греков и славян?

— Да, как же иначе... вы меня знаете не со вчерашнего дня?

— Оно так... но... ведь, как там хотите, вы все же будете на одной дороге, встретитесь с русским правительством...

— Вы ошибаетесь, не мы встретимся с русским правительством, а русское правительство с нами»...

Революционера Бочкарева такой взгляд на роль русского правительства в славянском вопросе не мог не поразить. Можно думать, что желание уяснить себе точку зрения Герцена на славянские дела и побудило Бочкарева посетить его. Считаем нелишним упомянуть о жестокой критике, которую встретила эта статья Герцена со стороны А. А. Серно-Соловьевича. В направленной против Герцена брошюре «Наши домашние дела» Серно-Соловьевич писал: «Мы давно нигде не читали ничего глупее... Правительство пойдет за вами!.. Неужели у этих господ, наполняющих «Колокол» своими сочинениями, так мало смысла, что они не понимают, что правительство наше и умнее, и последовательнее их». («Наши домашние дела», Вевэ,1867 г., стр. 39). **Б. К.**

) «Чешская беседа» — общество, ставившее своею задачею работу по национальному пробуждению Чехии; это общество было открыто в 1863 г. и имело многочисленные отделения (клубы) по всей Чехии. **Б. К.

«Возвратившись однажды на квартиру, я нашел у себя карточку «Ржонсницкий *). Зайду в 8 час. вечера», а так как я был у Герцена в этот же день часов в 6, то и спросил у него, что это за человек. Герцен спросил: «да как вы с ним познакомились?»—и сказал, что эти люди ходят на счет франков больше и что Ржонсницкий знаком с Элпидиным, с которым тоже не советовал знакомиться.

«Недоверие ли, или какая другая причина, только ни Герцен, ни Утин не сказали мне, что в то время жил в Женеве Янкович, серб, приятель Владимира Ивановича, а также не указали мне на этого последнего, которого они должны были знать. (Владимир Иванович жил некоторое время в Женеве и издавал там журнал).

«Во второй мой приезд в Женеву, я, оставив вещи на станции, пошел искать комнату, так как рассчитывал прожить там до весны. Зайдя в café du Nord позавтракать, я взял «Петербургские Ведомости». Спустя некоторое время подходит ко мне господин.—«Позвольте после вас».—Смотрю пристально, как будто знакомое лицо...—«Послушайте, ведь мы с вами знакомы»,—говорит господин.—«Очень может быть».—«Вы из Петербурга?»—Таким почти образом я сошелся с Николадзе, которого видал в университете и с которым я познакомился в редакции «Народного Богатства» **). Я ему рассказал, что в Женеве я был в прошлом году, и что знаком с Герценом и Утиным.—«А с Элпидиным отчего вы не познакомились?»—«Да не имел ни времени, ни надобности, ни случая». — «Хотите, я вас с ним познакомлю?»—«Отчего же, только при случае, а искать его знакомства не буду».—«Да вот, вы могли бы оказать мне услугу, мне нужно передать ему тетрадку и записку, только я не хочу сам этого делать, не отнесете ли вы-как будто бы только-что из России».—Мне неловко было отказать ему, и я согласился. Николадзе незначил мне свидание в аллее за английским садом, и я, кончив завтрак и газету, отправился.

---

*) Ржонсницкий — польский эмигрант. **Б. К.**

) «Народное Богатство» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1862—1864 г. г. В ней участвовали многие писатели прогрессивного и радикального направления. **Б. К.

Тетрадка была какая-то переводная рукопись, а записка говорила что-то такое темное, да я и не мог хорошо прочесть; помню только, что в ней говорилось о свидании.

«Придя к Элпидину, я отдал записку и рукопись, не говоря своей фамилии.—«От кого это?»—«Да я думаю, что вы знаете, а если нет, то и мне говорить не следует».—Я присел у него на несколько минут, разговорились. Спрашивал у меня, долго ли я останусь. Я сказал, что до весны, и затем еду на Балканы.—«Да чаво (sic! *Б. К.*) вы там будете делать?»—Я рассказал, что был уже там и намерен посвятить себя для славянской деятельности. Сказал также, что в Женеве уже во второй раз, что знаком с Утиным, и намерен к нему проехать.—«Да что вы у него денег просить будете, он вам не даст, а ума у него нету».—Я говорю, что деньги мне не нужны, а отчего ж не повидаться с человеком, тем больше, что я обещал ему писать и не писал. В заключение просил его указать мне дорогой пансион. Он указал мне комнату в Hôtel du Nord, а для стола дал адрес m-me Kampi. В этом пансионе я стал обедать, а впоследствии перешел в него и жить. Здесь я видался почти ежедневно с Элпидиным, его наборщиком, Николадзе, Жемановым и Розановым, фамилию которого не знал.

«Спустя несколько времени, недели две или более, я поехал к Утину в Вевей. Приехал я к нему в некотором роде как знакомый, рассказал ему о южных славянах, о их омладинских организациях, упрекал его за недоверие ко мне (по поводу Янковича и Иовановича). Он отвечал мне, что я приехал тогда к нему без рекомендации, да и теперь ничего не привез.—«Ведь, не детей крестить нам с вами,—отвечал я,—а впрочем, я мог бы достать письмо от Печаткина».—Затем он спрашивал меня о русской молодежи; я отвечал, что молодежь наша хороша.—«А как вы думаете об издании нового русского журнала за границей?»—«Где ж вы наберете сотрудников,—возразил я;—конечно, молодежь, может быть, и стала бы помогать, но только талантов-то нет, и, кроме того, получение в России запрещенного журнала принесло бы большую помеху правильному развитию свободы. Вот, другое дело, если бы удалось организовать журнал

славянский федеративного направления, местом издания которого должна быть Вена и который бы был дозволен в России».—«Да это тоже хорошо, только это совсем другое».—При расставании Утин просил меня приезжать опять, и я дал ему свой адрес. По возвращении моем в Женеву Элпидин накинулся на меня с вопросами: —«Ну, что Утин? О чем вы с ним говорили?»—Я говорю, журнал, мол, издавать хочет. — «Ха, ха, ха, и он будет редактором! А говорил ли он вам, как он интриговал против меня у Бенды? *)» Тут Элпидин рассказал мне, что Утин испортил дело по изданию Чернышевского, рассказав Бенде, что издание Чернышевского дозволено в России.

«В последнее время второго пребывания моего в Женеве Николадзе принес мне самовар, и мы стали пить вскладчину чай. В это же время я познакомился в магазине Аронжеловича **) с какими-то русскими (брат с сестрой), которым я сделал визит и которые, бывши у меня, столкнулись с чайною компаниею. Элпидин спросил у меня фамилию барыни; я не сказал ему.

«21 марта пришел ко мне мой новый знакомый (фамилию которого я позабыл; буду называть его Безногим) и говорит: «напрасно не поехали»,—на прогулку, куда он звал меня накануне. Затем входит Утин с словами: «Я к вам на минутку, да и в Женеве я пробуду немного». А Безногий-то и говорит: «Вот хорошо, что не поехали, а то бы раз'ехались».—Безногий ушел. Утин спросил меня, что это за человек. Я рассказал, как мы с ним познакомились. Утин, посидев немного (он был несколько расстроен), отправился к Элпидину. Там, как я после узнал, у них произошло примирение—«в виду общей опасности», т.-е. присутствия между ними такого человека, за которого они меня принимали. 22 марта, после чая пришел ко мне и Утин, которого я считал уже уехавшим из Женевы. Описывать историю обыска я не буду, так как она верно изложена в показании Розанова. Скажу только одно, что все дело ведено было так, как будто

---

*) Бенда — польский эмигрант, содержавший книжный магазин в Веве. **Б. К.**

) Аронжелович — польский эмигрант. **Б. К.

бы мой личный интерес этого требовал. В самом деле, если бы я не допустил обыска, они имели бы основание распустить слух, что мое поведение не чисто, и что у меня есть что-либо компрометирующее меня. По окончании обыска они взяли у меня подписку, что обыск сделан у меня по моему согласию и что я обязуюсь доставить удостоверение, что я не шпион; словесно же сказали мне, чтобы я доставил Утину письмо от Печаткина и Элпидину письмо от неизвестного мне лица, которое прислало записку; в последнем требовании я колебался, но Николадзе, полушутя, полусерьезно сказал: «Он доставит, как ему не доставить». Кроме того, оставил я три билета внутреннего займа, в виде залога, и фотографическую карточку. Во время самого обыска спросил меня Утин: «Ну, что, г. Бочкарев, вы и теперь скажете, как говорили вначале, что это кукольная комедия?»—«Да, и теперь скажу».—В это время Николадзе показал мне маленький карманный револьвер.

«По приезде моем в Петербург, я рассказал Печаткину об этом случае и просил его написать Утину письмо, что он и сделал.

«Прожив в Петербурге в этот раз до 18 мая и побывав в Вене, Праге и Цюрихе, я в начале июня приехал в Женеву и, найдя Николадзе, сказал ему, что у меня есть к Утину письмо, и спрашивал, что они со своей стороны узнали.—«Что узнал Элпидин, я не знаю, а мне ничего о вас неизвестно; впрочем, я смотрю на всю историю, как на ребячество, и с вас всякое подозрение снимаю; сделать же для вас ничего не могу, так как с Элпидиным разошелся».

— «Да, ведь, вы независимо от Элпидина хотели узнать обо мне?»—«Да, что же делать, когда не мог. Пожалуй, я дам вам выгодное поручение к Элпидину, передайте ему деньги и скажите, что это от той же руки».—Он дал мне, не помню, сколько-то франков и расчет, что это составляет 40 р. Я [поехал] к Элпидину с деньгами и показал письмо к Утину. Утина в Веве не было, и Элпидин взялся переслать отрывок из письма и копию. Элпидин же сказал, что он не получает писем вовсе и, что странно, как-то это случилось именно с того времени, как он стал спрашивать обо мне. Приехал

Утин в Вевей, отправился туда и Элпидин и по возвращении об'явил мне, что руку Утин не признает, так как хорошо не помнит, да, кроме того, Печаткин не компетентный человек, по их мнению, а потому решено ждать из России. В это время я захворал простудою, так что все равно не мог выехать из Женевы. Наконец, поправившись, я стал требовать решительно, чтобы они мне об'явили, какие у них есть факты против меня, а так как я уверен, что у них ничего не могло быть, то они должны выдать мне документы.—«Вы, ведь, обещали доставить рекомендацию, кроме Печаткина, и не доставили».—«Да, еще бы вы потребовали, чтобы я доставил вам рекомендацию с луны, то я и то бы вам обещал в то время».—«Хорошо, я с'езжу в Вевей»,—заключил Элпидин. По возвращении из Вевея он об'явил, что мне выдадут что-нибудь: или билеты, или подписку с карточкою. Я отказался получить что-нибудь и требовал всего. Тогда Элпидин опять уехал и, возвратившись, нехотя сказал, что он выдаст мне все, хотя и не имеет к тому основания, но что нужно же когда-нибудь кончить.

«Таким образом, спустя слишком четыре месяца (я получил документы 27 июля) кончилась эта история т а м, и я 1 августа поехал в Лозанну; к довершению же моих несчастий ей суждено перейти и сюда. Уповая на правосудие, я надеюсь, что в моем поведении тщательное следствие не найдет ничего преступного. Если я пропустил здесь что-нибудь существенное, то готов пополнить с такою же откровенностью.

«С.-Петербург, 30 октября, 1868 г.

И в а н Б о ч к а р е в, мещанин».

«Знакомый, которого я называю Безногий, — добавил Бочкарев к этому показанию,—по рассказам его, отставной офицер, который имел какое-то дело в Милане, а сестра его—жена чиновника. Безногий намерен был по возвращении в Россию ехать в Персию, а сестра его говорила, что живет в Москве и имеет детей; ей лет около 30-ти; ему—за 30-ть».

На следующий день после этого признания Бочкарев давал ответы на дополнительные вопросы, предложенные ему следственной комиссией.

«В показаниях 30 октября, говорил Бочкарев, я изложил все, что помню из разговора с Герценом, позабыв упомянуть только то обстоятельство, что я виделся с ним еще раз во вторую поездку и, рассказав ему о славянских делах, советовал ему просветить Европу насчет ее заблуждения, будто бы южные славяне суть средства для честолюбивых замыслов России и что как Россия не хочет завоеваний, так и славяне не хотят быть завоеванными. Он отвечал мне, что «вы нас не читали, вероятно, а то не стали бы делать такого совета. Вы не знаете, как относится к нам (т.-е. к нему, Герцену) европейская журналистика». Он здесь рассказал мне какие-то отзывы об нем из немецкой прессы. Затем я уехал, с ним не видавшись, и в третий приезд у него не был.

«С Элпидиным я говорил большею частью пустяки, которых нет возможности припомнить. В начале он нападал на братьев славян, смеялся над моею деятельностью; сначала я, в свою очередь, отвечал ему тем же, а затем сказал ему, что если он не видит дальше своего носа, то лучше мы не будем об этом говорить. Словом, серьезных разговоров у нас с ним не было».

На вопрос о разговоре своем с Элпидиным о славянских делах и значении их для революционного движения в России (о разговоре этом Элпидин упоминал в «Истории начала и конца миссии Бочкарева») Бочкарев ответил:

«Легко могло случиться, что я говорил Элпидину, что полное освобождение всех славянских народов и образование славянской федерации будет иметь влияние и на правильное развитие у нас гражданской свободы. Если я употреблял (в этом разговоре с Элпидиным. Б. К.) «мы», то подразумевал тех славян, с которыми мне приходилось сходиться. Никакого движения в России я не знаю».

На вопрос следственной комиссии, не говорил ли Элпидин ему адрес членов Европейского Революционного Комитета, Бочкарев ответил отрицательно.

«Я об этом Элпидина не просил, так как не имею об этом надобности, да и не знаю, что это за Европейский Революционный Комитет. Незнание мною европейских языков может служить доказательством тому, что это выдумка со стороны Элпидина».

Равным образом Бочкарев отрицал и то, что он говорил с Элпидиным о государственном перевороте в России. «Ничего об этом говорено не было, и бессмысленность об'яснения Элпидина так очевидна, что я ничего не нахожу нужным для опровержения».

На вопрос о том, просил ли он Элпидина указать адрес членов Европейского Революционного Комитета, Бочкарев ответил отрицательно.

«Может быть, Элпидин в отрывочных разговорах и говорил о пропаганде, этого я отрицать не имею основания, но специального разговора у нас об этом не было. Знакомых он мне никого не называл и о сношениях с Россией не говорил, кроме того, что «мы хотим о вас уведомления из России, а до того времени не выдадим вам документов». Когда я выразил сомнение: есть у кого спрашивать-то, то он на это сердился, а сомнение свое я подтвердил тем, что они не могут получить ответа около четырех месяцев».

На вопрос о том, говорил ли он с Элпидиным о банкротстве русского правительства, Бочкарев ответил:

«Ничего подобного ни я Элпидину, ни Элпидин мне не говорили. Относительно мониторов я едва ли говорил Элпидину, как о моей надежде, что их пришлет Америка в случае серьезного дела на Балканах». Отрицал Бочкарев и то, что он предлагал Утину стать как бы министром иностранных дел той организации, которая послала Бочкарева за границу, и то, что он предлагал организовать подделку русских кредитных билетов.

На вопрос о списке каких-то лиц, найденном у Бочкарева при обыске, произведенном эмигрантами, Бочкарев отвечал: «Был и, вероятно, и теперь есть список славян, с которыми я знаком, и список литераторов разных направлений».

Относительно подписок, данных им при обыске в Женеве, Бочкарев сообщил следующее:

«Один документ, в котором я говорил, что со стороны их насилия против меня употреблено не было, я написал собственноручно, а содержание второго подробно я не упомню; помню, что они после моих настояний решились сделать некоторые поправки и на замечание мое, что там изображены такие обстоятельства, которых не было на самом деле (какие именно, я по случаю расстройства, в котором тогда находился, не помню), на это они отвечали, что им необходимо заручиться таким именно документом, а для меня все-равно, так как я получу его обратно. По получении обратно, я уничтожил их в тот же день. Подделки бумаг я никакой не предлагал. Я обязался доставить письмо к Утину от Печаткина; Элпидину я не очень обещал, а просил его с своей стороны узнать обо мне. На другой день это же обещал мне Николадзе. Достать же рекомендацию к Элпидину я не мог».

6 ноября Бочкарева вновь вызвали в следственную комиссию для дополнительного допроса.

Комиссия поинтересовалась, участником каких обществ выдавал себя в Женеве Бочкарев, и от кого была та записка, которую он привез Элпидину.

По своему обыкновению, Бочкарев все отрицал.

«За участника революционных и никаких подобных обществ я себя не выдавал. Записку передал Элпидину ту самую, которую получил от Николадзе, и больше никакой не передавал; содержания я ее не знаю, так как не мог прочесть, идя по дороге».

Что касается рукописи, переданной им Элпидину, то он получил ее также от Николадзе и содержания ее не знает, так как не читал.

Попрежнему Бочкарев отрицал и разговор свой с Элпидиным о подделке кредитных билетов.

«Мысли этой у меня не было, подделкою не занимался и о каких революционных делах здесь (т.-е. в «Истории» Элпидина. Б. К.) говорится, я не знаю. Элпидину тоже об этом ничего не говорил. Элпидину подделки 2-го внутреннего займа не предлагал».

Далее Бочкарев утверждал, что разговоров о пригодности всяких средств для осуществления социальной республики у него с Элпидиным не было и что никакой записки к Утину, кроме письма Печаткина, он не привозил.

Таким образом, Бочкарев, признав знакомство свое с Элпидиным и другими эмигрантами и обыск, произведенный ими у него, все остальное продолжал отрицать. С этой позиции полного отрицания не сбила его и очная ставка, данная ему с Розановым 7 ноября. На этой ставке Розанов, подтверждая свои прежние показания, говорил:

«Уличаю Бочкарева в том, что во время обыска его в типографии Элпидина ему были об'явлены эмигрантом Утиным и занесены в отобранную от него подписку все причины, побудившие сделать обыск. Причины эти были следующие: 1) Крайнее любопытство Бочкарева, выражавшееся в расспросах о всем, касающемся русской эмиграции, революции, о совершении которой она мечтает, связи, действий и средств, употребляемых эмигрантами, и т. п. 2) То, что Бочкарев выдавал себя за ярого революционера и соглашался на все преступные средства, какие ему предлагались Элпидиным. 3) То, что он сам выражал согласие или желание участвовать в подделке государственных билетов 2-го займа с выигрышами. 4) То, что он рассказывал Элпидину и Утину о разных революционных обществах, будто бы существующих в России, в которых он состоял будто бы членом. 5) То, что он привез Элпидину рекомендательную записку и старую рукопись (перевод с французского об устройстве всемирной республики), из коих одна казалась Элпидину поддельною, а последняя—отобранною от кого-нибудь во время арестов 1866 г. 6) То, что он только наедине с Элпидиным говорил о своем русском революционерстве, а его бумаги и некоторые письма свидетельствуют о его связях и интригах по славянскому вопросу, который поднят и поддерживается правительством. Остальные причины были высказаны уже при первой очной ставке.

«Уже в конце обыска на строгие допросы Утина Бочкарев об'явил, что он налгал о революционных обществах и не знает ни одного; что именно говорил он о фальшивых

билетах, я в точности не помню (т.-е. сознался ли он, что он сам делал предложение Элпидину, или только соглашался на предложение последнего), но вопрос о фальшивых билетах был поднят во время обыска, а после, при отобрании залога, он, Бочкарев, убедительно просил оставить ему хотя один билет, и Элпидин поддерживал его просьбу, говоря шопотом Жеманову: «Отдадим один билет... Рискнем. Пусть его попробует... Я сочувствую этому делу». Но ни Жеманов, ни Утин на это не согласились».

Бочкарев на это показание отвечал:

«1) Никогда не приходило мне мысли, чтобы эмиграция думала о произведении революции в России, а потому я и не мог спрашивать у эмигрантов о ее мечтах по этому обстоятельству. Спрашивал их о фамилиях и о профессии тамошних эмигрантов, что, действительно, возбудило с их стороны недоверие ко мне. 2) За революционера себя не выдавал и на преступные средства не соглашался, да и Элпидин ничего такого мне не говорил. 3) Относительно подделки билетов тоже говорено не было. 4) О революционных обществах я ничего не знаю, а потому тоже ничего не говорил. 5) О происхождении рукописи и записки я об'яснил в показании подробно—эти рукопись и записки те самые, которые я получил от Николадзе. 6) Бумаги мои, действительно, эмигрантов не удовлетворили, ибо они не нашли ничего такого, что бы говорило в мою пользу (в их смысле). Билет я просил, так как у меня было золота в таком количестве, что я не мог на него доехать до Петербурга».

VIII.

Некоторые итоги. Петербургские революционные кружки 1868 г.

Очная ставка Бочкарева с Розановым, бывшая в руках следственной комиссии последним средством для того, чтобы сломить упорное запирательство Бочкарева, ни к чему не привела. Бочкарев продолжал твердо стоять на своем и не дал следователям никаких нитей, которые могли бы быть им полезными в их дальнейших розысках. Поневоле пришлось остановиться на этом и прекратить следствие.

Вопрос о том, имел ли Бочкарев поручение к Элпидину от какой-то организации в России и развивал ли он перед ним те революционные планы, о которых Элпидин упоминает в «Истории начала и конца миссии Бочкарева», остался на следствии невыясненным. Но, конечно, следователи были не столь наивными людьми, чтобы поверить рассказам Бочкарева о случайности встречи его с Элпидиным.

Арестованный Бочкарев избрал себе вполне определенную линию поведения: не сознаваться ни в чем, пока его самым решительным образом не уличат. Сперва он отрицал всякие вообще свои сношения с эмиграцией. Затем, вынужденный показаниями Розанова и Печаткина признать факт этих сношений, он сделал это в такой форме, которая представлялась ему наиболее для него безопасной. Поручение к Элпидину, данное ему из Петербурга, и свои революционные проекты он продолжал категорически отрицать, в твердой уверенности, что в руках следователей нет таких средств,

которые помогли бы им уличить его во лжи. Вот почему бросающаяся в глаза неправдоподобность его рассказа о том, что будто бы та записка и та рукопись, которые он передал Элпидину, были получены им от Николадзе, его заботила очень мало.

Надо отдать справедливость Бочкареву и его твердому поведению на следствии. В эпоху 60-х годов, когда обычно большинство арестованных по политическим делам спешило рассказать своим следователям все, что им было известно по делу, — а иногда и больше этого, — твердость, проявленная Бочкаревым, была исключительной и свидетельствовала о его большом гражданском мужестве и силе воли.

Если учесть это обстоятельство, то история с обыском, произведенным у Бочкарева эмигрантами, становится особенно пикантной. Пикантность ее увеличивается еще во много раз, если мы прибавим, что Бочкарева обыскивали два будущих ренегата — Н. Утин *) и Розанов, — один человек, не сделавшийся ренегатом лишь потому, что ему не было дано разрешение на возвращение в Россию (Жеманов **) и будущий агент департамента полиции (Элпидин) ***).

В ряде пунктов между показаниями Бочкарева и «Историей» Элпидина обнаруживается резкое расхождение, остав-

---

*) Утин в 1877 году получил разрешение на возвращение в Россию по хлопотам известного в то время железнодорожного дельца Полякова, на службу к которому поступил Утин.

**) Еще до судебного приговора по своему делу Жеманов 8 декабря 1863 г. писал царю: «Ваше величество. Не выделяя себя из среды проникнутого патриотизмом и глубокой преданностью к вам русского народа, я гнушаюсь мысли, что Россия должна итти к реформам кровавым путем. Мысль эта преступна и всегда возбуждала во мне отвращение. Вы, государь, дали столько отрадных доказательств великой отеческой любви к русскому народу и явили столько неусыпной заботливости о благе своих подданных, что Россия с крепкою верою и безграничною преданностью ожидает блестящего будущего от просвещенного и гуманного управления ею любимым народом монархом... Забудьте, государь, мое заблуждение, забудьте все, что может запятнать мои искренние чувства к вам»... (А. И. Герцен. Пол. собр. соч., XVI, стр. 365). В октябре 1867 г. из-за границы Жеманов обратился к царю с всеподданнейшим прошением о помиловании и о разрешении вернуться в Россию, уверяя в своем раскаянии и верноподданнической преданности царю. «Верьте, государь, — писал он, — чистосердечности этих неподдельных чувств, ибо они имеют своим основанием глубочайшую и вечную признательность к освободителю

шееся неразрешенным тем материалом, который был собран при следствии. Возникает вопрос, кто же был прав, Элпидин или Бочкарев, кому мы должны более верить? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос не должен вызывать особых сомнений. «История» Элпидина—источник, заслуживающий гораздо большего доверия, чем показания Бочкарева. Элпидин писал для своих политических друзей. Ему не было надобности ни скрывать что-либо, ни преувеличивать. Бочкарев же находился в состоянии самообороны: он знал, что каждое неосторожное или лишнее слово может самым тяжелым образом отразиться на его судьбе. Вот почему ему необходимо было изворачиваться и скрывать от следователей действительность. Этого одного было бы достаточно, чтобы признать рассказ Элпидина заслуживающим более доверия, чем показания Бочкарева. Но этого мало. В ряде пунктов рассказ Элпидина полностью совпадает с показаниями Розанова. Кроме того, имеется еще один источник, подтверждающий рассказ Элпидина; о нем нам придется говорить ниже.

Вот почему мы считаем установленным, что знакомство Бочкарева с Элпидиным и с эмиграцией вообще вовсе не было таким случайным, как старался показать первый из них. Несомненно, что Бочкарев явился к Элпидину с поручением от какой-то организации или группы, существовав-

---

20 миллионов крепостных, из числа которых я первый вполне воспользовался благодеяниями этого величайшего исторического факта, давшего мне возможность в тот же достопамятный 1861 г. поступить в императорский Казанский университет». На этом прошении начальником III отделения была положена резолюция: «Повременить». (Дело III отделения, 1 эксп. 1863 г. № 23, ч. 85, л л. 499—500).

***) Элпидин был завербован в агенты знаменитым Рачковским в 1885 г. и прослужил до 1900 г., когда был уволен за ненадобностью. Действительно, в это время Элпидин не мог быть ничем полезным департаменту полиции, потому что эмигранты смотрели на него, как на человека полупомешанного, и не знакомили его со своими делами. М. Висконти в своих воспоминаниях о членах группы «Освобождение Труда» так характеризует Элпидина, упоминая о нем попутно: «Отошедший совсем от эмиграции, но все же преданный делу революции, немного маньяк, видевший чуть ли не в каждом приезжем шпиона русского правительства». (Сборник «Группа Освобождение Труда», № 2, ГИЗ. М. 1927 г., стр. 151). К этому месту воспоминаний Висконти Л. Г. Дейч сделал следующее примечание: «Как мне передавал Г. В. Плеханов, впоследствии Элпидин сам стал тайным полицейским агентом: он выдавал русских эмигрантов, в том числе и меня и Г. В.».

шей в то время в Петербурге. Он имел при себе записки, адресованные Элпидину и Утину. Почерк, которым была написана записка, переданная им Элпидину, был знаком последнему. Кроме того, Бочкарев привез Элпидину рукопись перевода из Консидерана для издания. Во время же последней своей заграничной поездки Бочкарев вручил Элпидину 40 р., привезенные для него из Петербурга. В разговорах с Элпидиным Бочкарев, увлекавшийся, как нам известно, славянским вопросом, говорил о необходимости связать движение славян с русским революционным движением и просил познакомить его с кем-нибудь из членов Европейского Революционного Комитета. Относительно организации, давшей ему поручение к эмигрантам, Бочкарев говорил, что она стремится произвести в России государственный переворот в целях осуществления социальной республики, готова воспользоваться для этого всеми возможными средствами и только ждет благоприятного случая, чтобы перейти от слов к делу. Необходимость предварительной пропаганды в народе Бочкарев отрицал. Вместе с этим он развивал план изготовления фальшивых кредитных билетов, указывая, что это средство, с одной стороны, приведет русское правительство к банкротству, а с другой,—даст революционерам материальные средства, необходимые для их деятельности. В частности, Бочкарев упоминал о покупке в Америке мониторов, которые могли бы быть использованы в революционных целях. В виду недостаточно конспиративного поведения Бочкарева и болезненной подозрительности Элпидина, которому всюду чудились царские шпионы *), Элпидин заподозрил в Бочкареве агента III отделения.

*) Жандармский историк кн. Н. Голицын в своей «Истории социально-революционного движения в России» (Гл. X) говорит не без иронии об Элпидине: «С особенным прилежанием занимался он выслеживанием русских агентов, которых в то время эмиграция подозревала чуть ли не в каждом лице, не принадлежащем к ее кругу, но сам он долго состоял, отнюдь того не подозревая, в самых откровенных отношениях к одному из агентов». О той же особенности Элпидина говорит в своих воспоминаниях и Л. Тихомиров. «Это был человек, помешанный на шпионах,—рассказывает он,—они ему вечно мерещились. Это нельзя назвать манией преследования, потому что он их вовсе не боялся, а только очень любил разыскивать». И далее Тихомиров приводит несколько примеров подозрительности Элпидина. «Идет, например, человек по улице. Элпидин шепчет своему

Вследствие этого, эмигранты произвели у Бочкарева обыск, не давший никаких данных, которые подтвердили бы их подозрение. При обыске у Бочкарева были отобраны его фотографический портрет и деньги для того, чтобы опубликовать его в качестве шпиона, если он в определенный срок не представит доказательств, реабилитирующих его *). В видах своей реабилитации Бочкарев обязался доставить рекомендацию от Печаткина и еще от какого-то лица. Приехав вновь за границу, он привез рекомендацию только от Печаткина, которая, однако, не имела в глазах эмигрантов особого значения в виду того, что Утин, которому она была адресована, не знал почерка Печаткина. Элпидин во время обыска, произведенного у Бочкарева, обещал со своей стороны навести справки о Бочкареве в России. Однако, получение ответа оттуда почему-то замедлилось. Второе из

спутнику: «Смотрите — шпион». — Почему вы знаете?» — «А зачем на нем калоши?». Но калоши могут служить довольно верным указанием лишь на то, что этот человек приехал из России. Ни французы, ни швейцарцы калош, можно сказать, никогда не надевают. Но профессия шпионства тут решительно не при чем». («Неизданные записки Л. Тихомирова». «Красный Архив», 1928 г., т. 29, стр. 146—147). Необходимо добавить, что подозрения в шпионстве, не имеющие никаких оснований, в 60-е годы были обычным явлением в революционной среде; достаточно вспомнить, что подобные подозрения тяготели над такими людьми, как Артур Бенни, Лев Самарин и даже А. А. Черкесов. Обыск, произведенный у Бочкарева, также не был единичным явлением. Такой же и столь же неосновательный обыск эмигранты произвели у известного геолога В. О. Ковалевского.

*) Считаем нелишним привести одно сообщение об обыске у Бочкарева, появившееся в печати в 1873 г. Участник месковского студенческого движения 1861 г., в 1863 г. бежавший из ссылки за границу, а в 1872 г. выхлопотавший себе разрешение на возвращение в Россию, Е. К. Гижицкий в статье «Русские эмигранты», помещенной в № 12—14 «Московских Ведомостей» за 1873 г., рассказывал о том, что несколько лет тому назад в Женеву приехал некто Z. с рекомедациями к тамошним эмигрантам, но он очень скоро отвернулся от них и прежде всего от Утина и К°. За это Z. был провозглашен шпионом, но не обращал на это внимания. Тогда с Z. выкинули курьезную штуку: «Узнав, что Z. болен, Утин ворвался к нему в сопровождении своих сеидов, вооруженных револьверами. Z. потерял голову и, испугавшись устремленных на него револьверов, даже не позвал человека. Робость Z. придала еще больше храбрости револьверной компании, которая торжественно об'явила Z., что она пришла произвести у него обыск. Утин взял у Z. все письма, какие только нашлись. В письмах не оказалось ничего подозрительного; напротив ,они доказали только то, что Z. действительно был политический агитатор и имел сношения с людьми, хорошо известными русской эмиграции». Мы считаем лишним исправлять неточности, имеющиеся в этом рассказе; они ясны из вышеизложенного.

воспроизведенных нами выше писем Элпидина к Суфщинскому имело своею задачею как раз выяснение личности Бочкарева и степени его революционной надежности. Из этого письма видно, что, и помимо Суфщинского и Солодовниковой, Элпидин был связан в России с какими-то лицами; это подтверждается упоминанием об его «управляющем», обратиться к которому он советует Суфщинскому.

Все эти факты можно считать установленными собранным во время следствия материалом. Отрицание некоторых из них Бочкаревым не может иметь значения по основаниям, изложенным нами выше.

Таким образом, оказывается, что в 1868 г. русская швейцарская эмиграция не была совершенно оторвана от России, что она поддерживала сношения с какими-то революционными группами или лицами, действующими в пределах России, и что, наконец, некоторые из этих групп сами делали попытки связаться с эмиграцией. Наконец, из совокупности всех данных, собранных следователями по делу Солодовниковой, Бочкарева и др., видно, что в 1867—1868 г.г. в Петербурге существовала не одна, а несколько революционных групп. Если даже не считать тайную кассу взаимопомощи студентов-кавказцев, как организацию, имеющую специальные задания, то все же мы имеем возможность установить наличность в Петербурге того времени двух самостоятельных подпольных организаций. Может быть, точнее и осторожнее было бы сказать не «организаций», а «групп» или «кружков», так как организации эти отличались, по примеру большинства организаций того времени, весьма небольшой организованностью; это были скорее кружки политических единомышленников, ведущих (или, по крайней мере, мечтающих вести) кое-какую работу революционного характера, чем тайные политические общества в точном смысле этого слова. Что таких организаций или групп было две, видно из того, что группа Солодовниковой и Суфщинского, с которой Элпидин поддерживал связь, стояла особняком от той группы, которой Бочкарев был направлен к Элпидину и которую Элпидин в своем письме к Суфщинскому именует: «Вос. и К-⁰».

Кого Элпидин называл своим «управляющим», нам неизвестно. Неизвестно нам и то, кто скрывался под буквой Р., фигурирующей в письме Элпидина. Но некоторые соображения насчет этого Р. мы все-таки позволим себе сделать. Прежде всего надо указать на то, что эту интригующую нас букву можно читать не как русское Р., а как латинское П., т.-е. другими словами, можно предположить, что фамилия лица, скрытого под этим инициалом, начиналась с буквы П. Некоторую опору для такого предположения мы находим в показаниях Бочкарева; по своему обыкновению, он отозвался незнанием того, кто скрывается под этим инициалом. Но характерно, что, давая свои показания, он эту букву считал не за Р., а за П. «Под буквой П. всего ближе разуметь Петербург»,—говорил он. Конечно, это было неверно, так как из письма Элпидина явствовало, что он говорит не о Петербурге (и не о каком-либо городе), а о каком-то человеке. Из этого же письма видно, что Бочкарев знал этого человека, и, если он при таких условиях букву Р. читал как П., то мы можем предположить, что фамилия этого известного и ему, и Элпидину человека начиналась с буквы П., а не Р.

В одном из своих показаний Розанов рассказывал, что однажды Элпидин спросил его, не знает ли он в Петербурге некоего Плаксина, и добавил, что «это дельный парень». Оказалось, по словам Розанова, что он этого Плаксина встречал в камере у мирового судьи, где у Плаксина было какое-то дело. После этого показания III отделение стало разыскивать Плаксина. По наведенным справкам выяснилось, что он выбыл из Петербурга неизвестно куда, что он жил вместе с чиновником казенной палаты, коллежским секретарем Иваном Семеновым, и что у них на квартире часто бывали какие-то собрания, начинавшиеся поздно вечером и кончавшиеся утром. При обыске, произведенном у Семенова, было найдено письмо его, в котором он «кощунствует над святыней» и, между прочим, говорит, что жизнь его сложилась особенно «вследствие верховной деспотической опеки над всеми и всем». Вскоре после этого был задержан и Плаксин.

При допросе в следственной комиссии Тимофей Родионович Плаксин показал, что он Элпидина не знает и в каких-

либо сношениях с эмиграцией не состоит. Из эмигрантов Плаксин знаком только с Николадзе, который был его товарищем по университету. В 1861 г. Плаксин был арестован, в виду участия его в студенческих волнениях. В 1866 г. он подвергся вторичному аресту «после 4 апреля, при графе Муравьеве». Следственная комиссия не имела никаких данных к изобличению Плаксина в сношениях с Элпидиным, кроме показания Розанова, и потому он вскоре после ареста был освобожден.

Мы не можем, конечно, настаивать на том, что под буквой Р. в письме Элпидина скрывался Плаксин; для этого у нас не хватает данных. Но допустить это в виде предположения мы можем. Плаксин через Николадзе мог быть связан с эмиграцией. Недаром же Элпидин рекомендовал его, как дельного человека.

Во всяком случае под буквой Р. мы не можем видеть Ив. Пеньковского, который приехал в Петербург, когда Бочкарев был уже за границей.

После всего вышеизложенного, по нашему мнению, становится ясным, что показания Пеньковского и Солодовниковой о случайности их знакомства и о том, что первый из них обратился ко второй в поисках за работой, ни в какой степени не заслуживают доверия. Вовсе не за работой Фолык-Элпидин направлял Пеньковского к Солодовниковой. Ему нужно было старого друга своего по Казани, с которым он, находясь в Женеве, продолжал поддерживать сношения и который переселился в Петербург, связать со своими петербургскими друзьями. При таких условиях становится понятным, почему в записке Солодовниковой, найденной у Пеньковского, название города, из которого она получила письмо, и ее собственная фамилия были старательно выскоблены *).

Теперь нам остается установить, какая организация посылала Бочкарева за границу. В данном случае нам приходит

---

*) По постановлению следственной комиссии, Солодовникова, освобожденная из-под ареста в октябре 1868 г., была подчинена полицейскому надзору с воспрещением педагогической деятельности; позднее она вышла замуж за Суфщинского. Суфщинский, освобожденный из-под ареста в октябре 1868 г., по постановлению след-

на помощь рассказ Варлаама Черкезова, дважды воспроизведенный в печати известным биографом Бакунина Максом Неттлау, — один раз в статье о связях Бакунина с русским революционным движением 1868—1873 г.г., второй—в некрологе Черкезова.

В первой из этих статей Неттлау рассказывает, что в 1868 г. в Петербурге, при участии Черкезова образовалась большая революционная группа. «Член этой группы Бочкарев,—пишет Неттлау,—отправился в Женеву. Особенно при этом было желательно завязать сношения с Интернационалом. Случайно Бочкарев Бакунина не увидал, но он привез с собою № 1 «Народного Дела», который при посредстве группы нашел себе большое распространение» *).

В некрологе скончавшегося в 1925 г. Черкезова, помещенном в №№ 7—9 французского журнала «Plus loin» за 1925 год, Неттлау вновь вернулся к кружку Черкезова и сообщил некоторые дополнительные данные о нем. Здесь Неттлау рассказывает: «В 1867 г. Черкезов перебрался в Петербург. Это было время изолированности и бездействия. Только в 1868 г. начали понемногу организовываться, налаживая кооперативную столовую, которая привлекала студенческую молодежь. Организуется группа, в которую входит Ткачев, демократ и бланкист, уже тогда имевший революционное прошлое. Эта группа посылает в Швейцарию Бочкарева разведать об эмиграции, где студенты, бежавшие из Казани, были уже за работой. Черкезов послал 50 рублей на издание «Что делать?». Неловкий Бочкарев не встретился с Бакуниным, но привез первый номер его журнала «Народное Дело» (сентябрь 1868 г.), который был проглочен группой, многократно переписан от руки и ходил по публике... Черкезов в это время при помощи Бочкарева вступил в сношения с молодыми сербами Саввой Грунчем (будущий военный

ственной комиссии, за неизобличением ни в чем предосудительном, был от ответственности освобожден; позднее Суфщинский был присяжным поверенным. Пеньковский, по освобождении в октябре 1868 г., был возвращен в Казань под надзор полиции; в начале 80-х годов Пеньковский издавал «Казанский Биржевой Листок».

*) Max Nettlau. Bakunin und die russiche revolutionäre Bewegung in den Iahren 1868—1873. „Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung“ V Band, 1915 г., стр. 376.

министр), Николичем и Светозаром Марковичем... Груич был в Берлине и знал сочинения Лассаля, но все трое, как русских прогрессистов, знали только славянофилов типа Аксакова, которых они в глубине души находили достаточно реакционными. Черкезов открыл им глаза, дал прочесть сочинения Чернышевского, особенно знаменитую критику панславизма («Национальная бестактность» *). Они были в восторге **) и сблизились с кружком, где читали Бакунина. Но вскоре они уехали» ***).

Несмотря на некоторые неточности, имеющиеся в рассказе Неттлау ****), для нас этот рассказ, основанный на сообщениях самого Черкезова, представляет большой интерес. Из него мы видим, что Бочкарев ездил за границу по поручению кружка, членом которого был Черкезов. Это обстоятельство находит себе подтверждение и в архивных документах. Арестованный в январе 1870 г. по нечаевскому делу, Черкезов в своих показаниях упоминал, между прочим, о том, что Бочкарев, отправляясь за границу, взял у него 40 р. для передачи Элпидину на издание сочинений Чернышевского, а из-за границы прислал ему разные революцион-

---

*) Статья, напечатанная в № 7 «Современника» за 1861 г. перепечатана в VIII т. собрания сочинений Чернышевского.

**) Бочкарев мог познакомить Черкезова и его друзей с сербами только до своей поездки за границу, воротясь из которой он привез «Народное Дело», так как через несколько дней по приезде он был арестован. Невероятным нам представляется и то, что лишь от Черкезова сербы узнали о Чернышевском. Мы говорили уже выше о популярности последнего среди радикальной молодежи Сербии того времени. При таких условиях невозможно допустить, чтобы сербы, обучавшиеся в петербургских высших учебных заведениях, не были знакомы с сочинениями Чернышевского.

***) В московских библиотеках журнала «Plus loin» нам найти не удалось. Считаем долгом выразить искреннюю благодарность Б. И. Николаевскому, любезно сообщившему нам выписку из статьи Неттлау.

****) Для нас неясно и не известно, на чем основано утверждение Неттлау, что «неловкий» Бочкарев не встретился с Бакуниным. Из показаний Бочкарева мы знаем, что во время третьей поездки своей за границу он заезжал в Берн на второй конгресс Лиги Мира и Свободы. Бакунин же присутствовал на всех заседаниях этого конгресса. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Т. II. М. 1927 г., стр.: 403—412.

ные издания, как, например, журналы «Народное Дело», «Современность» и др. *).

Теперь для нас становится понятным, что, когда Элпидин в письме к Солодовниковой—Суфщинскому писал: «Бочкарев, возвратившись сюда, привез мне 40 р., будто бы переданных ему Ч—ов и В. для передачи мне», он имел в виду именно Черкезова. Кто же был В.? Нам придется ниже говорить о составе кружка, к которому в 1867—1868 г.г. принадлежал Черкезов, и тогда мы убедимся, что В.—это товарищ Черкезова по каракозовскому процессу Дмитрий Алексеевич Воскресенский. И тогда, когда Элпидин просил Суфщинского: «сообщите мне о торговых делах Вос. и К°», и тогда, когда он в этом же письме выражал сомнение по поводу того, что «В., будто бы, благоволит» к Бочкареву, Элпидин имел в виду того же Воскресенского.

Далее, теперь для нас становится понятным и то, почему Бочкарев, приехав за границу, искал какой-то несуществующий на самом деле «Европейский Революционный Комитет». Из каракозовского дела мы знаем, что Худяков, побывавший за границей и познакомившийся там с деятельностью I Интернационала, рассказывал о нем Ишутину. В передаче же Ишутина Интернационал принял форму конспиративной организации террористического характера, «Европейского Революционного Комитета». Разговоры об этом комитете часто велись в кружке ишутинцев. От него Ишутин и его товарищи надеялись получить средства для выполнения намеченного ими покушения на Александра II **).

И Черкезов, и Воскресенский, и некоторые другие члены того кружка, по поручению которого Бочкарев отправился за границу, принадлежали к московской группе лиц, привлеченных по каракозовскому процессу. Выйдя из тюрьмы, они вспомнили старые разговоры об «Европейском Револю-

---

*) Бочкарев, также привлеченный в связи с этим показанием Черкезова к нечаевскому делу, отрицал сообщенные Черкезовым факты. Но это его отрицание не заслуживает, конечно, веры. Нам известна уже система защиты, которой придерживался Бочкарев во время следствия.

**) Покушение Каракозова. Т. I. Изд. Центрархива. М. 1928 г. Стр.: 27, 52, 55—57, 68, 87, 126, 140—1, 166 и др.

ционном Комитете» и решили при посредстве отправляющегося за границу Бочкарева связаться с этим Комитетом.

Теперь нам остается рассмотреть еще один очень для нас интересный, но трудно разрешимый вопрос: кем была написана та записка, которую Бочкарев привез Элпидину и которая для Бочкарева должна была сыграть роль рекомендательного документа для установления связей с Элпидиным и другими эмигрантами?

Из письма Элпидина к Суфщинскому мы знаем, что почерк, которым была написана эта записка, был знаком Элпидину, но он не признался в этом Бочкареву. Почему же не признался? Потому что у него возникли сомнения относительно того, как могла эта записка попасть в руки Бочкарева.

Записка эта не могла быть написана ни Черкезовым, ни Воскресенским, ни кем-либо другим из членов их кружка, ибо, во-первых, их почерки вряд ли были известны Элпидину, а во-вторых, если бы эта записка была написана ими, то у Элпидина не было бы основания сомневаться в том, какими путями эта записка попала к Бочкареву. Характерно то, что Бочкарев во время последнего посещения им Женевы привез с собою только письмо от Печаткина; письма же от того лица, которым была написана записка, привезенная им в первый раз Элпидину, он не привез, хотя во время обыска и обещал. «Вы обещали доставить рекомендацию, кроме Печаткина, и не доставили»,—сказал, по словам Бочкарева, ему Элпидин.—«Да, еще бы вы потребовали, чтобы я доставил вам рекомендацию с луны, то я и то бы вам обещал в то время», т.-е. во время обыска,—ответил Элпидину Бочкарев. Ясно, что Бочкарев во второй раз не привез с собою записки от интересующего нас лица потому, что не мог достать ее. Это еще одно доказательство того, что автором записки не могли быть ни Черкезов, ни Воскресенский, ни их товарищи по кружку. Если они в последнюю поездку Бочкарева за границу снабдили его деньгами для передачи Элпидину, то, конечно, им ничего не стоило дать ему и рекомендательную записку. Таким образом, мы вновь

приходим к заключению, что записка, привезенная Бочкаревым Элпидину, была написана не ими.

Кем же в таком случае была написана эта записка? Мы полагаем, что на этот вопрос возможен лишь один ответ: автором этой записки был Иван Александрович Худяков. При таком предположении многое, остающееся до сих пор непонятным для нас, делается совершенно ясным.

Во-первых, становится понятным, почему Элпидин мог узнать почерк автора записки. Во время поездки Худякова летом 1865 г. за границу он не только познакомился с Элпидиным, но поручил последнему устроить в Женеве русскую типографию *).

Во-вторых, становятся понятными и подозрения, возникшие у Элпидина, когда он из рук Бочкарева получил записку, писанную Худяковым. Зная судьбу Худякова, Элпидин был поражен при виде его записки, и естественно, у него могли зародиться сомнения в том, не агент ли, подосланный III отделением, доставил ему эту записку.

В-третьих, становится ясным и то, почему Бочкарев не мог доставить второй записки от того же лица: ведь Худяков в это время находился уже «на полюсе холода» — в Верхоянске. Напуганный обыском, Бочкарев мог дать эмигрантам какое угодно обещание только для того, чтобы избавиться от них, но сдержать этого обещания он оказался не в силах. Сделать это ему было также невозможно, как «доставить рекомендацию с луны».

Нам могут возразить, что также невозможно было для Бочкарева получить записку от Худякова и в первый раз: последний и тогда находился уже в том же Верхоянске.

Это возражение было бы чрезвычайно веским, если бы только нам было известно, что интересующая нас записка действительно содержала в себе рекомендацию Бочкарева или вообще была написана применительно к его поездке. Однако, мы этого утверждать не можем, так как содержание записки нам совершенно неизвестно. Она могла и не

---

*) Сведения об этом заимствованы из сообщения покойного Н. Я. Николадзе, любезно сообщенного мне Б. И. Николаевским, которому приношу за это искреннюю благодарность.

иметь никакого отношения к поездке Бочкарева. В руках Черкезова и Воскресенского мог находиться какой-нибудь автограф, оставшийся после их товарища по процессу Худякова. Этот автограф они могли передать Бочкареву в расчете на то, что Элпидин, узнав знакомую руку, убедится, что Бочкарев заслуживает доверия и что он направлен к нему людьми, имевшими близкое отношение к Худякову. Другими словами, эта записка должна была не содержанием своим, а почерком рекомендовать Элпидину Бочкарева, как человека, на которого можно положиться.

Мы знаем, что на деле результат оказался обратным. Тот документ, который должен был возбудить в Элпидине доверие к Бочкареву, послужил толчком к возникновению у первого из них подозрений на счет второго. Элпидин предположил, что записку Худякова, равно как истрепавшуюся от долгого употребления рукопись перевода из Консидерана, Бочкарев получил из III отделения. Вот почему Элпидин, так доверчиво отнесшийся к невзрачному и косноязычному Розанову, начал с напряженной осторожностью приглядываться к Бочкареву и прислушиваться к каждому его слову.

Нам остается ознакомиться с возникновением, составом и деятельностью кружка Воскресенского и Черкезова, но прежде нам надо изучить еще одно дело, о котором до сих пор в нашей литературе имелось лишь краткое упоминание.

IX.

Дело о подготовке покушения на Александра II в Елизаветграде в 1869 году.

В опубликованном покойным В. Я. Богучарским в № 4 «Голоса Минувшего» за 1915 год «Кратком отчете по делам высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии», содержащем в себе обзор деятельности этой комиссии за время девятилетнего ее существования (1862—1871 г.г.), между прочим, упоминается о возникшем в 1869 г. «весьма важном» деле «о намерении злоумышленников сделать подкоп под рельсами Одесской железной дороги с целью взорвать их во время следования царского поезда». Далее отчет добавляет, что этому делу дан ход «в обыкновенном судебном порядке», вследствие чего в комиссии не имеется «обстоятельных сведений» по этому делу (стр. 212).

Однако, если у следственной комиссии не было «обстоятельных» сведений по этому делу, то кое-какими данными о нем она все же располагала. Это видно из имевшегося в производстве комиссии специального дела (дело № 430). Материалы, собранные в нем, а главным образом ряд других данных, которые нам удалось найти, мы имеем в виду использовать ниже.

Поводом к возбуждению дела послужило письмо, полученное 28-го октября 1869 г. елизаветградским полицеймейстером от неизвестного ему лица, подписавшегося Константином Клочь. Автор письма, называвший себя агентом петербургской полиции, писал:

«В вашем городе с недавнего времени поселились два молодые человека, имеющие целью крайне нехорошее дело, а именно: сделать подкоп под рельсы железной дороги и во время проезда государя сделать взрыв, но государь миновал этот путь, и теперь труды и старания этих господ пропали даром, и к ним вчера вечером приезжал из Одессы какой-то господин, советовавший сделать взрыв во время прохода почтового поезда, при чем, как он говорил, можно зарычиться порядочным капиталом».

Далее в письме говорилось, что эти два лица живут, ничем не занимаясь, в доме Потемкиной, повидимому, с фальшивыми паспортами.

По произведенному полицеймейстером расследованию было выяснено, что в доме, указанном в письме, проживали прибывшие в Елизаветград в конце августа 1869 г. без определенной цели и не имевшие определенных занятий два молодых человека, именовавшие себя один — Троицким, а другой — Кунтушевым. Первый из них 28 октября рано утром куда-то скрылся, захватив с собой дорожную сумку и что-то завернутое в белое. Другой из молодых людей — Кунтушев — был арестован. При обыске у него нашли бумаги, исписанные стенографическим шрифтом, и тяжелый молот.

При допросах арестованный Василий Иванович Кунтушев показал, что он — вольноотпущенный из крестьян имения графа Нессельроде в Саратовской губернии. Воспитывался он за счет графа в Саратовской гимназии, но за смертью графа и отсутствием средств не окончил ее, а вышел из 6 класса и в 1865 году вместе со своими товарищами Мирославским и Секавиным *) отправился в Москву с целью поступить в Петровскую академию; однако, привести в исполнение это свое намерение ему по каким-то причинам не удалось. В бытность свою в Москве Кунтушев познакомился с студентом Петровской академии Аполлоном Петровичем Полумордвиновым (привлекавшимся впоследствии по каракозовскому делу и приговоренным Верховным Уголовным Судом за участие в ишутинской организации к восьмимесяч-

---

*) Секавин в 1866 г. привлекался к дознанию по каракозовскому делу.

ному заключению в крепости) *). В Москве Кунтушев пробыл до начала апреля 1866 г., после чего возвратился в Саратов. В конце августа или в начале сентября 1867 г. Кунтушев вместе с бывш. воспитанником казанской гимназии, саратовским мещанином Петром Андреевичем Николаевым **), отправился в Петербург. По прибытии туда Николаев поступил в медико-хирургическую академию, а Кунтушев начал искать себе каких-либо занятий, но поиски его остались безуспешными. Переменив несколько квартир, Николаев и Кунтушев поселились в квартире своего земляка Воскресенского, жившего на Средн. Мещанской улице. В этой же квартире, кроме Воскресенского, проживали князь Черкезов, Щербатов, Сергиевский, Жигмановский и Орфанов. Вскоре (недели через три) все эти лица, за исключением Орфанова, переехали на другую квартиру по 7 линии Васильевского острова, где к ним присоединились студенты Катин-Ярцев, Волков и Росницкий.

Прервем на время изложение показаний Кунтушева, чтобы познакомиться с перечисленными им лицами. Четверо из них привлекались по каракозовскому делу.

Дмитрий Алексеевич Воскресенский, Алексей Егорович Сергиевский и кн. Варлаам Джон Асланович Черкезов, бывшие в 1866 г. студентами Петровской академии, принимали участие в ишутинском кружке, не играя, однако, в нем видной роли. Верховным Уголовным Судом каждый из них был приговорен к 8 месяцам заключения в крепости.

Михаил Иванович Орфанов (1848—1884 г.г.), сын статского советника, уроженец Ставропольской губернии, впоследствии беллетрист, писавший под псевдонимом «Мишла», и сотрудник «Русской Мысли» и «Русских Ведомостей», в 1866 г., в связи с каракозовским делом, был отдан под

---

*) Позднее следствие выяснило, что в бытность свою в Москве Кунтушев познакомился также и с членами ишутинского кружка Сергиевским и Борисовым (о них см. ниже).

**) Вероятно, этот мещанин Николаев был тем самым саратовским мещанином Николаевым (также бывшим гимназистом), который в 1864 г. был отдан под полицейский надзор за участие совместно с А. Х. Христофоровым в организации в Саратове рабочих артелей. См. статью В. Сушицкого. «Из истории революционной деятельности А. Х. Христофорова в Саратове» в № 6 «Каторга и Ссылка» за 1924 г. Позднее П. А. Николаев был врачом в Саратове.

строгий надзор полиции. Переселившись в 1867 г. в Петербург, Орфанов, по сведениям петербургского обер-полицей-мейстера, «занятий никаких не имел и предавался пьянству».

Другие из лиц, живших на квартире Воскресенского, известны по своему последующему участию в революционном движении.

Так, Евграф Дмитриевич Жигмановский, сын священника, уроженец Новочеркасска, по окончании саратовской семинарии поступивший в петербургский университет, был исключен из него в марте 1869 г., как участник происходивших в то время студенческих волнений, и выслан на родину.

В этих волнениях принимал участие и также подвергся высылке на родину другой из жильцов квартиры Воскресенского — саратовский уроженец, студент медико-хирургической академии Николай Никитич Катин-Ярцев.

Студент той же академии Дмитрий Волков во время студенческих волнений в марте 1869 г. подвергся аресту; позднее же, в ноябре того же года, в связи с нечаевским делом у него был произведен обыск, вызванный тем, что он был в близких отношениях с некоторыми лицами, привлеченными по названному делу.

Об участии в революционном движении остальных лиц, названных Кунтушевым, — студента Росницкого и сына вольно-отпущенного Федора Михайловича Щербатова—нам ничего неизвестно.

Однако, вернемся к показаниям Кунтушева. По его словам, на квартире Воскресенского происходили собрания, на которых присутствовало много молодых людей и девушек, «стриженных в кружок» (что — добавим мы от себя — в то время считалось явным признаком «нигилизма»). Во время этих собраний читались сочинения Н. Г. Чернышевского, и происходили разговоры о покушении 4 апреля 1866 г.: «одни ругали Каракозова, другие находили в его поступке ту пользу, что молодежь, вместо того, чтобы заботиться только о собственной пользе, стала выставлять на первый план пользу общества».

Из участников собраний, происходивших у Воскресенского, Кунтушев назвал офицера Бобарыкова и его жену,

о которой мы упоминали выше в связи с письмом к ней Н. Вормса. Петербургский обер-полицеймейстер в своем сообщении в следственную комиссию указал, как на посетителей этих собраний, на Козловскую, Засулич и Колачевскую. Все эти лица впоследствии в той или иной мере имели отношение к нечаевскому делу.

Смоленская мещанка Евдокия Захаровна Козловская в 1868—1869 г.г. содержала по 3 линии Васильевского острова кухмистерскую, в которой происходили собрания радикальной молодежи *).

Дочь капитана Екатерина Ивановна Засулич, сестра Веры Ивановны, впоследствии вышедшая замуж за нечаевца Л. П. Никифорова, 2 апреля 1869 г., в виду имевшихся в III отделении сведений, что на ее квартире собираются молодые люди и рассуждают о том, как бы «избавиться от государя», была арестована и просидела в заключении по июнь 1870 г., когда была выпущена на свободу с учреждением над ней полицейского надзора.

Дочь статского советника Анна Николаевна Колачевская по прикосновенности ее к каракозовскому делу находилась под надзором полиции до октября 1867 г. В июле 1869 г. за нею вновь был учрежден надзор в связи с ее близкими отношениями к некоторым из участников нечаевского дела. В 1871—-1873 г.г. Колачевская жила в Швейцарии и, по сведениям III отделения, вела себя «как в нравственном, так и в политическом отношении крайне предосудительно» **).

Супруги Бобарыковы подверглись аресту по нечаевскому делу. Хотя муж, поручик артиллерии Иван Иванович Бобарыков, был освобожден до суда, а его жена, Юлия Валентиновна Бобарыкова, оправдана судом, однако, данные, которыми мы располагаем, говорят за то, что супруги Бобарыковы имели непосредственное отношение к нечаевскому делу. Во

---

*) Несомненно, что эта кухмистерская была той кооперативной столовой, о которой упоминает Неттлау в своей выше названной статье. В подтверждение этого предположения говорит то обстоятельство, что, по полицейским сведениям, кухмистерскую Козловской посещали те самые лица, которые отмечены нами выше как соквартиранты Воскресенского и его посетители.

**) Дело III отдел., 3 экспед., 1869 г. № 112, ч. IV, л. 138.

время студенческих волнений 1869 г. на их квартире происходили сходки студентов. Скрывшийся из Москвы в Петербург после убийства Иванова Нечаев посетил Бобарыковых; бывали у них и другие нечаевцы и на их квартире производили вербовку членов «Народной Расправы» *).

Мы для того так подробно остановились на всех лицах, живших на квартире Воскресенского и посещавших ее, чтобы обрисовать круг людей, в который попал Кунтушев по приезде своем в Петербург. За малыми исключениями, это были или бывшие каракозовцы, или будущие нечаевцы.

Воскресенский, — продолжал показывать Кунтушев, — располагал значительными денежными средствами; откуда он их получал, Кунтушев не знает, но предполагает, что их доставлял брат упомянутой А. Н. Колачевской, Андрей Николаевич Колачевский, также, как известно, причастный и к каракозовскому, и к нечаевскому делу.

Кружок Воскресенского, по словам Кунтушева, подготавливал освобождение находящегося в Сибири Чернышевского. Об этом было известно всем жившим у Воскресенского, кроме Щербакова; знал об этом и Колачевский. В феврале или марте 1868 г. Воскресенский отправил Кунтушева и Катин-Ярцева в Рязань, дав им 40 рублей с тем, чтобы они дожидались там 1.000 рублей, которые Воскресенский обещал им прислать и которые они должны были, пробравшись в Сибирь, передать Чернышевскому. Однако, Воскресенский не исполнил своего обещания. Вместо 1.000 рублей он прислал только 10, обещая позднее прислать еще денег. Тогда Катин-Ярцев поехал в Петербург, чтобы поговорить о деле, а Кунтушев остался и через несколько дней получил еще 9 рублей. После этого Кунтушев, написав Катин-Ярцеву, что прекращает с ним всякие сношения, уехал в Москву, а оттуда «убитый неудачами, отправился пешком в Киев посмотреть Киево-Печерскую лавру и помолиться». Из Киева Кунтушев прошел на Переяславль и Пирятин. В Пирятине он был арестован за бесписьменность. До собрания справок о его личности Кунтушев просидел полтора месяца в Пирятинской

---

*) Отметим, что при аресте Ю. Бобарыковой у ней были отобраны письма Катин-Ярцева, в коих упоминалось о Кунтушеве.

тюрьме, а после этого был препровожден по этапу на родину, в Саратов. Здесь он вновь встретился с Катин-Ярцевым, который, как мы упоминали выше, был выслан в Саратов за участие в студенческих волнениях, и поселился на его квартире. Катин-Ярцева часто посещали высланные в Саратов за участие в тех же волнениях петербургские студенты Иван Горизонтов, Яков Робустов, Иван Троицкий и братья Анатолий и Леонид Сафоновы. Почти ежедневно бывал у него бывший студент казанского университета Михаил Петрович Троицкий, которому предстояло вместе с Кунтушевым играть главную роль в елизаветградском деле и который, как сказано выше, успел своевременно скрыться из Елизаветграда. По словам Кунтушева, в разговорах молодежи, собиравшейся у Катин-Ярцева, «выражалось неудовольствие против монархического образа правления, но определенных предположений об изменении существующего порядка вещей они не делали» *).

Однажды, — это было в июле 1869 г. — М. П. Троицкий пришел к Катин-Ярцеву в сопровождении приехавшего в Саратов из Одессы Феофана Алексеевича Борисова **), после чего Борисов до от'езда своего из Саратова ежедневно посещал Катин-Ярцева. Этот Борисов, выходец из государственных крестьян, в 1866 г. был приговорен Верховным Уголовным Судом за принадлежность к ишутинской организации к 8-ми месяцам заключения в крепости. По отбытии наложенного на него наказания Борисов уехал в Херсонскую губернию и поселился в имении помещицы Соколовской в качестве учителя ее детей. Вслед за этим он переехал в Одессу, где в то время проживал упоминавшийся выше каракозовец Алексей Сергиевский, а в октябре 1868 г., когда Борисов жил еще в имении Соколовской, его навестил приехавший из Петербурга Воскресенский. Таким образом, связь

---

*) Позднее Кунтушев добавил, что Катин-Ярцев развивал мысль об организации ограбления почт в целях приобретения средств на революционные дела.

**) Борисов был товарищем Троицкого и Катин-Ярцева по саратовской гимназии. С Кунтушевым, как мы уже знаем, он познакомился еще в 1866 г. в Москве.

Борисова с петербургским кружком Воскресенского представляется несомненной.

Зачем Борисов приезжал в Саратов — неизвестно, но известно, что Кунтушев и М. П. Троицкий 9 или 10 августа 1869 г. отправились в Одессу. Борисов выехал из Саратова отдельно от них, но присоединился к ним в дороге. Показания Кунтушева относительно цели этой поездки были весьма противоречивыми: то он об'яснял эту поездку желанием его и Троицкого поступить в одесский университет, то говорил, что они намеревались при содействии Борисова поступить в услужение к помещице Соколовской и ограбить ее, а в случае надобности и убить, для чего и был припасен молот, найденный у Кунтушева при обыске.

В Одессе Кунтушев и Троицкий пробыли два или три дня, а вслед за тем переехали в Елизаветград, куда прибыли 29 августа. Относительно цели своей поездки в Елизаветград Кунтушев дал об'яснение, натянутость которого бросается в глаза. Переезд в Елизаветград он об'яснял тем, что там жить дешевле.

По данным, собранным при дальнейшем расследовании дела, выяснилось, что будто бы Троицкий вел в Елизаветграде «самую нетрезвую и безнравственную жизнь в сообществе с молодыми евреями», в разговорах с ними он часто упоминал о Каракозове, а когда выяснилось, что предполагавшийся проезд царя через Елизаветград не состоится, говорил, что после 4 апреля царь опасается ездить по заранее составленным маршрутам. Троицкий располагал в Елизаветграде довольно значительными средствами, которыми снабжал его Борисов.

Квартирная хозяйка Кунтушева и Троицкого в Елизаветграде показала, что у них был небольшой, туго набитый и тяжелый чемодан, который, однако, при обыске найден не был. Кунтушев упорно отрицал существование этого чемодана, но прислуга гостиницы, в которой Кунтушев и Троицкий останавливались в Одессе, подтвердила, что такой чемодан у них был.

Не менее упорно Кунтушев стоял на том, что ему неизвестно, куда скрылся Троицкий; между тем, следствие уста-

новило, что в день исчезновения Троицкого они с Кунтушевым вышли из дома вместе.

При обыске, произведенном в Одессе, у Борисова было найдено более чем на пять тысяч рублей билетов Херсонского земского банка. Борисов об'яснил, что ему принадлежит только часть этих билетов, всего на 600 рублей, а остальные составляют собственность проживавшего на одной квартире с Борисовым учителя Ришельевской гимназии Короваева *). Однако, Короваев решительно отказался от этих денег, заявив, что они ему не принадлежат, и откуда их достал Борисов, ему неизвестно. После этого Борисов заявил, что он отказывается дать какое-либо об'яснение относительно происхождения найденных у него денег.

11 декабря 1869 г. М. П. Троицкий был задержан в Керчи. Первоначально он отрицал свое совместное с Кунтушевым прибытие в Одессу, утверждая, что приехал туда один из Петербурга и уже в Одессе встретился с Кунтушевым. Вслед за тем он изменил свои показания и, признавая справедливость сказанного Кунтушевым относительно их пребывания в Саратове, заявил, что, не имея никаких средств к существованию и желая добиться материального обеспечения, он охотно согласился на предложение прежнего знакомого своего по Казанскому университету, эмигранта Элпидина, который в письме, полученном им, Троицким, в июле месяце в Саратове, предлагал последнему или приискать где-нибудь на юге России место для склада запрещенных книг, или приехать к нему в Женеву и работать в типографии. Вследствие этого Троицкий вознамерился отправиться за границу к Элпидину и для этого выехал из Саратова, пригласив с собою Кунтушева, как человека, по его мнению, годного для распродажи запрещенных книг, а местом для склада таковых думал избрать Елизаветград. Говорил также об этом Борисову, но тот не согласился участвовать, хотя и заявил,

---

*) Короваев, Николай, в бытность его в 1862 г. учителем с Саратовской гимназии, своим образом мыслей и вредным влиянием на учеников гимназии возбудил в них противодействие распоряжениям начальства, за что был переведен сперва в Самару, а затем в Одессу в Ришельевскую гимназию. Справка III отделения. Дело 3 эксп, 1869 г. № 115, ч. 11, л. 201.

что этот отказ не должен прерывать их сношений и что он всегда готов помочь ему. Таким образом, они прибыли в Одессу, а затем он и Кунтушев отправились вскоре в Елизаветград. Отсюда он послал Элпидину 75 рублей сер. и получил от него в ответ на это письмо, потом еще письма два, в которых Элпидин, как показалось Троицкому, стал относиться к плану продажи книг с недоверием и спрашивал, при каких условиях и где именно будет производиться эта продажа. Поэтому Троицкий бросил совсем эту мысль и, так как и Кунтушев в это время предполагал заняться чем-нибудь другим, то, оставив его в Елизаветграде, Троицкий отправился сначала в Николаев, потом в Керчь с тем, чтобы найти себе место где-нибудь на корабле и уехать за границу.

На вопрос о том, не предполагали ли они, Кунтушев и Троицкий, взорвать полотно железной дороги, оба они отвечали отрицанием и заявили, что никогда ничего подобного в голову им не приходило. Троицкий добавил, что даже в предполагавшемся им распространении запрещенных сочинений он «имел в виду устранить всякие революционные издания и продавать лишь социальные сочинения: Луи-Блана, Прудона, Добролюбова и др.».

Вышеизложенные об'яснения Троицкого подтвердил вслед за ним и Кунтушев, заявивший, что рассказ его о намерении ограбить Соколовскую был им вымышлен для сокрытия настоящей цели поездки в Одессу; при этом Кунтушев прибавил, что Элпидин в одном из писем уведомлял Троицкого, что он скоро вышлет в Россию доверенное лицо, которое на границе переговорило бы с контрабандистами о том, как удобнее присылать в Россию книги, но что этого лица они не дождались.

Борисов также подтвердил, что цель поездки Троицкого на юг была завести сношения с русскими эмигрантами, именно с Элпидиным, «относительно распространения в России социальных сочинений для образования артелей», но что он, Борисов, никакого участия в этом не хотел принимать.

Кроме вышеизложенного, следствием было установлено, что никакого агента ни петербургской полиции, ни III отделения в Елизаветград посылаемо не было, а также что ни

Кунтушев, ни Троицкий не нанимали нигде никакого помещения под какую-либо торговлю. Наконец, по произведенному сличению почерка Троицкого с почерком, коим написано письмо, полученное елизаветградским полицеймейстером, эксперты признали, что оба эти почерка имеют между собою сходство.

Суммируя все эти данные, следственная власть нашла:

1) «что то тяжкое обвинение, в котором первоначально заподозрены были Троицкий, Кунтушев и Борисов на основании письма к елизаветградскому полицеймейстеру, впоследствии не подтвердилось ни одним фактом и было скорее плодом вымысла, чем действительным злоумышлением»,

2) «что Троицкий, Кунтушев и Борисов, действительно, отправляясь из Саратова на юг, имели намерение завязать сношения с женевскими эмигрантами относительно ввоза в Россию и затем распространения запрещенных сочинений, но это намерение их не успело осуществиться и осталось лишь голым умыслом»,

3) «что, таким образом, Троицкий и Кунтушев решились предпринять что-нибудь другое, и из них Троицкий, как более ответственное, по его мнению, лицо перед Элпидиным за бездействие в предполагаемом преступлении, задумав создать ложную причину необходимости будто бы побега своего из Елизаветграда от преследования полиции, написал сам вышеприведенное подложное письмо к полицеймейстеру, указав на несуществующее злоумышление».

На основании этих соображений было решено, «за отсутствием в деяниях Борисова, Кунтушева и Троицкого признаков какого-либо преступления, преследуемого уголовным законом», следствие об этих лицах прекратить *).

Надо сказать, что предположение следственных властей относительно того, что автором письма, полученного елизаветградским полицеймейстером, был Троицкий, предста-

*) Это однако не помешало властям расправиться с участниками елизаветградского дела в административном порядке. В мае 1871 г. после освобождения из под ареста они были высланы под надзор полиции в Кострому, а оттуда переведены: Борисов — в г. Ветлугу, Кунтушев — в г. Чухлому, а Троицкий — сперва в Пензу, а затем в Саратов. Полицейский надзор был снят: с Борисова в 1873 г., а с Кунтушева в 1874 г.

вляется нам недостаточно обоснованным и мало вероятным. Заключение экспертов относительно почерков Троицкого и автора письма не имело, насколько можно судить по данным, бывшим в нашем распоряжении, категорического характера и сводилось к признанию между ними лишь *некоторого сходства*. С другой стороны, предположение, что Троицкий донес на самого себя в целях реабилитации своей бездеятельности в глазах Элпидина, кажется нам недостаточно вероятным, потому что Троицкому не было надобности оправдываться в чем-либо перед Элпидиным *). По словам самого Троицкого, его бездеятельность была обусловлена в первую очередь недоверием со стороны Элпидина к самому плану организации продажи его изданий в России. Наконец, если бы даже, действительно, Троицкий чувствовал потребность в самооправдании, он мог придумать для этого ряд других способов, менее для него рискованных, чем обвинение самого себя в злоумышлении против «священной особы» императора. Не мог же он не понимать, что такое обвинение грозит ему неприятностями, гораздо большими, чем те неприятности, которые могли произойти для него от недовольства со стороны Элпидина его бездеятельностью.

Считая, таким образом, это соображение следственных властей не оправданным обстоятельствами, установленными следствием **), мы находим нужным в целях выяснения дела вернуться к кружку Воскресенского и познакомиться с ним ближе ***).

---

*) Перед бегством своим из Елизаветграда Троицкий решил уехать за границу и послал Кунтушева в Одессу к Борисову с просьбой достать заграничный паспорт. Однако, Борисов отказался сделать это. Вряд ли Троицкий решился бы ехать за границу, если бы чувствовал себя виноватым перед Элпидиным.

**) Что данные, собранные следователями, не вполне раз'ясняют дело, сознавало и III отделение. В 1873 г. Борисов обратился с просьбой о разрешении ему переехать из Ветлуги, где он находился в ссылке, на родину, в Саратовскую губернию. На его прошении помощник главного начальника III отделения граф Левашов положил резолюцию: «Не согласен, пока Борисов не об'яснит источник найденных у него денег и вообще нераз'ясненные пункты дознания». Во исполнение этой резолюции Борисову был предложен ряд «вопросных пунктов», на которые он дал весьма уклончивые и малоправдоподобные ответы. Приезд Воскресенского в имение Соколовской он об'яснил желанием его «порыскать по свету». Свою же поездку в Саратов — намерением там поселиться. Высылку денег Троицкому и Кун-

X.

Тайная организация „Сморгонская академия“.

Рассказ Кунтушева о кружке, существовавшем в Петербурге в 1867—1868 г.г., относится, несомненно, к тому самому кружку, по поручению которого Бочкарев ездил за границу. Для нас показания Кунтушева представляют ценность как потому, что к именам двух известных нам ранее членов этого

тушеву поставил в связь с тем, что будто бы у Троицкого украли 100 рублей. На вопрос, откуда он достал найденные у него при обыске 5 тыс. руб., Борисов, как и прежде, отвечать отказался. «Я могу только сказать, что мой способ приобретения, — говорил он, — не есть незаконный, не противоречит обыкновенному уровню нравственности в нашем обществе и не имеет никакой даже самой отдаленной связи с политическими тенденциями». На вопрос о том, не входило ли в планы Троицкого и Кунтушева цареубийство, Борисов ответил: «Полагаю, что такого намерения у Троицкого и Кунтушева не было, и во всяком случае касательно такого страшного дела они мне ничего никогда не говорили». Только одно новое признание удалось получить от Борисова; это то, что он не только знал о сношениях Троицкого с Элпидиным, но и согласился помогать Троицкому в распространении Элпидинских изданий. «В Саратове, — показал Борисов, — я встретил Троицкого, который предложил мне способствовать ему в вышеозначенной цели распространения книг. По чистой совести говоря, в то время я, хотя и не придавал этому делу особой важности, считал его нелишенным некоторой полезности и, вероятно, в случае нужды не отказался бы оказать некоторую помощь, но так как у самого Троицкого не было составлено (или он не высказывался) особенного плана насчет перевозки, добывания, способов распространения и пр. книг, то я пока оставался не при чем». (Дело III отделения, 3 эксп., 1871 г. № 79, ч. 2-я, л. 57. О высылке под надзор полиции лиц, прикосновенных к делу о государственном преступлении и освобожденных от суда).

***) Считаем нужным оговориться, что, называя этот кружок кружком Воскресенского, мы отнюдь не приписываем Воскресенскому какой-либо руководящей роли в кружке.

кружка (Черкезова и Воскресенского) дают возможность добавить ряд новых, так и потому, что до некоторой степени они знакомят нас с деятельностью кружка и с теми задачами, какие он себе ставил. Нет, однако, сомнений в том, что и Кунтушев перечислил далеко не всех членов этого кружка. Другие источники дают нам возможность установить еще несколько его членов.

Неттлау в своих статьях, указанных нами выше, со слов Черкезова сообщает, что к тому же кружку принадлежали П. Н. Ткачев и братья Евлампий и Иван Аметистовы. Привлекавшаяся по нечаевскому делу Любовь Егоровна Коведяева, по фиктивному замужеству Воронцова, при допросе призналась в принадлежности к обществу «сморгонцев», т. е. к тому же кружку Воскресенского, который, как мы сейчас убедимся, носил название «Сморгонской академии» *).

Наконец, как правильно указал Б. И. Николаевский **), об этом же кружке упоминает в своих воспоминаниях и Лазарь Гольденберг.

«В 1868 г., — рассказывает Гольденберг, — я был приглашен на нелегальное собрание в школе Михайлова (Шелера), где привлекавшийся по каракозовскому делу Воскресенский, стоя у калитки, указывал, куда надо итти. В этот вечер читал доклад Писарев, а затем некий Крылов (возможно, что это был псевдоним) довольно хорошо читал свой собственный слабый рассказ, описывавший несчастное положение России того времени и беспощадно критиковавший учреждения страны и ее властителей***). Здесь я познакомился с некоторыми бывшими каракозовцами, с несколькими молодыми писателями и с принадлежавшими к их кружку женщинами, пригласившими меня на свою главную квартиру. Собрания происходили у них раз или два в месяц; члены

---

*) Это та самая Коведяева, трогательное письмо которой об освобождении Чернышевского опубликовано Ю. М. Стекловым в № 4 «Красной Нови» за 1927 г., стр. 150.

**) См. его некролог Черкезова в № 4 «Каторги и Ссылки» за 1926 г., стр. 224.

***) На студенческих сходках конца 1868 и начала 1869 г. под фамилией Крылова выступал нечаевец Орлов; однако, несомненно, что рассказ Гольденберга относится не к Орлову, а к какому-то другому лицу.

кружка жили коммуной, зарабатывали средства к жизни писательством или уроками и принимали участие в революционном движении. Они имели тайных представителей в высших учебных заведениях Петербурга и других городов. Кличка этого кружка была «Сморгонская академия». Насколько я помню, Нечаев был в этой «академии», равно как и его товарищ Орлов» *).

Статьями Неттлау и воспоминаниями Гольденберга исчерпываются те сведения о кружке Воскресенского, которые имеются в литературе. Собранные нами архивные материалы, к изучению которых мы теперь переходим, дополняют эти сведения рядом интересных деталей относительно деятельности этого кружка, хотя, к сожалению, и они не дают достаточно полного освещения его истории. Дело в том, что о существовании этого кружка ни III отделение, ни иные органы власти и не подозревали. Только после прекращения деятельности этого кружка, — при производстве елизаветградского дела, с одной стороны, и дела о собраниях студентов Земледельческого института в Петербурге в 1870 г. — власти получили первые сведения о «Сморгонской академии». Однако, привлекавшиеся по этим делам лица давали ответы весьма уклончивые и недостаточно определенные, вследствие чего вопрос о кружке Воскресенского остался далеко неразъясненным.

С данными, собранными при производстве елизаветградского дела, мы познакомились выше, когда излагали показания Кунтушева. Теперь же мы приведем сведения, добытые по делу о собраниях в Земледельческом институте.

По агентурным данным, изложенным в записке III отделения от 26 октября 1870 г., Воскресенский, Сергиевский и Полумордвинов, тотчас по освобождении их от ареста по каракозовскому делу, поселились вместе. К ним присоединились упоминавшийся выше Жигмановский и Гончаров **).

---

*) Л. Гольденберг. Воспоминания. «Каторга и Ссылка», 1924 г. № 3, стр. 99—100.

**) Николай Петрович Гончаров, студент Технологического Института в Петербурге, за участие в студенческих волнениях, происходивших в этом институте в начале 1868 г., был из него уволен. В апреле и мае 1871 г. Гончаров, под влиянием Парижской коммуны,

Жили они коммуной. Все деньги, которые откуда бы то ни было получали члены коммуны, они вносили в общую кассу. Коммуна их носила название «Сморгони» или «Сморгонской академии».

«Так как собственные средства их, — читаем мы в записке III отделения, — были весьма незначительны и так как главная цель их состояла в том, чтобы сперва накопить общественную кассу, а потом уже приступить к революционной пропаганде, то они и стали действовать сообразно с этой целью: они привлекли в свой круг красавицу-нигилистку, известную в то время под именем Фардяковой (настоящая ее фамилия Козловская) *), сообщили ей свою цель и уговорили ее открыть в своей квартире вечера, на которые собирались преимущественно студенты, но были и другие посетители. Так, например, частым посетителем этих вечеров был артиллерийский офицер Бобарыков, тот самый, который был арестован по нечаевскому делу и жена которого до сих пор содержится под стражей. Выбор Фардяковой оказался весьма удачным: она была хороша собой, умна и неутомимо развратна; тем она привлекала молодежь на свои вечера, которые сделались многолюдными. Многие, не подозревая вовсе, что за этими вечерами скрывается тайное общество, увлекались Фардяковой и давали ей большие деньги, которые она передавала в кассу общества. Указывают, например, на студента Клачковского, который в продолжении одного года истратил на Фардякову более 3.000 рублей. Другие нигилистки, по мере смазливости, содействовали на этом поприще Фардяковой, в том числе и сестра последней — Козловская, находящаяся ныне в Одессе. Кроме того, члены общества действовали успешно еще иным путем. Так, они вовлекли в свое общество совершенно бесхарактерного, но зажиточного сту-

---

выпустил 4 номера прокламации «Виселица» с призывом к восстанию. Арестованный в начале июня, Гончаров был предан суду. Петербургская судебная палата приговорила его к 6 годам каторги; царь заменил каторгу ссылкой на житье в Иркутск. В мае 1879 г. Гончаров был помилован. О деле Гончарова см. В. Богучарский. Государственные преступления в России, т. I, стр. 227—229.

*) Екатерина Захаровна, — младшая сестра упоминавшейся выше Евдокии Захаровны Козловской. **Б. К.**

дента Шрага *) и даже избрали его своим председателем. Это так польстило его самолюбию, что он, зная всю безнравственность Фардяковой, несмотря на это, женился на ней. В настоящее время эта счастливая чета проживает в имении Шрага в Черниговской губернии.

«Самым способным из членов общества «Сморгонь» был Сергиевский; потому он и руководил действиями общества и вместе с Воскресенским распоряжался общественными суммами. Процветало это общество во время существования типографии Серебренникова, которому общество давало большую поддержку **).

«С начала нечаевского дела ***) члены общества «Сморгонь», боясь арестов, прекратили свои действия. К тому же Воскресенский, получив какое-то место, вышел из общества. Шраг же с женою отправились жить в имение. Окончательно общество закрылось со времени ареста Бобарыковых, которые, хотя не были членами общества, оказывали ему поддержку ****). Сестра Фардяковой — Козловская, содер-

---

*) Илья Людвигович Шраг, студент петербургского университета, за участие в студенческих волнениях в марте 1869 г. выслан на родину в Черниговскую губернию. Позднее — присяжный поверенный, член к.-д. партии и I Государственной Думы, а в 1917 г. председатель Комитета общественных организаций в Чернигове и член Украинской Центральной Рады. **Б. К.**

) Семен Иванович Серебренников, студент петербургского университета, в 1868 г. содержал в Петербурге типографию. Типография эта была основана в 1867 г. на артельных началах. В состав артели, кроме Серебренникова, входили Серг. Федор. Чубаров (казненный в 1879 г. в Одессе), Мих. Петр. Сажин (позднее известный бакунист), Рейнгольд Бирк (привлекавшийся в 1869 г. по нечаевскому делу) и известный впоследствии беллетрист-народник Н. Н. Златовратский. Члены артели смотрели на свою типографию, как на коммерческое предприятие, но не отказывались от мысли впоследствии использовать ее для печатания революционной литературы. В начале 1869 г. типография эта была приобретена женой П. Н. Ткачева А. Д. Дементьевой. В марте 1869 г. в этой типографии была напечатана прокламация Ткачева «К обществу», после чего в связи с арестом Дементьевой типография ее была закрыта. Сам Серебренников, по продаже типографии, эмигрировал. В мае 1870 г. он был арестован в Женеве швейцарскими властями, принявшими его по ошибке за Нечаева, но вскоре освобожден. В 1874 г. Серебренников был арестован в Пруссии и выдан России. **Б. К.

***) Т.-е. в марте или апреле 1869 г. **Б. К.**

****) Бобарыкова была арестована 29 декабря 1869 г., а ее муж 12 января 1870 г. **Б. К.**

жавшая на Васильевском острове кухмистерскую, уехала, как выше сказано; в Одессу» *).

В этой записке, как и во всех аналогичных документах, ложка правды смешана с бочкой фантазии, лжи, ошибок и клеветы агентов III отделения. Информировавший охранников агент знал о «Сморгонской академии» только по слухам и рассказам. Этим об'ясняется допущенная им путаница в фактах. Он спутал двух сестер Козловских. Шраг женился не на Екатерине (Фардяковой), а на Евдокии Козловской. Екатерина же вышла замуж за студента Философова и впоследствии вместе с ним содержала библиотеку в Керчи. Никаких вечеров, а тем более оргий, подобных тем, которые описывает агент, — у нее на квартире не было. Никакого студента Клачковского не существовало. Повидимому, агент исказил фамилию Колачевского, дававшего, как нам уже известно, деньги кружку Воскресенского. Евдокия Козловская в кухмистерской, которую она содержала, устраивала вечера, пользовавшиеся успехом у радикальной молодежи и собиравшие большое число посетителей. По словам допрошенного в следственной комиссии по делу о собраниях в Земледельческом институте Воскресенского, вечера эти начали устраиваться Козловской в 1867 г. Воскресенский так описывал эти вечера: «При входе отдавали примерно по 50 коп., и за таковую сумму всякий бывавший там имел право выпивать водку, находившуюся на столах, и закусывать селедкой и пр. Подвыпивши, кто умел — танцовал, а другие или смотрели на танцующих, или разговаривали с нетанцующими» **).

Приведенная нами записка III отделения представляет ценность для истории интересующего нас кружка, главным образом, в том отношении, что она позволяет установить начальный и конечный момент его существования. Кружок этот возник в 1867 году и просуществовал до марта 1869 г., т. е. в течение почти двух лет. Нет сомнения, что расцвет его деятельности надо отнести на 1868 г.

---

*) Дело III отд. 3 эксп. 1870 г. № 120, ч. 2, л. 5. **Б. К.**
**) Дело высоч. учрежд. следств. комиссии № 434, л. 194—196.

По делу о собраниях в Земледельческом институте допрашивались два члена «Сморгонской академии» — Воскресенский и Сергиевский. Они упорно отрицали принадлежность свою к какому бы то ни было тайному обществу или кружку. Перечислив своих товарищей по квартире (знакомых уже нам по показаниям Кунтушева), Сергиевский в своей «биографии», написанной для следователей, писал: «Со всеми этими личностями я жил единственно вследствие одного расчета дешевле жить. Ни с кем из них я не входил в противозаконные отношения. Я даже к большинству не чувствовал никакой дружбы, не разделял с ними в беседе часы своего отдыха» *). На вопрос о значении слова «Сморгонь» Сергиевский показал: «Слово «сморгонь» я слышал, но никогда ни от кого я не слышал, чтобы это общество какое-нибудь обозначалось этим словом. Слово это просто выражало неряшество человека, к которому оно относилось... Что слово это выражало неряшество, я слышал от Воскресенского. Лично относительно себя и таких близких мне людей, как, напр., Воскресенского, я никогда не слышал этого эпитета. А понимаю это слово только в одном значении: какой-нибудь остряк выдумал его на потеху себе при столкновении с каким-нибудь человеком со странностями» **).

Несколько более определенный ответ на тот же вопрос дал Воскресенский. «Нас всех, живших на 7 линии Васильевского острова в д. Сумарокова, — говорил он, — в шутку звали «сморгонцами», находя в туалетах и манерах наших что-то сходное с медведями, которых обучают или обучали прежде в местечке Сморгони ***). Кто первый назвал таким именем, я не мог узнать, говорили же мне об этом первый раз Жигмановский и Сергиевский» ****).

Следственную комиссию, когда она в 1870 г. рассматривала дело о собраниях в Земледельческом институте, мало интересовал кружок, прекративший свое существование уже около двух лет до того; она удовлетворилась об'яснениями

---

*) То же дело, л. 84—90.

**) То же дело, л. 130—133.

***) «Сморгонской академией» в первой половине XIX в. называли леса около Сморгони, в которых цыгане дрессировали медведей. Б. К.

****) То же дело, л. 194—196.

Сергиевского и Воскресенского и дальнейшего расследования о кружке «Сморгонская академия» не производила.

Приведенные нами материалы удостоверяют, что «Сморгонская академия» при ее возникновении была одной из «коммун», которые так часто устраивались радикальной молодежью в 60-е годы. Группа близких товарищей, — отчасти сопроцессников, отчасти земляков (в ней преобладали саратовские уроженцы и воспитанники саратовских учебных заведений) поселилась вместе в одной квартире. Так возникла «Сморгонская академия», но она быстро переросла рамки «коммуны». Вечера, устраивавшиеся первоначально в квартире членов «коммуны», а затем в особом помещении (кухмистерская Козловской), открыли возможность ее членам расширять круг своих знакомых, устанавливать связи с интересующими их людьми и привлекать их к участию в революционном движении. Как мы видели, многие из членов «коммуны» и людей, группировавшихся вокруг нее, вскоре выступили, как активные участники студенческих волнений, охвативших высшие учебные заведения Петербурга зимой 1868-1869 г.г., а некоторые из них в 1869 году сделались членами нечаевской «Народной Расправы». Можно сказать, что в их коммуне и вокруг нее группировалась почти вся петербургская революционная молодежь того времени.

В отличие от других коммун, «Сморгонская академия» не ограничивалась только заботами об устроении — в материальном и умственном отношениях—жизни своих членов, но и мечтала об организации некоторых революционных предприятий. Большинство из учредителей коммуны вышло из ишутинского кружка. Вполне естественно поэтому, что их группа выдвигала на первую очередь те же самые вопросы, которые за несколько лет перед тем волновали членов ишутинского кружка. Известно, что члены этого кружка, являвшиеся ярыми поклонниками Чернышевского, подготавливали попытку его освобождения с каторги, в расчете на то, что он уедет за границу и там станет руководителем революционного журнала. Мысль об освобождении Чернышевского возродилась и в «Сморгонской академии», и только недостаток денег помешал ей довести до

конца задуманную попытку. Вопросу о цареубийстве, который дебатировался в ишутинском кружке, отводилось много внимания и в «Сморгонской академии». Неудачное покушение Каракозова вызывало среди ее членов горячие прения; идея цареубийства находила себе убежденных сторонников. Если ишутинцы делали попытку связаться с эмиграцией и с «Европейским Революционным Комитетом», то и в этом отношении «Сморгонская академия» пошла по их следам *). Хотя миссия Бочкарева и не увенчалась полным успехом, однако, результатом его поездки в Женеву явилось то, что женевские революционные издания были доставлены в Петербург и отсюда при посредстве членов «Сморгонской академии» нашли себе дальнейшее распространение. Из воспоминаний С. Л. Чудновского известно, какое громадное влияние на молодежь того времени произвел привезенный Бочкаревым № 1 «Народного Дела» со статьями Бакунина **).

Все это показывает, что в революционном движении тех лет кружок Воскресенского и его товарищей сыграл весьма заметную роль, и если до сих пор о нем ничего не говорилось в нашей историко-революционной литературе, то это в значительной степени об'ясняется лишь тем, что «Сморгонь» не была в свое время раскрыта правительством.

Теперь, когда мы ознакомились с кружком Воскресенского и его деятельностью и знаем, какие революционные планы развивал Бочкарев перед Элпидиным в Женеве, мы в праве вернуться к делу Розанова и его показаниям о заговоре, о котором ему якобы поведал Элпидин. Все ли в этих показаниях было ложью и мистификацией? Нет, конечно, сомнений в том, что многие из подробностей и деталей этого «заговора» были выдуманы, может быть, Розановым, стремившимся ценою «откровенности» спасти свою

---

*) Характерно, что в ишутинском кружке велись разговоры и об изготовлении фальшивых бумажных денег. Между прочим, об этом в ноябре 1865 г. Ишутин говорил В. Черкезову. (См. «Покушение Каракозова», т. I, стр. 209). Таким образом, и в этом отношении Бочкарев не был новатором.

**) С. Л. Чудновский. Из дальних лет. «Былое». 1907 г. № 9, стр. 284.

шкуру, а может быть, и Элпидиным, склонность которого к фантазерству хорошо известна. Но не было ли в показаниях Розанова зерна истины? Не был ли переданный им рассказ Элпидина отзвуком того, что сам Элпидин слышал от Бочкарева? Не забудем, что пребывание Бочкарева в Женеве совпало по времени с неудачной поездкой Кунтушева и Катин-Ярцева для освобождения Чернышевского. Вспомним и то, что освобождение Чернышевского было ближайшей задачей того «заговора», о котором говорил Элпидин. Мы полагаем, что сопоставление всех этих фактов показывает, что ничего невероятного в нашем предположении не имеется, что рассказ Элпидина Розанову являлся отзвуком сообщений, привезенных первому из них Бочкаревым *).

*) Некоторое подтверждение этого предположения мы находим в заключении следственной комиссии по делу Бочкарева, в котором читаем: «Показания мещанина Розанова, бывшего одновременно с Бочкаревым в Женеве, служат достаточным основанием к достоверному предположению, что Бочкарев действительно рассказывал эмигрантам о существовании, будто бы, в России революционных замыслов и обществ, хотя впоследствии, по словам Розанова, и сознался перед ними, что лгал, так как ни о каких подобных обществах и замыслах ему, Бочкареву, ничего неизвестно». Дело III отделения, 3 эксп. 1868 г. № 181, л. 78—85.

XI.

Террористические настроения в революционной среде конца 60-х годов.—С. Г. Нечаев и елизаветградское дело.—Показания Собещанского.—Н. Н. Катин-Ярцев и М. П. Троицкий.

Как и в деле Пеньковского, Солодовниковой и Бочкарева, в елизаветградском деле следственная власть потерпела фиаско. Ее попытка раскрыть все обстоятельства как того, так и другие дела не увенчалась успехом. Основной вопрос елизаветградского дела, вопрос о том, имел ли донос неизвестного нам лица на Троицкого и Кунтушева какие-либо основания, или же показаниями Троицкого об его сношениях с Элпидиным исчерпывается вся правда в этом деле, остается не вполне выясненным следствием.

Дают ли показания Троицкого вполне удовлетворительное об'яснение причин, вызвавших поездку его и Кунтушева из Саратова на юг? К сожалению, подлинный текст показаний Троицкого нам найти не удалось, и мы пользовались лишь изложением их, данным министром юстиции в его докладе по нечаевскому делу. Между тем, в этом изложении в показаниях Троицкого есть ряд неясностей. Неясно, какое из двух полученных им, по его словам, от Элпидина предложений—приехать за границу для работы в типографии или организовать склад изданий в России — он избрал. Неясно, почему для этого склада им выбрано такое отдаленное от границы место, как Елизаветград, и притом место, в котором он не имел никаких связей и знакомств. Неясно,

почему Элпидин вдруг начал относиться с недоверием к плану распространения его изданий в России. Неясно, почему он не прислал доверенное лицо, которое, по словам Кунтушева, обещал прислать.

Указывая на эти неясности, мы отнюдь не имеем ввиду утверждать, что показание Троицкого ложно и что тех планов, о которых он говорит, не существовало. Нет, мы хотим только обратить внимание на то, что показание Троицкого нельзя считать таким исчерпывающим и исключающим всякие сомнения, чтобы в силу его вопрос о цели пребывания Троицкого и Кунтушева в Елизаветграде считать вполне разрешенным. Действительно, где те основания, которые исключали бы возможность рассматривать откровенность Троицкого относительно его сношений с Элпидиным, как стремление замаскировать иные, оставшиеся неизвестными побуждения, вызвавшие его поездку в Елизаветград?

С другой стороны, и донос на Троицкого и Кунтушева не находит себе никакого подтверждения в материалах, собранных следствием.

Повидимому, если у них и были разговоры о цареубийстве и о целесообразности использовать для этого поездку царя по только что выстроенной железнодорожной ветви, проходящей через Елизаветград, то все дело ограничилось лишь разговорами, и никаких шагов к приготовлению задуманного покушения Троицким и Кунтушевым предпринято не было. Но эти-то разговоры и послужили неизвестному нам лицу поводом для доноса, посланного им елизаветградскому полицеймейстеру.

Возможность разговоров о цареубийстве весьма вероятна. Террористические настроения в среде революционной молодежи конца 60-х годов пользовались значительным распространением. Эта молодежь находилась под сильнейшим впечатлением от события 4 апреля 1866 года. Выстрел Каракозова, несмотря на реакцию, воцарившуюся в обществе, не мог не действовать возбуждающим образом на тех, кто мечтал о борьбе и о лучшем будущем. Выстрел Березовского поддерживал интерес к террору. «Начинание нашего святого дела было положено утром 4-го апреля

1866 года Дмитрием Владимировичем Каракозовым»,—читаем мы в № 1 нечаевской «Народной Расправы». Каракозов и его покушение—обычная тема для разговоров в среде революционной молодежи того времени О нем, как мы видели, ведутся дебаты в кружке Воскресенского. О нем говорит Троицкий молодежи, с которой познакомился в Елизаветграде.

В приведенных нами выше показаниях Кунтушева говорилось, что в кружке Воскресенского вопрос о цареубийстве вызывал разногласия. Любопытные данные о характере этих разногласий мы находим в одной из записок III отделения, которую мы приведем полностью:

«Бывший технолог Николай Гончаров, имя которого неоднократно упоминалось в наших записках, приносит нам большую пользу, конечно, сам того не подозревая. По дружбе с одним из наших агентов он сообщает сему последнему все, что делается в революционных кружках, где Гончаров пользуется некоторым авторитетом за твердость своих революционных убеждений, хотя его там считают слишком умеренным, так как он решительно отвергает такие крайние средства, как, например, цареубийство.

«Третьего дня, зайдя к нашему агенту и разговорившись с ним о делах в Лесном институте и Медицинской академии и об интернационально-революционной агитации, Гончаров на вопрос агента, в каких отношениях Сергиевский был с Каракозовым, сказал: «Сергиевский, подобно мне, всегда был против цареубийства и однажды, заспорив об этом с Каракозовым, отвалял его нагайкой. Вот их отношения. Теперь дурни опять кричат, что надо убить царя; и, ведь, целую теорию придумали: говорят, что пока нынешний царь жив, то народ ни на какую революцию не пойдет, потому, де, что народ слишком любит этого царя. А так как он может еще прожить долго, то его нужно убить». «Ничего путного не поделаешь с такими болванами», — закончил Гончаров свою речь» *).

Мысль о цареубийстве в 1868—1869 г.г. носилась в воздухе. Велись на эту тему разговоры и в кругах, близких

*) Дело III отделения, 3 эксп.., 1870 г., № 120, ч. I, л. 17.

Нечаеву, а если верить агентурным сведениям московских жандармов, и им самим.

По сообщению начальника московского губернского жандармского управления генерал-майора Слезкина, Нечаев в бытность его в Москве в феврале 1869 г. в беседах с московской молодежью говорил, что «Каракозов глупо и необдуманно сделал, что выстрелил, не рассчитавши, как удобнее надо было сделать, и потому поплатился жизнью, и в память этого выстроили часовню в Петербурге в 50 тысяч рублей, что на эти деньги могла бы в продолжение года воспитываться тысяча человек студентов». О Березовском Нечаев говорил, что его не расстреляли потому, что «это было в Париже, а там не такие дураки, чтобы стали наказывать», и добавлял, что «на место Каракозова много есть людей» *).

Поездка Троицкого и Кунтушева на юг по времени совпала с возвращением Нечаева в Россию после его первой заграничной поездки. Не было ли какой-нибудь связи между тем и другим? Этот вопрос, чрезвычайно интересный для исследователей нашего революционного прошлого, интересовал и следователей. Некоторый материал им удалось собрать, и этот материал доказывает, что Нечаев знал о существовании Борисова и Троицкого.

Среди бумаг, найденных во время обыска, произведенного в конце ноября 1869 г. на квартире П. Г. Успенского в Москве, имелось описание пути, по которому Нечаев в августе 1869 г. проехал из-за границы в Россию. В этом описании, между прочим, значилась фамилия некоего Николая Собещанского, живущего в с. Попушай, Аккерманского уезда, у которого, как Нечаев говорил Успенскому, можно было найти приют.

Конечно, Собещанский был разыскан и арестован. При допросе он показал, что 31 августа он ездил за покупками в Одессу и в дороге познакомился с неизвестным ему человеком. Последний назвался сербом и рассказал, что едет в Россию искать место на какой-нибудь железной дороге. Приехав в Одессу, Собещанский и серб остановились в

*) Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., ч. I, л.л. 53—54.

одной гостинице и здесь продолжали начатый еще в дороге разговор. Серб говорил «о народной свободе, о том, что в России всюду существует недовольство правительством, что настала минута освобождения», а также об образе правления в других государствах и об убийстве сербского князя Михаила Обреновича, оправдывая его убийц. При этом серб упомянул, что его преследует русское правительство, что он намерен, несмотря на это, пробраться в Балту, Елизаветград, Москву, Харьков, Саратов и Казань и что во всех этих городах у него есть товарищи. При этом серб назвал фамилии Борисова, Николаева, Троицкого и Александрова. Собещанский, по его словам, стал возражать сербу, говоря, что русское правительство дает народу все средства к образованию. Услышав это, серб вспылил, вскочил со стула, выхватил из кармана пистолет и стал грозить Собещанскому, что убьет его или подошлет кого-нибудь для убийства его, если только Собещанский осмелится рассказать кому-либо о своей беседе с ним. На другой день после этого разговора Собещанский уехал к себе в Попушай, а дней через пять или шесть к нему явился серб, одетый на этот раз в военную форму, и просил разрешения прожить несколько дней, пока он не получит письмо из Аккермана. Собещанский позволил, и серб прожил у него 4 дня, а на пятый день уехал, сказав, что направляется в Елизаветград, а оттуда в Москву. К этому Собещанский добавил, что в бытность свою в Одессе серб куда-то уходил и вернулся очень недовольным, сказав, что хотел повидаться с Борисовым, но не застал его *).

Когда Собещанскому был пред'явлен портрет Нечаева, он признал в нем того самого серба, с которым познакомился на пути в Одессу.

Собещанского пытались обвинять в укрывательстве Нечаева, но позднее, установив, что личность Собещанского неизвестна никому из обвиняемых по нечаевскому делу, и признав, что «нет данных подозревать Собещанского в знании о приготовлениях Нечаева к государственному престу-

---

*) Дело III отд. 3 экс. 1869 г. № 115, ч. VII, л. 238—244.

плению», следствие прекратили, выслав Собещанского на родину под надзор полиции.

Факты, сообщенные Собещанским, поставили перед следователями вопрос, не виделся ли Нечаев в Одессе с Троицким и Кунтушевым. По собранным ими данным оказалось, что последние выехали из Одессы в Елизаветград двумя днями ранее того, как Нечаев прибыл в Одессу. Однако, если их свидание не могло состояться в Одессе, то не состоялось ли оно в Елизаветграде? Определенного ответа на этот вопрос наши материалы дать не позволяют, но заявление Нечаева Собещанскому о том, что он направляется в Елизаветград, а затем в Москву, в связи с упоминанием им фамилии Троицкого, заставляет серьезно задуматься над этим вопросом.

Для нашей же задачи важно не то, виделся или нет Нечаев с Троицким, а то, что он знал о существовании Борисова и Троицкого, и то, что с Елизаветградом были связаны какие-то его революционные расчеты. Откуда же Нечаев мог знать о Троицком и его предприятии? Ответ на этот вопрос станет совершенно ясным, если вспомнить, во 1-х, что зимой 1868—69 г.г. Нечаев был хорошо знаком с Катин-Ярцевым, и во 2-х, что, по вышеприведенному свидетельству Черкезова, в состав кружка, отправлявшего Бочкарева за границу, входили П. Н. Ткачев и бр. Аметистовы, люди чрезвычайно близкие к Нечаеву в первый период его революционной деятельности *).

Осведомленность Нечаева о Троицком представляется нам фактом, весьма существенным. Дело в том, что, как известно, Нечаев относился к Элпидину с большим пренебрежением. Так, например, он говорил П. Г. Успенскому, что Элпидин не имеет ничего общего с ним, Нечаевым, и Бакуниным, «так как занимается вздором—изданием книг». При таких условиях трудно предполагать, что Нечаев мог бы заинтересоваться Троицким, если бы задачи последнего сводились только к распространению в России изданий Элпи-

---

*) Приведенное выше указание Л. Гольденберга о принадлежности к «Сморгонской академии» самого Нечаева и его друга В. Ф. Орлова мы считаем маловероятным.

дина. Если печатание революционных книг представлялось Нечаеву не «делом», а «вздором», то неменьшим «вздором» было в его глазах распространение этих книг.

Однако, тут перед нами встает другой вопрос: сочувствовал ли Нечаев цареубийству, признавал ли он подобный акт полезным с точки зрения успеха революции? Нам могут указать на № 1 «Народной Расправы», привезенный Нечаевым из-за границы. Здесь цареубийство отнюдь не ставилось в качестве ближайшей, непосредственной задачи революционной организации. Имея в виду «истребление царя со всей семьей, со всеми чадами и домочадцами», «Народная Расправа», однако, заявляет: «Мы теперь, однако, до поры, до времени, подождем трогать Александра Николаевича». И далее мы читаем в «Народной Расправе»: «Мы не будем трогать царя, если нас к тому не вызовет преждевременно какая-нибудь безумная мера или факт, в котором будет заметна его инициатива. Мы убережем его для казни мучительной и торжественной пред лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства». Таким образом, казнь царя отстрочилась до победоносного исхода революции. Эта отсрочка мотивировалась тем, что существующая царская власть сама по себе является лучшим средством революционной пропаганды. Все мероприятия «слабоумного и безумного деспота» ведут только к тому, что «обманутый, ограбленный, голодный народ начинает раскрывать свои очи и скоро ясно увидит причину своих невыносимых мук».

Таким образом, «Народная Расправа» является как бы доказательством того, что Нечаев не считал цареубийство целесообразным. Однако, это соображение имело бы решающее значение лишь в том случае, если бы у нас не было прямых доказательств того, что Нечаев мечтал о цареубийстве и строил на этот счет некоторые планы. Нечаевец А. К. Кузнецов в своей автобиографии рассказывает, что, когда он с Нечаевым после убийства Иванова (и, следовательно, после раскрытия елизаветградского дела) приехали в Петербург, Нечаев посвятил его в план цареубийства, который он обдумывал в те дни. «По его словам, — пишет Куз-

нецов, — осуществить этот план не представляет больших трудностей. Нужно было иметь 40—50 преданных организации лиц, ворвавшись с которыми во дворец и обезоружив стражу, возможно было покончить с царем и его семьей. Дворцовая стража в этот период была крайне распущена, часть царских лакеев и прислуги неглижировала своими обязанностями, и при таких условиях, по уверениям Нечаева, возможно было совершить переворот, и тогда можно было думать, что такой план осуществим *). Этот рассказ Кузнецова убеждает нас в том, что «Народной Расправе» в вопросе об отношении Нечаева к цареубийству нельзя придавать решающего значения.

Теперь нам остается остановиться на личности участников елизаветградского дела. К сожалению, никакими данными относительно Кунтушева и Борисова, кроме тех, которые приведены нами выше, мы не располагаем. Приходится довольствоваться тем, что нам известно о Троицком и Катин-Ярцеве, на квартире которого, как мы уже говорили, произошло знакомство Кунтушева с Троицким и которого посещал приехавший из Одессы в Саратов Борисов. Сперва о втором из них.

В показаниях обвиняемых по нечаевскому делу имя Катин-Ярцева попадается довольно часто. Для нас особый интерес представляют показания З. Ралли. В них Катин-Ярцев рисуется нам, как лицо, легко склоняющееся к крайним мнениям и решениям, как сторонник энергичных мер, как человек, которого, вследствие этого, приходилось все время сдерживать. Так, например, во время студенческих волнений 1869 г. Катин-Ярцев, выступая на сходках в библиотеке медико-хирургической академии, настаивал на том, что студенты «должны протестовать, расходиться не иначе, как после третьего залпа, и т. п.». При чтении показаний Ралли создается такое впечатление, что он как будто бы старается в чем-то отгородиться от Катин-Ярцева и чего-то при этом не договаривает. Например, упоминая о том, что сту-

---

*) Энциклопедический Словарь, изд. Гранат. т. 40. Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80 годов, стр. 227—228.

денты старались устраивать свои сходки более или менее конспиративно, Ралли добавляет: «потому что на них, кроме студенческого дела, проговаривались совсем о другом люди, подобные Катин-Ярцеву» *). У следователей не было данных о причастности Катин-Ярцева к нечаевскому делу; за участие же в студенческих волнениях он уже поплатился исключением из академии и высылкой на родину; вследствие этого личностью Катин-Ярцева они не интересовались, и намеки Ралли не остановили на себе их внимания.

Более показательны сведения, которыми мы располагаем о главном участнике елизаветградского дела Троицком. После того, как следствие по этому делу было прекращено, Троицкий в административном порядке был выслан в Пензу. Прожив там несколько лет, Троицкий получил разрешение переселиться в Саратов. Здесь он занял хорошее место на железной дороге; в революционном движении 70-х годов он участия не принимал. Террор «Народной Воли» пробудил в Троицком старого революционера. И. И. Майнов, хорошо знавший Троицкого по Саратову, в своих воспоминаниях пишет о нем: «Якобинская закваска была в нем довольно сильна, и чисто народническое движение не могло его увлечь и поглотить, как нас, тогдашних юношей. Но с возникновением «Народной Воли» этот решительный и энергичный по характеру человек бросил без колебаний свое обеспеченное положение и почувствовал стремление вновь отдаться революционному делу. Теперь характер этого дела представляется ему не расплывчатым и сентиментальным, каким было в его глазах народническое движение, а способным уже в близком будущем дать реальный, осязательный результат. И Троицкий, еще не зная лично никого из народовольцев, ознакомившись с их взглядами только по их действиям и по партийной литературе, стал народовольцем». По его инициативе и возникла в Саратове народовольческая организация **).

---

*) Дело III отдел., 3 эксп., № 112, ч. III, л. 117 сл.

**) Саратовец (И. И. Майнов). Саратовский семидесятник. «Минувшие Годы», 1908 г. № 4, стр. 262—263. Сравн. Н. Волков (И. И. Майнов). «Из жизни саратовских кружков». Рус. Историч. Библиотека, № 5, Былое (заграничн.), вып. II, стр. 15.

В 1882 г. Троицкий был арестован, долгое время просидел в тюрьме, сошел с ума и вскоре умер.

Этим исчерпываются материалы, которыми мы располагаем относительно елизаветградского дела, и нам остается повторить сказанное выше. Использованные нами документы не дают возможности ответить категорически на вопрос о том, подготавливалось или нет в 1869 г. покушение на Александра II. Не разрешает этого вопроса и тот вывод, к которому пришли следователи, прекращая следствие по этому делу, ибо есть ряд данных, позволяющих предполагать, что елизаветградское дело вовсе не было так просто, как представлялось следователям. Показания Троицкого отнюдь не носят настолько достоверного характера, чтобы всякие сомнения в их полном соответствии с действительностью были исключены. В революционных кругах второй половины 60-х годов мысль о политическом терроре пользовалась несомненной популярностью. При таких условиях легко могли зародиться планы относительно организации цареубийства. Однако, в елизаветградском деле мы не находим никаких указаний на то, чтобы его участники успели приступить к реальному выполнению этих планов.

XII.

Последующая жизнь И. И. Бочкарева.—Его дружба с Л. Н. Толстым.

В нашем предыдущем изложении И. И. Бочкарев и история его поездок за границу занимают центральное место. При этом мы имели случай убедиться в том, что Бочкарев был интересной и весьма своеобразной фигурой в истории нашего революционного движения. Чтобы закончить его характеристику, нам надо познакомиться с дальнейшей его жизнью, насколько позволяют это те,—к сожалению, скудные,—материалы, которыми мы располагаем.

Выше было уже сказано, что по постановлению высочайше учрежденной следственной комиссии Бочкарев в январе 1869 г. был выслан на родину, в г. Осташков, с учреждением за ним полицейского надзора. Упоминали мы и о том, что из-за показаний, данных В. Черкезовым во время следствия по нечаевскому делу, Бочкарев был вновь арестован и привезен в Петербург. Однако, на этот раз Бочкарев отделался благополучно. По недостатку улик, следствие о нем было прекращено, и он в скором времени вернулся в Осташков, где поступил на службу в земскую управу. Наряду с этим Бочкарев занимался педагогической деятельностью и, как гласит один жандармский документ, навлек на себя «полное негодование со стороны родителей обучаемых им детей за свое поведение и за распространение между ними преступной пропаганды».

Как поднадзорный, Бочкарев не имел права выезда из Осташкова. Но он мало считался с этим и вскоре, оставив Осташков, уехал в Москву. Об этом стало известно администрации, его арестовали и вновь отправили в Осташков.

Вскоре Бочкарев повторил свою попытку бегства, но вновь был арестован. Произведенный у него после этого обыск дал указания на то, что он находится в каких-то подозрительных с точки зрения властей сношениях с известным нам из вышеизложенного Ив. Пеньковским. В результате этого Бочкарев в 1872 г. был выслан в г. Красный Яр, Астраханской губ. Там он пробыл около двух лет и в 1874 г. получил разрешение вернуться на родину, где продолжал службу в осташковском земстве, а затем перешел на службу в земскую управу в Тверь, где работал сперва агентом по страховому делу, а потом заведующим страховым отделом земской управы. При этом он выговорил себе право на непродолжительные отлучки из Твери и на определение на службу в страховой отдел на должности агентов и писцов людей по своему усмотрению. Это показалось подозрительным тверским жандармам; они внимательно следили за Бочкаревым и заметили, что он подбирает себе сотрудников из «лиц, подходящих к его вредным в политическом отношении убеждениям».

Вскоре над Бочкаревым стряслась новая беда.

26 февраля 1879 г. в Москве в Мамонтовских номерах был убит агент III отделения Николай Рейнштейн. Начатое по этому поводу следствие обнаружило, что живший вместе с Рейнштейном сельский учитель П. Н. Соколов после убийства скрылся. Начались розыски, и скоро Соколов был арестован в Твери. При этом выяснилось, что по приезде в Тверь Соколов по рекомендации И. И. Бочкарева получил место в тверской земской управе. У Бочкарева был произведен обыск, обнаруживший список запрещенных книг и большую переписку, содержание которой, по словам жандармов, «хотя и не имеет ничего предосудительного, но тем не менее указывает на знакомство его с акушерками и сельскими учительницами, между которыми упоминается фами-

лия Ивановской, личности, весьма скомпрометированной в политическом отношении» *).

Бочкарев был арестован, уволен от должности и доставлен в Москву. Однако, привлечен к следствию по делу об убийстве Рейнштейна он не был, ибо, как жаловался производивший дознание жандармский генерал Слезкин московскому генерал-губернатору, «не представилось возможности добыть уличающих доказательств на принадлежность его к сообществу социалистов-агитаторов». Ссылаясь на это и на то, что Бочкарев «по направлению своему и политической неблагонадежности личность весьма вредная и всей своей прошлою жизнью не дающая никакого основания к изменению своих противоправительственных убеждений», Слезкин просил генерал-губернатора сделать распоряжение о высылке Бочкарева под надзор полиции «в один из тех городов России, где его общественная деятельность была бы совершенно изолирована». Генерал-губернатор сделал соответствующее распоряжение, и в апреле 1879 г. Бочкарев был выслан в г. Пинегу, Архангельской губернии **).

Сколько времени пробыл Бочкарев в Пинеге, нам неизвестно, но в 80-х годах мы вновь находим его в Осташкове, где он и скончался в 1915 году.

Тверской земец и один из лидеров кадетской партии Ф. И. Родичев, знавший Бочкарева по Тверской губернии, отзывался о нем, как о человеке, «очень независимом, любившем действовать за свой салтык». «Он провел свою жизнь в добровольной нищете и строгом ригоризме»,—писал Родичев.—«Его устремления были гораздо более этические и религиозные, чем политические. Он был безбоязненный демонстрант своих верований, искавший святости, пожалуй, мученичества, а не переворотов» ***).

---

*) Речь идет об Евдокии Семеновне Ивановской, высланной в 1879 г. за революционную пропаганду в г. Повенец, а впоследствии ставшей женою В. Г. Короленко.

**) Дело секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора, 1879 г., № 76, по рапорту московского обер-полицеймейстера об убийстве кронштадтского мещанина Николая Васильевича Рейнштейна, л.л. 5—8.

***) «Речь», 1915 г., № 116.

Родичев не знал революционного прошлого Бочкарева. Из опубликованного Богучарским в № 4 «Голоса Минувшего» за 1915 г. «Краткого отчета» высочайше учрежденной следственной комиссии он впервые узнал, что правительство подозревало Бочкарева в том, что его поездки за границу преследовали цели революционного характера и что Бочкарев стремился вступить в сношения с русскими эмигрантами и с «Европейским Революционным Комитетом». Из того же отчета он узнал и о том, что эмигранты заподозрили в Бочкареве агента III отделения. Отчет следственной комиссии содержал в себе лишь весьма краткое упоминание о Бочкареве и никаких подробностей не сообщал. Вот почему Родичеву, знавшему Бочкарева за мирного осташковского гражданина, далекого от непосредственного участия в политической борьбе, сообщение отчета следственной комиссии показалось каким-то невероятным недоразумением, и он не поверил в его справедливость. Мало этого, он счел нужным вступиться за честь Бочкарева и заявить, что такой человек, как он, не мог быть шпионом и предателем *). Попутно он выразил сомнение и в том, что Бочкарев был революционером **). Таков был смысл выступления Родичева, и это необходимо иметь в виду для того, чтобы разобраться в тех сведениях, которые сообщает Родичев. Повышенный интерес к этической проблеме, искание святости и готовность к мученичеству за свои убеждения,—все эти черты характера несоменно были присущи Бочкареву, как и многим его современникам. Религиозность же Бочкарева, о которой упоминает Родичев, вызывает в нас большие сомне-

---

*) «Отчет», опубликованный Богучарским, дал повод сотруднику «Речи» А. С. Изгоеву (см. «Речь» № 115 за 1915 г. «Из прошлого») назвать Бочкарева «тогдашним прообразом нынешнего Азефа». «Меня больно ударили эти слова, — писал по этому поводу Родичев, — да и, вероятно, не меня одного, а тех многих, кто знал достойнейшего и чистейшего сердцем И. И. Бочкарева... Шпионское донесение,. о котором говорят статьи В. Я. Богучарского и А. С. Изгоева, вздорная и гнусная ложь».

**) «Во время своей заграничной поездки, — пишет Родичев, — он был скромным молодым человеком, который не мог претендовать на сношения с Европейским революционным комитетом (да ведь и комитет этот существовал лишь в воображении)». Мы уже знаем, насколько далек был Родичев от истины.

ния, так как в этом случае свидетельство Родичева стоит в противоречии с некоторыми другими сведениями, которые мы имеем о Бочкареве.

Последние годы своей жизни Бочкарев был весьма близко с Л. Н. Толстым; одно время он жил поблизости от Ясной Поляны, в имении дочери Толстого, Сухотиной, Овсянникове вместе с большой приятельницей Толстого М. А. Шмидт, часто навещал Толстого и вел с ним продолжительные разговоры относительно его миросозерцания *). Однако, нет никаких указаний на то, чтобы Бочкарев разделял религиозные воззрения Толстого **). Наоборот, мы имеем свидетельство такого близкого к Толстому человека, каким является В. Г. Чертков, удостоверяющее, что во взглядах на религию Бочкарев расходился с Толстым. В примечаниях к дневнику Толстого Чертков пишет: «Ив. Ив. Бочкарев—бывший революционер-славянофил, много пострадавший за свои убеждения. Поводом к его знакомству с кружком людей, близких Л. Н—чу, послужило его признание вегетарианства, к которому он пришел самостоятельным путем. В личных беседах с Л. Н—чем Бочкарев горячо спорил против его религиозных воззрений, отрицая всякую религиозную метафизикку» ***).

Итак, мы видим, что сближение Бочкарева с Толстым произошло исключительно на почве общего для них признания вегетарианства. К этому можно прибавить, что Толстой с его моральными исканиями не мог не интересовать Бочкарева, которому эти искания также не были чужды. Религиозных же взглядов Толстого Бочкарев не только не

---

*) В дневнике Л. Н. Толстого за 1895 г. мы находим такие упоминания о Бочкареве: запись от 5 ноября: «Был... Ив. Ив. Бочкарев»; запись от 7 ноября: «Ездил в Овсянниково, хорошо беседовал с Мар[ьей] Алекс[андровной Шмидт] и Ив. Ив. [Бочкаревым]». Дневник Л. Н. Толстого, т. I, М. 1916 г., стр. 6. В дневнике Толстого за 1901 г. под 9 октября записано: «Было много посетителей, кроме Дунаева с дочерью и И. И. Бочкарева, все литературные». Н. Н. Апостолов. Лев Толстой и его спутники. М. 1928 г., стр. 186.

**) Упоминание Т. Л. Сухотиной-Толстой о Бочкареве, как о человеке «близком моему отцу по взглядам» (см. ее книгу «Друзья и гости Ясной Поляны», М., 1923 г., стр. 176), — слишком неопределенно и оставляет открытым вопрос о том, к каким именно взглядам Толстого был близок Бочкарев.

***) Дневник Л. Н. Толстого, т. I, стр. 188—189.

разделял, но горячо оспаривал их, сохранив до старости верность атеизму своей молодости.

За этот атеизм Бочкареву пришлось перенести немало неприятностей. Дело в том, что он и в официальных документах отказывался именовать себя православным, мотивируя свой отказ нежеланием лгать. Имеется указание на то, что в конце концов он получил разрешение Сената именовать себя «непринадлежащим ни к какому вероисповеданию», но это разрешение было получено лишь после долгой и упорной борьбы, потребовавшей от Бочкарева много сил и энергии *). Мы уже знаем, что Бочкарев умел не отступать перед опасностью и упорно отстаивать свои убеждения. Вот почему и из этой борьбы он вышел победителем.

Как видим, сведения, которыми мы располагаем о жизни Бочкарева, весьма скудны и скупы на подробности. Нельзя не пожалеть об этом. Своеобразная и колоритная фигура этого искателя правды заслуживала бы большего внимания. В галлерее русских людей, «взыскующих града», Бочкарев должен найти себе место, на которое он имеет неоспоримое право.

---

*) Рассказывающий об этом эпизоде И. Ильинский, встречавшийся с Бочкаревым у Толстого, упоминает, что в связи с этим Бочкареву «целые 6 лет пришлось прожить в добровольной ссылке, где-то на севере, ибо его отовсюду высылали». Игорь Ильинский. «Мои поездки в Ясную Поляну». «Толстой. Памятники творчества и жизни», вып. 4, под ред. В. И. Срезневского, М., 1926 г., стр. 106—107. Тот же Ильинский так описывает одно столкновение Бочкарева с Максимом Горьким в Ясной Поляне. «Бочкарев за вечерним чаем горячо поспорил с Горьким на тему о рабочих артелях. Бочкарев был сторонником рабочих артелей, Горький же относится к ним отрицательно. Спор принимал все более и более страстный характер, и кончилось тем, что Горький по поводу какой-то фразы Бочкарева очень резко заметил ему приблизительно так: «То-то и дело, что вы в этих вопросах мало смыслите, а туда же — беретесь рассуждать». После этой фразы Бочкарев отошел от стола, и я слышал, как он произнес: «Ну, однако, ты в книгах своих гораздо лучше, чем в натуре» (там же стр. 107). Этот эпизод относится к октябрю 1901 г.

Заключение.

П. А. Кропоткин, осенью 1867 г. приехавший в Петербург из далекой Сибири, где он провел пять лет, был поражен произошедшей за это время переменой в настроении общества. Это не был уже более «Петербург Чернышевского», каким оставил его в 1862 г. Кропоткин. Это был Петербург Шувалова и Трепова, с одной стороны, и Петербург кафешантанов и танцклассов, с другой. Шумная общественная жизнь, открытая критика политики правительства, многолюдные сходки в университете, яркие революционные прокламации, появляющиеся одна за другою, многочисленные оппозиционные и революционные кружки, сильная тайная организация, какой было возникшее в 1862 г. тайное общество «Земля и Воля»,—все это ушло в казавшееся далеким прошлое. Общественная жизнь во всех ее проявлениях замерла. Полицейский гнет давил ее на каждом шагу. Те, кто пять лет тому назад открыто заявляли себя врагами правительства, теперь «заботились лишь о том, чтобы схоронить поглубже свои прежние симпатии и казаться вполне «благонадежными». Чем сильнее радикальничали они раньше, тем больше трепетали они теперь. Кропоткин заговаривал с некоторыми из таких людей. «Осторожнее, молодой человек!»—отвечали они. Их кодекс житейской философии заключался теперь в пословицах: «сила солому ломит», «лбом стены не прошибешь» и тому подобных, которых, к несчастью, так много в русском языке.

«После каракозовского выстрела 4-го апреля 1866 года,—вспоминает Кропоткин в своих «Записках революционера»,—III отделение стало всесильным. Заподозренные в «радикализме»,—все равно, сделали они что-нибудь или нет,—жили под постоянным страхом. Их могли забрать каждую ночь за знакомство с лицом, замешанным в политическое дело, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за «опасные» убеждения» *). Такая атмосфера напряженной осторожности и непрерывного страха за свою судьбу была крайне неблагоприятна для возникновения революционных организаций. Террор правительства и деморализация общества делали почти невозможной какую бы то ни было работу революционного характера. Только в глубоком подполье продолжали копошиться и собирать силы для новой борьбы люди, у которых хватило сил, смелости и совести не примириться с торжествующей реакцией и остаться верными прежним убеждениям. Таких людей было немного, но они существовали и вели работу, тяжелую и неблагодарную, но важную и нужную.

Тайная организация, носившая название «Сморгонской академии», была основана такими именно людьми. Конечно, если сравнить ее с организациями, существовавшими за пять лет до ее возникновения или с появившимися в России в следующее десятилетие, то кружок, основанный Воскресенским и его товарищами, придется рассматривать, как организацию слабую, незаметную и не игравшую большой роли в революционном движении. Все замыслы этого кружка не увенчались успехом. Ни произвести переворот в России, ни освободить Чернышевского, ни организовать широкую пропаганду революционных идей, ни установить связь с Интернационалом—«Сморгонской академии» не удалось.

Однако, если мы примем во внимание ту тяжелую обстановку, в которой приходилось вести работу членам этого кружка, то мы должны будем признать, что деятельность их

---

*) П. А. Кропоткин. Записки революционера. 6-е издание. М. 1924 г., стр. 187—189.

отнюдь не была столь безрезультатной, как это кажется с первого взгляда. И те дискуссии на политические темы, которые происходили в кружке, и та пропаганда, которую вели его члены в единственной доступной для них среде—между петербургским студенчеством,—и те рефераты, которые они устраивали, и та кухмистерская, которую они организовали и которая была едва ли не единственным революционным центром в тогдашнем Петербурге, — все эти маленькие и незаметные дела были по тому времени делами важными и необходимыми. Мы говорили уже, что значительное число участников студенческого движения 1869 г. и организации, созданной в том же году С. Г. Нечаевым, вышли из рядов «Сморгонской академии», были ее членами или стояли близко к ней. Если принять во внимание этот факт, то придется признать, что «Сморгонская академия» сыграла известную роль в подготовке дальнейших событий, и что в истории нашего революционного движения ей должно быть отведено определенное место. И теперь, когда мы познакомились с историей этой организации и с ее деятельностью, промежуток между каракозовским и нечаевским делами не будет уже нам казаться таким пустым местом, каким он был для нас до сих пор, и мы должны будем признать, что историк нашего революционного движения не в праве пройти мимо немноголюдной и скромной организации, созданной в 1867 г. в Петербурге несколькими молодыми людьми, только что вышедшими из крепости, куда они попали за причастность к каракозовскому делу.

Как мы знаем, организация эта в свое время не была раскрыта правительством. Никто из членов ее за принадлежность к ней не пострадал. Этим они были обязаны твердому и стойкому поведению Бочкарева на следствии, его упорному молчанию, о которое разбивались все ухищрения допрашивавших его следователей.

Несомненно, что если бы поведение Бочкарева было иным, если бы он на допросах рассказал о «Сморгонской академии» хотя бы столько, сколько большинство из привлекавшихся по каракозовскому и нечаевскому процессам рассказали о своих организациях, если бы в связи с этим его

товарищи по кружку за принадлежность к нему понесли бы наказание,—хотя бы не по судебному приговору, а по административному усмотрению—и если бы в то время в печать проникли бы какие-нибудь сведения об их судьбе,—«Сморгонская академия» давно бы нашла себе место на страницах истории русского революционного движения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Письмо Е. А. Солодовниковой С. В. Езерскому.

Вскоре после вашего от'езда, дорогой Степан Венедиктович, я получила сразу несколько писем от Ан. Ал. *), который зовет нас к себе. Желание видеть вас он повторял так часто, что я нашла лучшим упомянуть о нем в самом начале письма. Поедете или нет? Из Смоленска Наталья Ник. **) отвечала, что она рада видеть вас и поручила передать ее новый адрес. Это дом Ивановской, в детский сад. Она в последней записке осталась очень довольна молодежью мест-

---

*) «Ан. Ал.» — по догадке следственной комиссии, Андр. Ал. Макавеев, бывший вольнослушатель Московского университета, член неразрешенного правительством общества взаимного вспомоществования. В 1866 г. Макавеев был арестован в связи с каракозовским делом и выслан в Галический уезд, Костромской губернии, под надзор полиции. Там он и находился, когда Солодовникова писала письмо Езерскому. **Б. К.**

) «Наталия Ник.» — княжна Наталия Николаевна Друцкая-Соколинская, известная III отделению «нигилистическим направлением». В 1868—1869 г. г. она содержала детский сад в Смоленске и преподавала в местной женской гимназии естественную историю. Узнав, что ее собираются исключить из числа преподавательниц за вредное влияние на учениц, она в начале 1870 г. вышла в отставку и уехала из Смоленска. Поселившись в Москве, она, по сведениям III отделения, в том же году намеревалась приехать в Петербург «для соглашения с.-петербургского и московского студенчества». В курьезном рапорте начальника смоленского жандармского управления III отделению мы находим следующие сведения о преподавательской деятельности Друцкой: «на лекциях приносила с собою мертвых кошек и птицу, анатомировала их и при этом с подробностями раз'ясняла в высшем классе о процессе зарождения плода». Сведения о Друцкой заимствованы из дел III отделения, 3 эксп., 1870 г., № 15 и № 120, ч. I, л. 13. **Б. К.

ною, как гимназистками, так и мальчиками; все, говорит, всполошились при известии об открытии в Петербурге женского университета. Решили, если слух верен, собрать деньги и послать 2-х или одну девушку своей пенсионеркой. Молодежь, по ее словам, живая, незабитая. Желаю вам найти в ней опору. Книги я вам послала, пока «In Reich und Glied» в переводе «Один в поле не воин», роман Шпильгагена, в котором он очень характерно и живо передал последнее движение рабочего сословия и пропагандистическую деятельность Лассаля.

«Характер последнего в общих чертах схвачен верно, хотя частностей многих и нельзя отнести к жизни Лассаля. Советую прочитать; впечатление остается самое хорошее. Роман ободряет и освежает всякого работника. Получив его, вы скажете, какие книги хотите вы иметь. А то я вам вышлю список книг по интересующим вас вопросам и передам вкратце отчет о них.

«Относительно газет, у меня есть только с марта месяца «Петербургские Ведомости». Писарева*) хотела мне подарить [с] № 1 до марта; если это нужно вам теперь, то я распоряжусь, чтобы вам выслали. Что касается до «Отеч. Зап.», то, я думаю, в Смоленске получите их от Друцкой.

«Я сегодня вечером побеспокою Бородаевского**). 1. У меня вышло недоразумение, которое я думаю раз'яснить через него. В торговых делах нужна простота и ясность, а он как нельзя лучше отличается этими свойствами, потому я и дам ему поручение передать мой счет. 2. Не знаете ли вы, кто была урожденная теперешняя m-me или г. Фольк. Выясните ее родство прежнее, не по мужу; мне бы очень хотелось; потому, если вспомните, напишите скорее. Она также не чужда возобновлять старые связи, но я бы была очень рада узнать ее происхождение, тем более, что Фольков, как Ивановых, много».

---

*) Писарева — это Вера Ивановна Писарева, сестра знаменитого критика, вращавшаяся во 2-й половине 60-х годов в революционных кругах Петербурга. **Б. К.**

) О Бородаевском нам не удалось найти никаких сведений; Солодовникова при допросе показала, что не была с ним знакома. О Фольке мы будем говорить ниже. **Б. К.

II.

Из письма Н. Д. Кипиани В. А. Черкезову.

«...Взгляды ваши на нашу молодежь я не вполне разделяю; мне кажется, что вы делаете много чести ей, говоря, что «в них явится готовность делать дело и решимость итти в огонь, когда раздастся голос, когда найдется человек, который бы вел их» *). Это было бы еще утешительно. Пока не то, как мне кажется; пока молодежь эта,—я говорю о большинстве, — отзубривает горловские или редкинские лекции **), играет в стуколку или преферанс, отплясывает у Марцынкевича ***) и ругает нескольких ведущих не такую милую жизнь. Там,—вашей молодежи только руководителя, и с ним она будет хоть куда; там бороться нечего, нужно учить. А с этими комиссия! Никак не оторвешь их от алхимии Горлова. Впрочем, слово никак тут, пожалуй, неуместно: пришлось бы опустить руки, если бы не было надежды на выбитие из молодых голов ерунды всякого рода. Положение нашей молодежи выражается в трех словах: не двигает мозгами. Условия, в которые она поставлена, все направлены к тому, чтобы она не двигала мозгами и удовлетворялась лекциями, биллиардной игрой, плясками и оргиями у Марцынкевичей и остротами друг над другом. С этими условиями трудно бороться, и вы правы, думая, что из сходок, пожалуй, ничего не выйдет. Я также опасаюсь, чтоб наши сходки не кончились ничем. Расскажу вам историю теперешнего нашего движеньица.

Одному молодцу,—из приехавших в этом году,—пришла в голову мысль предложить «старикам», т.-е. товарищам своим, живущим здесь уже несколько лет, — собираться друг у друга, сообщаться друг с другом и т. д. «Старики» нашли, что следует этой мысли дать осуществление. С месяц

---

*) Курсивом — подчеркнутое автором. **Б. К.**

) Горлов, Ив. Яков., проф. политической экономии Петербургского университета. — Редкин, Петр Георг., проф. энциклопедии права того же университета. **Б. К.

***) Марцынкевич — содержатель популярных в то время в Петербурге танц-классов. **Б. К.**

тому назад собрались мы первый раз в числе человек тридцати, потолковали о том, как произвести и организовать общение между нами. Дело, которое нас интересовало, к которому мы стремились, было об'единение пока, по крайней мере, кавказской молодежи. Толковали, спорили, кричали, как и всегда бывало у нас, очень много; но в этом хаосе можно было заметить два мнения, две стороны: одна настаивала на том, чтобы положить собираться без всякой заранее определенной цели, просто для того, чтоб встретиться с другими; сторона эта приводила такого рода соображения: если несколько молодых людей будут, положим, раз в неделю, в определенный день, собираться, то непременно нужно ожидать, что возникнет что-нибудь—касса ли, библиотека ли, или что другое подобное,—из еженедельных столкновений молодых людей разного калибра. Другая сторона требовала, чтоб теперь же была назначена цель, которую должны будут преследовать собирающиеся, теперь же было указано дело, которым они должны будут заняться: устройство кассы или библиотеки. Большинство оказалось на первой стороне, и так было и решили: разбиться нам на несколько кружков,—в каждом человек по 10,—собираться каждому кружку каждую неделю по субботам, и для предотвращения замкнутости в кружках, по воскресеньям собираться членам разных кружков по два или по три от каждого кружка. Но независимо от этих кружков и независимо от дела об'единения, сторонники второго мнения решили устроить кассу: Хамашуридзе, Антонов, Лордкипанидзе и вообще интеллигенция нашей молодежи хотят основать частную, свою кассу, состоящую из людей, знающих и полагающихся друг на друга. Постепенно думают они впускать новых лиц в состав кассы и таким образом расширить ее на всю кав-к[азскую] молодежь. Дело хорошее, но — касса сама по себе занимает меня, как атрибут организованного об'единения молодежи, как принадлежность. Другого значения, как, например, значения средства для об'единения или значения цели об'единения, — касса по моему не имеет. Поэтому, я не придаю такой важности кассе, какое придают Хам[ашуридзе], Ант[онов], Лордк[ипанидзе] и пр. Дело,

которое мы должны преследовать в наст[оящее] время, обширнее: нам нужно расшевелить себя, организоваться и потом уже, организовавшись, устраивать все, что мы найдем нужным, отвечающим нашим потребностям: кассу, библиотеку, чтения и мало ли что!

Но интеллигенция занялась кассой, интеллигенция проводит время на сходках, в спорах о том, на каких условиях выдавать ссуды, и о тому под[обных] мелочах, и дело об'единения может, конечно, лопнуть.—Впрочем, и предсказывать пока нельзя ничего.

Вся наша беда состоит в том, что мало у нас, в нашей среде, людей, могущих помочь нам: неск[олько] человек, от которых следовало бы ожидать способности и готовности вести дело, напустили на себя какую-то совершенно непонятную мне благонамеренность и носятся с нею; например, Хамашуридзе, которого я считаю способным влиять на товарищей, дошел в своей благонамеренности до того, что настаивает, ставит условием sine qua non требование устроить кассу на ростовщичьих началах: выдавать ссуды под залог, но с небольшим процентом. Последнее время он уступил немного своим противникам и требовал, чтоб касса выдавала ссуды, вспомоществования или стипендии за труд, в виде рабочей платы. Требование это не менее первого странно.

Сегодня предстоит нам первый раз собраться по кружкам. Завтра предполагается собраться нескольким по делу кассы. Перспектива неутешительная, но унывать было бы, конечно, глупо.

В другой раз я расскажу вам обстоятельно о планах, кот[орые] имеет в виду осуществить неск[олько] человек и в том числе я. Дело в том, что нам не приходится оправдывать на деле русскую поговорку: один ум хорошо, а два лучше. Об'единение—дело серьезное, и нам необходимы советы, советы людей, смотрящих на дело со стороны.

Напишите, не проходят ли письма, адресуемые к вам, цензуру известного рода».

III.

Из письма Н. Д. Кипиани отцу—от 26 января 1868 г.

«В Петербурге нашей молодежи в университете, в медицинской академии, в технологическом институте и в других высших учебных заведениях человек около 60-ти, считая тут грузин, армян и русских кавказцев. Я знаком, по крайней мере, с 50-ю. Все мы дети одной земли, всем нам придется служить одному краю, действовать на одной арене; между тем единства между нами нет никакого, — общения никакого. Разрозненны мы совершенно. Это и само по себе неутешительно и мешает нам всем, каждому из нас достигать тех целей, для достижения которых каждый из нас и приезжает сюда; разрозненность тормозит наше развитие. С тех пор, как я в Петербурге, я был свидетелем таких фактов. Приезжает сюда молодой человек для поступления в университет, приезжает он с целым запасом надежд, как водится, в готовностью учиться, развиваться, с горячими стремлениями и т. д. Между тем сойтись он близко может только с теми, с которыми был знаком в Тифлисе, с 2—3 из 60-ти или 80-ти. Случится, что эти двое-трое — люди свежие, способные отозваться на горячие надежды и стремления приезжего, способные направить пыл его и т. д., случится это— хорошо. Но это будет делом случая. Большею частью бывает так, что молодой человек, кипящий и ищущий развития, попадает в общество спокойно зубрящих и отзубривающих профессорские лекции и не имеющих ни до чего другого никакого дела, в общество будущих чиновников. Молодой человек пообрезывает себе крылья, жар в нем остывает, и он идет по тому же пути, по которому пошли его приятели: зубрит лекции, равнодушен или плюет на все остальное,— одним словом, перестает быть человеком и становится кандидатом в будущие аккуратные чиновники. Это один пример акклиматизации свежей натуры, пример не из самых возмутительных. Так делается постоянно, и жизнь нашей здешней молодежи нафабриковала при мне порядочно бездушных умников. Нужно устроить так, чтобы каждый из нас имел возможность сойтись с людьми по душе,

чтобы каждый мог избежать заедающих влияний. Но пока мы это устроим, пройдет еще много времени и много воды утечет. Общения мы достигнем постепенно, при помощи разных средств, имеющих общий для всех нас интерес. Одно из таких средств — касса, которую мы и устраиваем теперь.

Большинство из нас—люди, перебивающиеся кое-как, не имеющие обеспечивающих средств, люди несостоятельные. Мы должны найти средства поддержать таких, дать им возможность продолжать свои занятия. Многие из нас, хоть и со средствами, но получают эти средства неаккуратно, часто нуждаются в ссудах. Надо и таким доставить возможность найти деньги, когда почему-нибудь запоздало их получение из дому. Вместе с этим письмом я посылаю тебе правила нашей кассы, комментатором которых в случае надобности будет служить тебе Месхи *). А здесь мне хочется рассказать тебе историю нашей кассы, так как устройство ее близко касается меня.

В октябре или чуть ли не в конце сентября одному из недавно приехавших молодых людей, заставших нас в разрозненности, пришла в голову мысль предложить нам устроить как-нибудь общение: устроить, чтоб мы собирались друг у друга в свободные от занятий дни, раз в неделю или хоть реже. Говорил он об этом с несколькими из нас, в том числе и со мной. Мы приняли его предложение с сочувствием, конечно, и решили собраться человекам 15-ти—20-ти потолковать, как устроить это общение.

Собрались, шумели, как водится, кричали, горячились, но порешили тем, что нужно прежде всего устроить кассу. На этом собрании выделилось два мнения: одни требовали с самого же начала устроить кассу и потом организовать общение, другие, в том числе и я, настаивали на том, чтоб организовать общение, т.-е. устроить кружки и собираться правильно периодически,—а там непременно возникнет что-нибудь,—думали мы,—касса ли, библиотека ли, товарищество ли переводчиков с русского на грузинский язык или что другое подобное. Первое мнение одержало победу. Потом

---

*) Месхи — петербургский студент, ехавший в Тифлис; с ним Кипиани намеревался отправить настоящее письмо отцу. **Б. К.**

собрались несколько раз по несколько человек порассудить о том, как устроить кассу. Порешили учредить кассу человекам десяти или пятнадцати, а потом вводить новых членов и таким образом расширить кассу на всех. Число членов-учредителей оказалось потом 20 человек, список которых я также посылаю тебе. Представили два устава: один — Лордкипанидзе, другой—Хамашуридзе, Антонов и Абдушели. Собрались человек 15 опять—рассматривать уставы. Оба оказались совершенно неудовлетворительными. Проект Лордкипанидзе имел в виду преимущественно получающих неаккуратно, проект Хамашуридзе и К° имел в виду работу для несостоятельных. Большинством голосов отвергли и тот, и другой. Для выработки устава назначили комиссию из четырех членов-учредителей: Цагарели (студент университета, филолог), Симоновича (сын глухонемого, натуралист), Джапаридзе (юрист, приехавший в этом году) и меня. Комиссия должна была выработать новый устав, имея в виду два забракованных устава, и мнения, которые высказывались по поводу их. Секретарем своим комиссия назначила меня, т.-е. возложила на меня составить устав и сама предоставила себе рассматривать его. Нас торопили, и мы должны были кончить свои занятия в одну неделю. Назначили собраться учредителям рассмотреть устав комиссии; мы явились с решимостью защищать всеми силами наш устав против нападок, которые ожидались со всех сторон. Пришлось много кричать, много спорить, пришлось другой раз собраться для рассмотрения нашего устава, третий раз, четвертый, но устав все-таки прошел в существенных своих основаниях, хоть и пришлось нам уступить многое, изменить большую часть правил. Устав вышел немного бестолков, но хорошо, что пришли к чему-нибудь. Учредители из'явили благодарность комиссии, а комиссия в свою очередь заявила, что всего больше работал над проектом устава—я. Приступили к выбору кассира. Предложили Лордкипанидзе, но этот отказался, потому что ему предстояли экзамены на кандидата по юридическому факультету. Предложили меня, но я отказался на том основании, что не научился еще своих дел вести денежных, а дел кассы вести подавно не могу.

Предложили Цагарели, но этот сказал, что не умеет вести счетов, заправлять делами и т. д. Тогда решили выбрать Цагарели кассиром, как хранителем денег, а меня, как заправляющим теоретической частью кассы, помощником кассира. Накануне нового года учредители собрались—во 1-х, встретить новый год, во 2-х, вместе с тем открыть кассу. Итак, наша касса существует с 1-го января 1868 года.

Составляется касса из единовременных и ежемесячных взносов своих членов, но сколько бы нас ни было, сумма наших взносов не может одна удовлетворить назначению кассы. Поэтому мы рассчитываем на сочувствие известных нам посторонних лиц, на пожертвования от почетных членов. Кстати, расскажу тебе столкновение наше с кн. Ал. Орбелиани *). До него как-то дошло о нашей кассе, и он выразил желание познакомиться с делом и принять участие в качестве почетного члена. Мы послали ему правила и список членов и предложили ему для переговоров пригласить к себе кассира и sub-кассира, т.-е. Цагарели и меня. Лежали у него наши правила довольно долго; в это время он сделался нашим героем дня: только и говорили, что об Орбелиани, только и рассуждали мы о его пожертвовании. Пригласил, наконец, он нас. Но говорил с нами так политично, что один из нас вышел совершенно очарованный, другой—я—вышел, повесив нос. Повел турусы на колесах, толковал о своем сочувствии, советовал нам обратиться к Милютину **), пригласив его быть почетным членом нашей кассы,—но вел разговор в таком тоне, как будто все дело кассы зависит от него: правил наших и не читал, о том, зачем мы к нему пришли, не потрудился дать себе какое-нибудь понятие. Одним словом, человек из рук вон бестолковый, и бестолков вышел и визит наш. Я настаивал с самого начала не иметь дела с Орбелиани, приводил соображение, что земля не клином сошлась и что можно обратиться за сочувствием и поддержкой к людям, которые в самом деле способны сочувствовать нам и т. д. Оказалось, что я был прав, — решили, что

---

*) Кн. А. Орбелиани был флигель-ад'ютантом Александра II. **Б. К.**

) Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912), военный министр с 1861 по 1881 г. **Б. К.

нечего вести переговоры с Орбелиани, что если пожертвует что-нибудь — хорошо, принять; а не пожертвует — ничего, бог с ним».

IV.

Из показаний Н. Д. Кипиани в следственной комиссии.

«Под организованным об'единением молодежи я разумел такое положение молодежи, в каком она находилась до студенческих беспорядков 1862 года *). Я полагал, что молодежь должна составлять корпорацию и корпорация эта должна делиться на отдельные части, как это существует в германских университетах и дерптском. Цели, которые должна бы была преследовать молодежь, были, по моему разумению, следующие: выхлопотать у университетского начальства исходатайствование пред высшим начальством права иметь студентам кассы, библиотеки студенческие, право устраивать и наблюдать выборным от студентов за этими кассами, библиотеками. Кроме того, под организованным об'единением молодежи я разумел такое положение молодежи, когда стипендии, вспомоществования, освобождение от платы за слушание лекций — присуждаются нуждающимся всеми студентами или их депутатами. В таком случае каждый факультет и каждый курс имел бы своего депутата. Устройство музыкальных вечеров и другие средства собирания денег в пользу нуждающихся студентов зависело бы и велось бы при организованном об'единении университетской молодежи депутатами студентов. Также и издание университетских лекций г.г. профессоров».

---

*) Явная ошибка. Кипиани имеет в виду беспорядки, разыгравшиеся в Петербурге в сентябре и октябре 1861 года. **Б. К.**

V.

Письмо И. И. Бочкарева М. О. Антоновой *).

Ос[ташков], 22 ап[реля] 1869 г.

Невиноватый ни душой, ни телом, я попал в Осташков, как личность «подозрительная и весьма упорная» и с этакою-то рекомендацией и был переслан на распоряжение здешнего исправника. Конечно, вы скажете, и поделом, не упорствуй, — но дело в том, что мне не в чем было сознаваться, да и сама следственная комиссия не верила тому ужасному и нелепому обвинению, по которому я попал под следствие. Если бы вы могли допустить хотя тень способности во мне к делам, в которых меня заподозрела с[ледственная] ком[иссия], то вы никогда не протянули бы мне свою честную руку, так что, я думаю, или вы ничего не слышали, или ничему не верите... Я впоследствии напишу вам что-нибудь потолковее, теперь скажу только, что живется худо, — нет ни книг, ни знакомства, да и здоровьем плох, доктор советует ехать в деревню (грудь у меня расстроена), а исправник не пускает за черту города. Послал губернатору докладную записку, не знаю, что будет, напишу впоследствии; только вы, пожалуйства, уведомляйте меня о перемене адреса.

---

*) Письмо воспроизводится с подлинника, находящегося в деле III отделения, 3 экспед., 1869 г. № 112, ч. 1, л. 239. — Марья Осиповна Антонова в 1868—1869 г. г. принадлежала к революционному кружку, группировавшемуся в Москве вокруг Ф. В. Волховского. В апреле 1869 года арестована по нечаевскому делу; по недостатку улик следствие по отношению к ней было прекращено. В 70-х г. г. Антонова, вышедшая замуж за Волховского, входила вместе с ним в одесское отделение кружка чайковцев; в 1877 г. умерла за границей. — Надо думать, что Бочкарев, когда писал письмо Антоновой, допускал возможность, что оно может попасть в руки жандармов. Этим об'ясняются его уверения, что ему „не в чем было сознаваться“ перед следственной комиссией. Письмо Бочкарева весьма любопытно, как доказательство того, что Бочкарев (и вероятно „Сморгонская академия“) находился в сношениях с московским кружком Ф. Волховского и Антоновой. По свидетельству самой Антоновой, она приезжала в Петербург весной 1868 г. и познакомилась тогда же с Ткачевым. Возможно, что к этому же времени относится знакомство ее и с кружком „Сморгонская академия“.

Плох, очень плох, хотя иногда и высказывает хорошие порывы, которых ни к делу приложить, ни отстоять в споре не умеет, путаник — одно слово *). Он или физически расстроен, или просто глуп; судите сами, вот вам факт: он был стипендиатом и по его положению должен был покончить как можно скорее с наукой, а он бил два года баклуши, почему и не выдержал экзамена, и это в то время, когда его братья заинтересованы его успехами. Другой факт: он почти в это же время (когда провалился) стал в неловкое отношение к о б щ и н е **), но я не помню причины и не знаю, чем это кончилось.

Ну, д о с в и д а н и я, М. О., только, кажется, мы злоупотребляем этим словом ибо... а впрочем никто, как бог.

И. Б[очкарев].

VI.

Дело Ф. Д. Гриднина.

Заграничные поездки Бочкарева были не единственной попыткой русских революционных кружков того времени связаться с эмиграцией, и в частности с Элпидиным.

В конце 1869 или в начале 1870 г. III отделению путем перлюстрации стало известно содержание двух писем, отправленных Элпидину из Петербурга домашним учителем Федором Дмитриевичем Гриднины.

Содержание этих писем показалось чиновникам III отделения подозрительным. Гриднин писал в них о каком-то «социальном деле», о производившихся в Петербурге арестах, о продаже сочинения Чернышевского «Что делать?» и между прочим просил Элпидина прислать ему «стрихнин» или «синильную кислоту». 9 февраля 1870 г. Гриднин был арестован. На допросе он дал весьма уклончивые показания. Он об'яснил, что причиной его переписки с Элпидиным, с которым он случайно познакомился в бытность свою в Же-

*) Эта фраза отчеркнута, и на полях рукою чиновника III отделения Филиппеуса написано: «кто?». *Б. К.*

**) Подчеркнуто автором письма. *Б. К.*

неве в начале 1869 г., было то, что Элпидин обещал принять участие в журнале, который Гриднин собирался издавать по возвращении в Россию. Убедившись в том, что Элпидин добивался лишь присылки ему денег, которые предлагал собирать продажею сочинений Чернышевского, Гриднин, якобы, решил прекратить сношения с Элпидиным, но боялся сделать это разом, так как Элпидин грозил ему опубликовать его шпионом. При этом Гриднин прибавил, что стрихнин или синильную кислоту он просил прислать для того, чтобы иметь при себе на каждый случай верное средство покончить с собой, в виду того, что домашняя его обстановка и постоянные неудачи в предприятиях повергали его в отчаяние, и он готов был убить себя.

Можно весьма сомневаться в искренности Гриднина. Однако, для нас важно отметить то, что представляется в его деле совершенно несомненным, а именно: во 1-х, что Гриднин виделся с Элпидиным в Женеве, во-2-х, что он распространял в Петербурге изданное Элпидиным «Что делать?» Чернышевского, и в 3-х, что он по возвращении в Петербург поддерживал переписку с Элпидиным.

Следственные власти, разбиравшие дело Гриднина, находя, что он «распространял только роман «Что делать?», который по своему содержанию не соответствует преступным сочинениям, упоминаемым в 251 и 252 ст. улож. о наказ. и имеющим целью возбудить к бунту или же подвергающим сомнению неприкосновенность прав верховной власти», постановили прекратить следствие о Гриднине, установив негласное наблюдение за ним.

К счастью, мы располагаем кое-какими сведениями о поездке Гриднина, значительно дополняющими его показания. Мы имеем в виду воспоминания Е. В. Корша, сына редактора «С.-Петербургских Ведомостей». Е. В. Корш, вращавшийся в радикальных кругах петербургской молодежи конца 60-х годов, был знаком с Гридниным, игравшим в этих кругах заметную роль. Надо, однако, сказать, что в воспоминаниях Корша многое напутано, вследствие чего ими нельзя пользоваться без критической поверки.

Из воспоминаний Корша мы узнаем, что Гриднин, внебрачный сын известной в свое время балерины Рюхиной, человек в материальном отношении обеспеченный, был знаком с Ткачевым и Нечаевым. От Ткачева под большим секретом Корш узнал о поездке Гриднина за границу. Он отправился туда, по словам Корша, «парламентером к русскому эмигранту Элпидину от кружка сотрудников запрещенного журнала «Русское Слово», мечтавшего о продолжении издания в Женеве, если не «Колокола» Герцена, то его «Полярной Звезды». Элпидин, как издатель, казался этому кружку подходящим для того человеком. У него имелась русская типография, был под рукой остаток знаменитого бахметьевского «общего фонда», переданного сыном Герцена в распоряжение молодой русской эмиграции... Об этом проекте в Петербурге знали очень немногие». Возвращаясь в Россию, Гриднин провез с собою изданное Элпидиным «Что делать?» Корш посетил Гриднина по возвращении из-за границы и так передает рассказ последнего относительно его поездки:

«Элпидин категорически ответил мне, что не рискнет явиться заместителем Герцена. И он прав. В русской эмиграции идет теперь такая разладица, что об'единить ее совершенно немыслимо, особенно под знаменем Герцена, которого почти все молодые эмигранты считают теперь талантливым буржуем в социалистическом плаще, который никого уже обмануть не может. Даже Бакунин, вчера еще восторженно отзывавшийся и о личности, и о деятельности Герцена, сегодня признает, что пропаганде Герцена прошло время и теперь нужна другая речь, более революционная, решительная и боевая. В Женеву ждут новых людей, которых должен отбросить в эмиграцию нечаевский процесс» *).

В этом сообщении бросается в глаза ряд неточностей и анахронизмов. Нельзя говорить о связи поездки Гриднина с закрытием «Русского Слова», погибшего еще в 1866 г. и тогда же замененного журналом «Дело». Неверно сообщение

*) Е. В. Корш. Брызги памяти. „Истор. Вестн.“, 1911, № 10, стр. 152, 166—167.

о бахметьевском фонде: Элпидин не имел к этому фонду никакого отношения.

Рассказ Корша в одном весьма существенном пункте расходится с показаниями Гриднина. По свидетельству Корша, Гриднин имел в виду основать русский журнал за границей. По словам же самого Гриднина, он намеревался издавать журнал в России и думал привлечь Элпидина в качестве сотрудника. Мы полагаем, что рассказ Корша более правдоподобен. В литературном отношении Элпидин был величиной весьма сомнительной, и вряд ли кому-либо могло притти в голову привлекать его к сотрудничеству в журнале, выходящем в России. Напротив того, как владелец русской типографии за границей, он представлял большой интерес для тех, кто думал об издании русского зарубежного журнала.

По словам Корша, о заграничной поездке Гриднина был хорошо осведомлен П. Н. Ткачев. Если мы вспомним, что, по свидетельству Черкезова, передаваемому Неттлау, Ткачев имел отношение к «Сморгонской академии», то возникает вопрос: не по поручению ли этого кружка Гриднин *) вел переговоры с Элпидиным? К сожалению, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают возможности ответить на этот вопрос.

VII.

Программа революционного журнала.

30 ноября 1869 г. в Петербурге в связи с нечаевским делом был арестован губернский секретарь Иван Иванович Билибин. Не впервые он привлекал к себе внимание жандармов. Еще в 1866 г., когда он служил в известном книжном магазине А. А. Черкесова, он подвергался обыску в связи с каракозовским делом.

При аресте Билибина в 1869 г. у него была отобрана рукописная программа какого-то журнала революционного

*) Впоследствии Гриднин издавал журнал „Искусство“ (в Петербурге, в 1883—1884 г. г.) и газету „Театр и Жизнь“ (в Москве, в 1884—1894 г.г.). Умер Гриднин в Москве 20 ноября 1916 г.

направления. Первоначально Билибин заявил, что не помнит, откуда попала к нему эта программа, но затем показал, что это — программа французского журнала «Марсельеза», издающегося в Париже Рошфором, и что получил он ее от своего знакомого Н. Ф. Даниельсона (впоследствии известного экономиста, писавшего под псевдонимом: Николай-он). Даниельсон также был привлечен к нечаевскому делу и при допросе подтвердил ссылку, сделанную на него Билибиным.

«Относительно программы, найденной у Билибина, — показал он, — я знаю следующее: так как Билибин был одним из редакторов журнала «Библиограф» *), а в этом журнале разбирались как научные книги, так и периодические издания, то он доставал программы различных периодических изданий, между прочим, достал и ту, которая была у него найдена, именно программу Рошфора, которую и просил меня перевести на русский язык с целью разобрать в «Библиографе» **).

Так как в действиях Билибина и Даниельсона «никакой связи с злоумышлением Нечаева не усматривалось», следствие о них было прекращено и они от ареста освобождены.

Ознакомление с программой журнала, отобранной у Билибина, не оставляет никаких сомнений в том, что это была программа вовсе не «Марсельезы», а какого-то неосуществившегося русского журнала ***). Вместе с этим ясно, что журнал с такой программой издаваться в России того времени, с ее тяжелыми цензурными условиями, не мог. Это заставляет думать, что программа журнала была составлена в расчете на то, что он будет издаваться за границей. А раз так, то является предположение, не была ли эта программа

---

*) „Библиограф“ — журнал, выходивший в Петербурге в 1869 г. под редакцией М. Ф. Негрескула (также привлекавшегося по нечаевскому делу) и при ближайшем участии тестя Негрескула—П. Л. Лаврова.

**) Дело III отделения, 3 экспед., 1869 г. № 115, ч. 4, л. 17.

***) Характерно, что следователи пытались сравнить эту программу с программой „Марсельезы“, но таковой ни в III отделении, ни в Комитете иностранной цензуры не оказалось. Очевидно, они не дали себе труда ознакомиться с программой, отобранной у Билибина; иначе им и без сравнения ее с программой „Марсельезы“ было бы ясно, что показания Билибина и Даниельсона не соответствуют действительности.

программой того журнала, издание которого за границей проектировал Ф. Д. Гриднин (см. приложение VI).

Как бы то ни было, программа эта, с ее ярко выраженным анархистским характером, является документом, весьма характерным и интересным.

Программу эту мы воспроизводим по копии, сохранившейся в деле III отделения, 3 экспед., 1869 г. № 115, ч. 10, л.л. 102-103.

Главная цель журнала состоит в пропаганде политического, экономического, умственного и нравственного освобождения народа.

1. Под политическим освобождением он понимает верховное право народа располагать своей судьбой, следовательно, полнейшее уничтожение всякого государства, как учреждения, стремящегося ограничить это право. Следовательно, абсолютная автономия местностей, не только губерний и уездов, но и отдельных общин, где всякий имеет право голоса. Где несколько общин имеют в виду достижение одной общей цели, так для выполнения ее избирается известное число лиц (смотря по обширности и важности цели). Уничтожение регулярного войска, как одного из главнейших тормазов достижения политического освобождения, и введение правил. всеобщего вооружения.

2. Под экономическим освобождением понимается полнейшее уничтожение всех посредствующих лиц между потребителем и производителем, т.-е. достижение такого экономического устройства, в котором производитель был бы полнейшим хозяином своего труда, следовательно, уничтожение арендаторов и фабрикантов. Другими словами, стараться поставить всех подобных посредников в такое положение, чтобы они или примкнули к партии труда, либо им предоставлялась бы голодная смерть. Средством для достижения этой цели может быть отдача земли в пользование производителям, но не на правах частной собственности. Уничтожение подушного и иных налогов и замена их такими, которые отдельные общины найдут для себя наиболее выгодными, но только никак не косвенных. Устройство все-

возможных артелей, как земледельческих производителей, так и потребителей, при настоящем устройстве, может служить только школою, а не есть конечная цель, поэтому и устройство их желательно в этом смысле. Эксплуатация земли, сил природы, рудников, копей, железных и иных дорог, телеграфов и т. п. принадлежит безраздельно общине.

3. Под умственным освобождением понимается освобождение народа от авторитета ума, как опаснейшего из всевозможных авторитетов. Для достижения этой цели рекомендуется даровое обязательное воспитание. Соединение умственного образования с практическим (землед., фабричн., ремеслен.). Абсолютная свобода прессы.

4. Наконец, под нравственным освобождением понимается полнейшая свобода религиозных и нравственных убеждений. Отделение религиозного от умственного воспитания.

Принимая все это во внимание, журнал распадается на следующие отделы:

а) на б е л л е т р и с т и ч е с к и й: романы, повести, рассказы, стихотворения, так или иначе развивающие или об'ясняющие вышеизложенное.

б) э к о н о м и ч е с к и й: статьи строго научного характера и, как пособие для уяснения 2-го параграфа программы, рабочее движение на Западе и в С. Америке.

в) п о л и т и ч е с к и й: и здесь по возможности большее уяснение отношения западно-европейского рабочего ко всем политическим партиям.

г) статьи по с о ц и а'л ь н ы м в о п р о с а м высшего порядка: женский, по воспитанию.

д) в н у т р е н н е е о б о з р е н и е, корреспонденции и статьи из губерний, относящиеся до 4-х параграфов программы, также общее обозрение разных губерний.

е) к р и т и ч е с к и й. В этом отделе также должно быть обращено внимание по преимуществу на книги и статьи повременных изданий как русских, так и иностранных, подходящих под программу журнала.

ж) б и б л и о г р а ф и ч е с к и й: перечень важнейших книг, вышедших в России и за границей, и по возможности с кратким изложением содержания и отзывы о них (разумеется, выбор книг также должен подходить под программу издания).

Всякая полемика по возможности устраняется.

Именной указатель

А.

Абдушелли-Швили, Давид Никол., студ. — 23, 172.

Азеф, Евно Фишел., провокатор — 118.

Аксаков, Иван Серг., славянофил, писатель. — 45, 118.

Аларчинские курсы. — 19.

Александр II, император — 9, 12, 23, 123, 151, 154, 173.

Александров. — 149.

Аметистов, Евлампий Вас., студ., нечаевец. — 136, 150.

Аметистов, Иван Вас., студ., нечаевец. — 136, 150.

„Ан. Ал.“, см. Макеев, Андр. Александрович.

Андреев, В., участник омладинской скупщины. — 45, 46, 54.

Анпилогов, судебный репортер. — 80, 82.

Антонов. — 36.

Антонов, Ник., студ. — 28, 36, 168, 172.

Антонова, Мария Осиповна, революционерка. — 175, 176.

Апостолов, Николай Николаев. — 159.

Аргус, см. Веселитский и Бодидарович, Г. С.

Аронжелович, польский эмигрант. — 101.

Б.

Бакунин, Мих. Ал-ндр., знаменитый писатель. — 40, 75, 78, 117, 118, 143, 150, 178.

Баллод, Петр Давыд., студ. — 35

Баумгартен, мировой судья. — 67, 68, 77, 81, 85.

„Безногий“ («Кривоногий»), вымышленная фамилия. — 91, 101, 103.

Белинский, Виссар. Григ., писатель. — 101.

Бенни, Артур-Виллиам Иван., литератор. — 113.

Березовский, польский революционер. — 146, 148.

Берье, см. Фурье.

Бибикова, Анна Иван., генеральша. — 26, 71.

Бибиков, П. А., публицист. — 26.

Билибин, Иван Иван., чиновник, привл. по нечаевскому делу. — 179, 180.

Блан, Луи, франц. социалист. — 132.

Бобарыков, Ив. Ив., офицер, нечаевец. — 126—128, 138, 139.

Бобарыкова, Юлия Валент., участница нечаевского кружка. — 21, 22, 127, 128, 139.

Боборыкин, Петр Дмитр., беллетрист. — 26.

Богучарский, Вас. Яковл. — 123, 138, 158.
Бокль, Томас, историк.—67, 82, 83.
Борисов, Феофан Алекс., каракозовец. — 125, 129, 130 — 135, 148 — 150, 152.
Бородаевский. — 166.
Бочкарев, Иван Ив., революционер. — 18, 25, 27 — 32, 34 — 40, 44, 45, 47, 48, 51 — 53, 56, 78, 85—98, 102—122, 135, 143—145, 155 — 160, 163, 175, 176.
Бошкович, Стоян, сербск. профессор. — 39, 51.
Браунер, Франц Августович, чешский адвокат, политич. деят. — 39.
Булгаков, Вас. Вас. — 12.
Булгаков, Степ. Вас.—11, 12.

В.

В. см. «Вос и Ко».
Веселитский (Божидарович, Гавр. Серг.), публицист. — 45.
Венгеров, Семен Афан., историк литературы. — 26.
Висконти, М. — 111.
Викторов - Топоров, В., журналист. — 44.
Волков, Н., см. Майнов, И. И.
Волховской, Феликс Вадим., революционер. — 9, 175.
Вормс, Николай Ал-ндр., поэт. — 21, 127.
Воронцова (урожд. Коведяева), Любовь Егоровна, привл. по делу Нечаева. — 136.
„Вос и Ко“ (Воскресенский), конспиративн. название революц. группы. — 27, 34, 36, 119.
Воскресенский, Дм. Алексеевич, каракозовец. — 119, 120, 125 — 130, 134 — 137, 139 — 143, 147, 162.

Г.

Гарашанин, Илья, сербский министр. — 40, 47.
Гарибальди, Джузеппе, итальянский революц.—42.
Гаспарен, Агенор, французск. политический деятель. — 87.
Герцен, Ал-ндр Ив., знаменитый публицист. — 11, 21, 26, 34, 42, 57, 72, 77, 79, 86, 96, 98, 99 104, 110, 178.
Гижицкий, Евгений Казим., студ.— 113.
Голенищев - Кутузов, Петр Аркадьевич, гр. — 45.
Голицин, Н. Н., князь, историк. — 112.
Гольденберг, Лазарь, революц. — 136, 137, 150.
Гончаров, Николай Петрович, студ. — 137, 138, 147.
Горизонтов, Иван Парфен, студ., журналист. — 129.
Горлов, проф. полит. экономии. — 167.
Горький, Максим (Пешков, Алекс. Макс.), известный писатель. — 160.
Гранж (Grange), прачка. — 75.
Гребенщиков, купец, лаишевский бургомистр. — 11.
Григорьев, Аполлон, литератор критик. — 26.
Гриднин, Федор Дмитриевич, домашний учитель. — 176 — 179, 181.
Груич, Ефрем, лидер сербской либеральной партии. — 46.
Груич, Савва, сербский военный министр. — 44, 117.
Губин, Василий Иванович, делегат московского студенчества на омладинской скупщине. — 45, 46.

Д.

Даниельсон, Н. Д. (Николай-он), известный экономист. — 180.
Данила, черногорский князь.—38.
Даринька, княгиня Черногории.—38.
Дедов, делопроизвод., присяжный повер. — 68.
Дейч, Лев Григ., революц. 70-х г. г., один из основ. группы «Освобождение Труда». — 111.
Джапаридзе, Виссарион, студ. — 23, 172.
Джурич, Дмитрий, сербский офицер. — 44.
Добролюбов, Николай Ал-ндров., известный критик 60-х г.г.—132.
Драгоманов, М. И., редактор женевской газ. «Вольное Слово».—45.
Друцкая-Соколинская, Наталия Ник. — 165, 166.
Дунаев, А. Н. — 159.

Е.

Езерский, Степан Венедиктович, студ. — 22, 23, 35, 165.

Ж.

Жеманов, Семен Яковлевич, эмигрант, привл. по делу о «Казанском заговоре». — 40, 70, 71, 74, 86—88, 91, 93, 94, 100, 108, 110.
Жигмановский, Евграф Дмитриев., студ. — 125, 126, 137, 141.
Живансель, натуралист. — 64.
Жужницкий, эмигрант, поляк, офицер. — 70.

З.

Зайцев, Варфол. Алекс., критик и публицист. — 82.
Засулич, Вера Ив., револ. 70-х г.г., одна из основ. группы «Освобождение Труда». — 21, 127.
Засулич, Екат. Ив., сестра Засулич, В. И. — 127.
Знаменский. — 79.
Зотов, В. Ю., писатель. — 26.

И.

Иванов, Ив. Ив., студ., убитый нечаевцами. — 128, 151.
Ивановская, домовлад. в г. Смоленске. — 165.
Ивановская (Короленко), Евдокия Сем., революц. — 157.
Ивановский, эмигрант. — 34, 70, 71, 86.
Изгоев, А. С., журналист. — 158.
Ильинский, Игорь. — 160.
Иованович, Влад., сербский общественный деятель. — 39, 100.
Ишутин, Николай Андр., основ. общества «Организация». — 119, 143.

К.

Кабанский. — 11, 12.
Каракозов, Дмитрий Владимиров., стрелял в Александра II в 1866 г. —8, 9, 19, 79, 80, 119, 126, 130, 143, 146 — 148.
Катин-Ярцев, Николай Никит., студ. — 125, 126, 128, 129, 144, 145, 150, 152, 153.
Карнаухова, М. Г. — 13.
Каролина (Caroline). — 28.
Квеквич, сербский купец, отец Дариньки, черногорской княгини. — 38.
Кипиани, Николай Дмитр., студ.— 18, 22, 24, 167, 170, 171, 174.
Клачковский, студ. — 138, 140.
Клочь, Константин, вымышленная фамилия. — 124.
Кноблох, комендант Нерчинских заводов. — 95.

Кобден, Ричард, англ. полит. деятель. — 42.
Ковалевский, Влад. Онуфр., уч. польск. восстания, проф. — 113.
Коведяева, Любовь Егор., см. Воронцова.
Козловская, Евдокия Захаровна.— 127, 138, 141.
Козловская, Екатер. Захаровна.— 138—140.
Колар, Иосиф - Юрий, чешский беллетрист, драматург и переводчик. — 39.
Колачевская, Анна Николаевна.— 127, 128.
Колачевский, Андрей Николаевич, студ.—128, 140.
Колончалова, княгиня —25.
Конради, Евг. Иван., писательница, обществ. деятельница. — 19.
Консидеран, Виктор, франц. социалист. — 28, 92, 112, 122.
Корба, Анна Павл., чл. Исп. комитета «Народн. Воли».—20.
Корнилова - Мороз, Алекс. Иван., чл. кружка чайковцев. — 20.
Короваев, Николай, учитель гимназии. — 131.
Короленко, Владим. Галактионов., изв. писатель. — 156.
Корш, Е. В. — 177—179.
Крапоткин, Петр Алекс., чайковец, ученый, известный анархист. — 161, 162.
„Кривоногий“, см. «Безногий».
Круглов, Тимофей. — 11.
Крылов. — 136.
Крылов, псевд., см. Орлов.
Кузнецов, Алекс. Кириллович, нечаевец. — 151, 152.
Кун, влад. типогр. — 96.
Кунтушев, Вас. Ив., чл. коммуны «Сморгонская академия»—124—126, 128—137, 141, 144—148, 150, 152.
Кутузов, Петр, гр., делегат моск. студ. на омладинской скупщине. — 45.

Л.

Лавров, П. А. — 180.
Ларионов, Григ. Серг., жандармский полковник. — 34.
Лассаль, Фердинанд, немецкий социалист. — 118, 166.
Лебедев, смотритель замка. — 34.
Левашов, граф, пом. начальника III отд.—134.
Лемке, Мих. Конст. — 11, 26, 57, 77, 79.
Лешерн - фон Герцфельд, С. А., революционер. — 20.
Лопатин, Герман Александрович, революц. — 9.
Лордкипанидзе, Кирилл Бежанович, князь, студ., обществ. деятель.—23, 168, 172.
Луиза. — 89.
Лунский, Евгений, см. Бибикова, А. И. — 26.
Ляпунов, волостн. писарь. — 80.
Ляпунов, учитель. — 64.

М.

Майнов, Ив. Ив. (псевд. Саратовец, Волков, Н.), революц.—153.
Макавеев, Андр. Ал., каракозовец—165.
Макарьев—78.
Маркович, Светозар, сербский социалист—39, 42, 44, 51, 118.
Марцынкевич, содерж. танц-классов—167.
Маццини (Мадзини), Джузеппе, итальянский политический деятель—42.
Мгебров, Леонид, студ.—23.
Месхи, студ.—171.
Мечников, Лев Ильич, писатель, эмигрант.—34.

Милетич, серб, городской голова. —55.
Милютин, Дмитрий Алексеевич, военный министр.—173.
Мирославский.—124.
Михаил, сербский митрополит.—38, 39.
Михаил, сербский князь.—53.
Михайлов, Михаил Илларионов., известный поэт-переводчик, революционер.—8, 13.
Михайлов, см. Шеллер.
Мишла, см. Орфанов, М. И.
Мотич, Дм., сербский министр народного просвещ.—39.
Муравьев, Михаил Никол., граф. —116

Н.

Наполеон I.—34.
Негрескул, М. Ф., редактор журн. «Библиограф».—180.
„Незнакомец“, псевд. см. Суворин, А. С.
Нессельроде, граф.—124.
Неттлау, Макс, анархист., историк.—117, 118, 127, 136, 137, 179.
Нечаев, Сергей Геннадиевич, знаменитый революционер.—8, 9, 22, 78, 128, 137, 145, 148, 152, 162, 178, 180.
Никифоров, Лев Павлович, нечаевец.—127.
Николадзе, Николай Яковлевич, публицист, эмигрант.—34, 40, 70, 71, 74, 86—88, 90—93, 99—102, 106, 108, 110, 116, 121.
Николаев, Петр Андреевич, врач. —125, 149.
Николаевский, Борис Иванович.—118, 121, 136.
Пиколай-он, см. Даниельсон, Н. Д.
Пиколич, серб.—118.

О.

Образцов, 65, 66.
Обренович, Мих., сербский князь.—53, 149.
Огарев, Николай Платонов., поэт, публицист—26, 34
Ольшевский, Иероним, польский эмигрант.—70.
О-р, см. Бочкарев (?).
Орбелиани, Ал., князь.—173, 174.
Орбелиани, Ник., студ.—23.
Орлов, псевд., см. Крылов.
Орлов, Владимир Федорович, нечаевец.—137, 150.
Орфанов, Мих. Иван. («Мишка»), каракозовец.—125, 126.

П.

Палацкий, Франц, чешский историк и политическ. деятель.—39.
Патера, Адольф, чешский филолог.—39.
Пеньковский, Иван Дмитр., студ. —11, 13—16, 19—21, 35, 116, 117, 145, 156.
Пеньковский,—Евграф, чиновник. —11, 13, 14, 16.
Пеньковский, Мих., семинарист,—11, 13.
Перовская, Софья Львовна, член кружка чайковцев, чл. Исполн. Ком. «Н. В.».—20.
Петров, Николай, чиновн.—65.
Печаткин, Евгений Петров., студ. —28, 31, 35, 96, 97, 100, 102, 103, 106, 107, 109, 113, 120.
Печатов (Пучатин), см. Печаткин, Е. П.
Писарев, Дмитрий Иванович, известный критик.—8, 65, 82—84, 136.
Плаксин, Тимофей Радионович. студ.—115, 116

Плеханов, Георгий Валентинович, землеволец, основ. с.-д. гр. «Освобождение Труда»—111.
Погодин, А. А., проф.—43.
Полумордвинов, Аполлон Петрович, студ.—124, 137.
Поляков, жел.-дор. делец.—110.
Попов, студ.—68, 85.
Попович, серб., журналист.—39.
Потемкина, домовлад.—124.
Прокопьев.—68—70, 84.
Пронька-дурачок.—65.
Прудон, Пьер Жозеф, французск. анархист.—132.
Пугач (Пугачев).—14.
Пуки, владелец типогр.—34.
Пучатин (Печатов) см. Печаткин, Е. П.—28, 35, 96.
Пфефер, влад. типографии.—34.

Р.

Р. (П.).—27, 36, 115.
Ралли, Арборе Земфир, нечаевец, бакунист.—152, 153.
Рачковский, Петр Иванович, заведующий заграничной агентурой департамента полиции.—111.
Редкин, Петр Георгиевич, проф.—167.
Рейнштейн, Николай Васильевич, агент III отделения.—156, 157,
Ржониницкий, польский эмигрант,—99.
Робустов, Яков, студ.—129.
Родичев, Ф. И., земец, лидер партии к.-д.—157—159.
Розанов, Иван Глеб., череповецкий мещанин.—56—72, 84—86, 91, 94—96, 100, 101. 107, 109—111, 115, 116, 122, 143, 144.
Рошфор, издат. французского журнала «Марсельеза».—180.
Росницкий, студ.—125, 126.
Рюхина, балерина.—178.

С.

Сажин, Мих. Петр. (Арман Росс,) бакунист, эмигрант.—9.
Самарин, Лев, вольнослушатель петербургского ун-та.—113.
Саратовец, см. Майнов, И. И.
Сафонов, Анатолий, студ.—129.
Сафонов, Леонид, студ.—128.
Секавин.—124.
Семенов, Иван, чиновник.—115.
Сергиевский, Алексей Егорович, студ., каракозовец.—125, 129, 137, 139, 141, 142, 147.
Серебренников, Семен Иванов., влад. типограф., эмигрант,—139.
Серно-Соловьевич, Ал-ндр Александрович, революц.—75, 98.
Симонович, натуралист.—172.
Скабичевский, Александр Михайлович, критик.—18.
Скерлич, Иован, сербск. историк.—42.
Слезкин, начальник моск. губернского жандармского управлен.—148, 157.
Собещанский, Николай, нечаевец. 145, 148—150.
Соколов, П. Н., сельский учитель.—156.
Соколовская, помещица.—129, 130, 132, 134.
Солодовникова, Екатер. Ал-ндр., 17—24, 31—35, 114, 116, 119. 145, 165, 166.
Средневский, В. И.—160.
Стасов, В. В.—19.
Стасова, Над. Вас.—19.
Стахевич, Серг. Григ., студ.—95.
Стеклов, Юрий Михайлович.—95, 118, 136.
Суворин, Алексей Серг. (псевд. Незнакомец), журналист.—33.
Сумароков, домовлад.—141.
Суфщинский, Василий Филиппович.—21, 25—27, 31—33, 96, 114, 116, 116, 119, 120, 125.

Сухотина, Татьяна Львовна, дочь Льва Николаевича Толстого.—159.
Сычева, Устинья,—12.

Т.

Талицкий, конторщ.—78.
Тихомиров, Лев Алекс., народоволец, ренегат.—112, 113.
Ткачев, Петр Никит., революц.—92, 117, 136, 150, 175, 178, 179.
Ткачева, София Никит., сестра П. Н. Ткачева.—19.
Толстой, Лев Николаевич, извест. писатель.—155, 159, 160.
Трепов, Ф. Ф., петербургск. градоначальник.—161.
Троицкий; Иван, студ.—129.
Троицкий, Мих. Петрович, революционер.—124, 129—135, 145—150, 125—154.
Троянский, исправл. должн. русского консула в Сербии.—54.
Трубникова, Мария Васильевна, обществ. деятельн.—19.

У.

У., см. Утин, Н. И.
Умнов, Ив., студ.—11.
Успенский, Петр Гавр., нечаевец.—148, 150.
Утин, Николай Исаак., студ., уч. I Интернационала.— 28, 30, 31, 35, 40, 70, 88, 90, 91, 93, 95—108, 110, 112, 113.

Ф.

Фардякова, см. Козловская, Е. З.
Филиппеус, чиновник III отделен.—176.
Философов, студ.—140.
Философова, Анна Павл., обществ. деятельн.—19.
Фольк, псевд. Элпидина.—16, 22, 28—32, 35, 116, 166.
Фурье, Шарль, французск. социалист.—71, 92.

Х.

Хамашуридзе, студ.—168, 169, 172.
Христофоров, Ал-ндр Христофор., революц., эмигрант.—125.
Худяков, Иван Ал-ндр., студ., писатель, привл. по делу Каракозова.—29, 36, 119, 121, 122.

Ц.

Цагарели, студ.—172, 173.
Цукич, серб. министр внутр. дел.—46, 54, 55.

Ч.

Челокаев, Авель, студ.—23.
Ченснович, польск. эмигрант.—74.
Черкезов, Варлаам Никол. (Джон Асланов.), князь, студ., нечаевец.—23, 24, 2', 36, 117—120, 122, 125, 136, 143, 150, 155, 167, 179.
Черкесов, Ал-ндр Ал-ндр., революц.—113, 179.
Чернышевский, Николай Гаврил., знаменитый публицист—8, 31—34, 42, 43, 57, 60, 71—74, 94, 95, 101, 118, 126, 128, 136, 142, 144, 161, 176, 177.
Чертков, Владим. Григор., толстовец.—159.
Ч-ов—см. Черкезов, В. Н.
Чудновский, С. Л., член кружка «чайковцев».—143.

Ш.

Шеллер (Михайлов), Ал-ндр Константин., писат.—136.
Шилов, Алексей Алексеев.—13.

Шлейснер (Натансон), О. А., чл. кружка «чайковцев».—20.
Шмидт, Мар. Ал-ндр.—159.
Шпильгаген, Фридрих, романист.—83, 166.
Шраг, Илья Людвигов., студ.—139 140.
Штакеншнейдер, Е. А.—19.
Шувалов, граф, главн. начальник III Отделения—80, 161.

Щ.

Щербаков, Алексей Яковлев. — эмигрант—70, 71, 128, 194.
Щербатов, Федор Михайл.—125 126.

Э.

Элпидин, Михаил Констант., привл. по делу о «Казанском заговоре», эмигрант.—11—14, 16, 22, 26, 28—32, 33—36, 40, 57—61, 70—79, 85—96, 99—116, 118—122, 131—135, 143—146, 150, 166, 176—179.
Эмилия—75.

Я.

Янкович, серб.—99, 100.

Z.

Z.—113.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Вступление. 7

I. Арест Ив. Пеньковского. Дело М. К. Элпидина. Дело бр. Пеньковских 11

II. Ек. Ал. Солодовникова. Ее арест. Ее отношения с Ив. Пеньковским 18

III. Письма к В. Ф. Суфщинскому из Женевы. «История начала и конца миссии Бочкарева». 25

IV. Ив. Ив. Бочкарев. Его поездки за границу. Бочкарев на Омладинской скупщине в 1867 г. 37

V. Член I Интернационала череповецкий мещанин Ив. Гл. Розанов и его жизнь. 57

VI. Рассказ Розанова о пребывании Бочкарева в Женеве. . . . 86

VII. Запирательство и признание Бочкарева. Его встречи с Герценом, Утиным и Элпидиным. Обыск, произведенный у Бочкарева эмигрантами. 96

VIII. Некоторые итоги. Петербургские революционные кружки 1868 г. 109

IX. Дело о подготовке покушения на Александра II в Елизаветграде в 1869 г. 123

X. Тайная организация „Сморгонская академия“. 135

XI. Террористические настроения в революционной среде конца 60-х годов. С. Г. Нечаев и елизаветградское дело. Показания Собещанского. Н. Н. Катин-Ярцев и М. П. Троицкий. 145

XII. Последующая жизнь И. И. Бочкарева. Его дружба с Л. Н. Толстым 155

Заключение. 161

Приложения:

I. Письмо Е. А. Солодовниковой С. В. Езерскому. 165

II. Из письма Н. Д. Кипиани В. А. Черкезову. 167

III. Из письма Н. Д. Кипиани отцу. 170

IV. Из показаний Н. Д. Кипиани в следственной комиссии. . . . 174

V. Письмо И. И. Бочкарева М. О. Антоновой. 175

VI. Дело Ф. Д. Гриднина 176

VII. Программа революционного журнала 179

Именной указатель. 184